

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИЗВЕСТИЯ
ЮЖНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

DOI: 10.23683/1995-0640

2019

№ 2

Редакционная коллегия:

Н. В. Изотова, главный редактор, д. филол. наук, профессор,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
С. Г. Агапова, зам. главного редактора, д. филол. наук, профессор,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
В. Ю. Меликян, зам. главного редактора, д. филол. наук, профессор,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
И. В. Нефедов, зав. редакцией журнала, к. филол. наук, доцент,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
Е. В. Ахмадулин, раздел журналистики, д. филол. наук, профессор,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
Л. Г. Ларионова, раздел образования, д. пед. наук, профессор,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
С. В. Коростова, раздел языкознания, к. филол. наук, доцент,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
Л. В. Табаченко, раздел рецензий и хроники, д. филол. наук, профессор,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
В. Н. Чубарова, раздел литературоведения, к. филол. наук, доцент,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Редакционный совет:

Т. Н. Ломтева, д. пед. наук, профессор,
Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
Джордж Гайди Фоулер, Ph.D., профессор, университет Индианы, Блумингтон, США
О. В. Александрова, д. филол. наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
А. Д. Дейкина, д. пед. наук, профессор, МПГУ, Москва, Россия
Афит Эрнандес Вильяльба, Ph.D., профессор, Технологический университет Монтеррей,
Кампус Куэрнавака, Мексика
О. Н. Левушкина, д. пед. наук, профессор, Московский институт открытого образования,
Москва, Россия
Е. Л. Варганова, д. филол. наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Т. Б. Михеева, д. пед. наук, доцент, Донской государственный технический университет,
Ростов-на-Дону, Россия
Вольфганг Мюль-Беннингхауз, Ph.D., профессор, Берлинский университет им. Гумбольдта,
Берлин, Германия
Л. П. Промова, д. филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
С. Н. Зотов, д. филол. наук, профессор, Таганрогский институт им. А.П. Чехова, Таганрог, Россия
В. И. Карасик, д. филол. наук, профессор, Волгоградский государственный педагогический
университет, Волгоград, Россия
Мануэль Перес Хименес, Ph.D., профессор, Университет Алкала, Алкала-де-Энарес, Испания
Стефенс Митчел, Ph.D., профессор, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США
Хуан Мануэл Маркос, Ph.D., профессор, UniNorte, Асунсьон, Парагвай
О. А. Джумайло, д. филол. наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
У. М. Панеш, д. филол. наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия
Ким Вон Хан, Ph.D., профессор Государственного университета Чонбук, Чонджу, Южная Корея
С. М. Кравцов, д. филол. наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Номер подготовил редактор В.И. Литвиненко

Адрес редакции:

344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 150, к. 11, тел. (863) 264-47-88

Учредитель и издатель:

ФГАОУ ВО "Южный федеральный университет".
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Св. о рег. ПИ № ФС77-28745 от 05.07.2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия

© Редакционная коллегия журнала
«Известия Южного федерального
университета. Филологические
науки», 2019 г.

Proceedings of Southern Federal University. Philology 2019. № 2

Editorial board

Natalya Valeryanovna Izotova, chief editor, Ph.D., professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
Sofiya Grigorievna Agapova, deputy of chief editor, Ph.D., professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
Vadim Yurievich Melikyan, deputy of chief editor, Ph.D., professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
Igor Vladislavovich Nefedov, head of the editorial's, candidate of philology, associate professor, Southern
Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
Evgeny Valerievich Ahmadulin, journalism section, Ph.D., professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
Ludmila Gennadievna Larionova, education section, Ph.D., professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
Svetlana Vladimirovna Korostova, linguistics section, candidate of philology, associate professor, Southern
Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
Lyudmila Vladimirovna Tabachenko, reviews and chronicles section, Ph.D., professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
Valentina Nikolaevna Chubarova, literature study section, candidate of philology, associate professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Editorial Council

Tatyana Nikolaevna Lomteva, Ph.D., professor, North-Caucasus Federal University, Stavropol,
Russian Federation
George Hayden Fowler, Ph.D., professor, Department of Slavic Languages and Literatures, Indiana
University, Bloomington, IN 47405-7103 USA, United States
Olga Viktorovna Alexandrova, Ph.D., professor, Moscow State University of M.V. Lomonosov,
Moscow, Russian Federation
Alevtina Dmitrievna Deykina, Ph.D., professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow,
Russian Federation
Afit Hernandez Vilalba, Ph.D., professor, Technological University of Monterrey, Cuernavaca
Campus, Mexico
Olga Nikolaevna Lyovushkina, Ph.D., professor, Moscow University of Open Education,
Moscow, Russian Federation
Elena Leonidovna Vartanova, Ph.D., professor, Moscow state university of M.V. Lomonosov,
Moscow, Russian Federation
Tatyana Borisovna Miheeva, Ph.D., associate professor, Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russian Federation
Wolfgang Mull-Benninghaus, Ph.D., professor, Berlin University. Humboldt, Berlin, Germany
Ludmila Petrovna Gromova, Ph.D., professor, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg,
Russian Federation
Sergey Nikolaevich Zotov, Ph.D., professor, Taganrog Institute of A.P. Chekhov, Taganrog,
Russian Federation
Vladimir Ilyich Karasik, Ph.D., professor, Volgograd State Pedagogical University, Volgograd,
Russian Federation
Manuel Peres Jimenes, Ph.D., professor, University of Alcalá, Alcalá de Henares, Spain
Stephens Mitchell, Ph.D., professor, New York University, New York, United States of America
Juan Manuel Marcos, Ph.D., professor, UniNorte, Asuncion, Paraguay
Olga Anatolyevna Dzhumaylo, Ph.D., associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don,
Russian Federation
Panesh Uchuzhuk Mashkhudovich, Ph.D., professor, Adygea State University, Maikop, Russian Federation
Kim Won Han, Ph.D., professor, State University of Jeonbuk, Jeonju, South Korea
Kravtsov Sergey Mihailovich, Ph.D., professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

The editor of the issue is V.I. Litvinenko

Mailing Address:

Office 11, 150, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don,
Russian Federation, 344006
Nefedov Igor Vladislavovich
Phone: +79604643321, Email: igornef@yandex.ru

© Editorial board of "Proceedings
of Southern federal university.
Philology", 2019.

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2

СОДЕРЖАНИЕ №2 2019

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Солдатова О.Б.

Аксиологический потенциал лексемы *Kid* в британской газете «The Guardian» (на материале статей, посвященных миграционной политике «нулевой терпимости» Д. Трампа) 12

Керимова С.У.

Эпиграммы В. Гафта в аспекте лингвопоэтической формы 21

Носачёва М.И.

Композитное поле английских субстантивных клинических терминов: вертикальная структура 30

Дякина А.А., Самохина Г.А.

Лексическое наполнение категории «толерантность» в современной российской прессе 39

Куваева А.А.

Глюттония как фрагмент адыгской лингвосемиотической картины мира 49

Ерещенко М.В.

Эмоциональное содержание текста неформального интервью в аспекте реагирующих реплик респондента 61

Дудникова Л.В., Милевская Т.В.

Специфика реализации категории связности в медицинском (научном) дискурсе 68

Каппушева Л.М.

Языковое воплощение онтологической оппозиции «истина/ложь» в драматургическом тексте М.М. Рощина в свете теории голографического моделирования 75

Неустроев К.С.

Эпистемические модификаторы в научно-юридическом тексте: смыслы, мотивация употребления, прагматическая нагрузка 84

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Бестолков Д.А.

Категория «творчество» в публицистике Ю.В. Бондарева: интерпретация и опыт философского анализа 90

Дударева М.А.

О фольклоризме О.Э. Мандельштама: постановка вопроса ... 98

Родина М.А.

«Пристальное чтение» и его роль в интерпретации романов Э. Боуэн «*The Last September*» и «*To The North*» 106

Бақула В.Б.

Первая повесть в литературе кольских саамов 115

Суровцева Е.В.

Л.Н. Толстой и П.А. Столыпин: история взаимоотношений и полемики в свете переписки 124

Мусукаева А.Х., Гязов И.В.

Кабардинский роман в аспекте эволюции жанровых форм 130

Заславский О.Б.

«Утёс» М.Ю. Лермонтова: мотив одиночества в структуре текста 140

Минасян С.В.

Пастиш как приём гротескного конструирования романа Бориса Виана «Разборки по-андейски» 146

ОБРАЗОВАНИЕ**Бекасова Е.Н., Миронова Е.А.**

Концептуальные подходы в преподавании курса «История русского литературного языка» в педагогическом вузе 156

Аверкова О.В., Павлюк Е.В.

Выявление проблемных зон при изучении английской грамматики и лексики у студентов технических специальностей 167

Павлова Т.И.

Совершенствование орфографической грамотности учащихся-билингвов на уроках русского языка 174

Чжао Цзыхэн, Болдырева О.Н.

Межкультурная коммуникация в контексте прагматической способности 180

ЖУРНАЛИСТИКА

К юбилею профессора Е.В. Ахмадулина 190

Громова Л.П., Лепилкина О.И., Тулунов В.В.

Историк и теоретик журналистики 191

Донских А.Г.

Общедоступная информация в интернете и особенности её использования журналистами. Юридический аспект 201

Клец Ю.А.

Отражение Первой мировой войны в официальной и частной прессе Ставропольской губернии 1914–1917 гг. 209

Кака Мохаммед Омер Кака

Начало курдской прессы: газета «Курдистан» 215

РЕЦЕНЗИИ

Спачиль О.В. Жизнь чеховских героев в зеркале метафор
(Щаренская Н.М. Жизнь в метафорическом зеркале:
повесть А.П. Чехова «Моя жизнь»: монография / Южный
федеральный университет. Ростов н/Д.: Изд-во Южного
федерального университета, 2016. 254 с.) 226

ХРОНИКА

Козакова А.А., Литвинова И.А. VI Международный
конгресс исследователей русского языка «Русский язык:
исторические судьбы и современность» 230

Положение о правилах рецензирования статей в
журнале «Известия Южного федерального университета.
Филологические науки» 232

Требования к материалам, публикуемым в журнале 233

CONTENTS №2 2019

LINGUISTICS

Olesya B. Soldatova

- Axiological Potential of Lexeme *Kid* in British Newspaper
"The Guardian" (on the Material of Articles, Dedicated to
D. Tramp's Migration Policy of "Zero Tolerance") 12

Sabina U. Kerimova

- Epigrams by V. Gaft in the Aspect of Linguapoetic Form 21

Marina I. Nosacheva

- Compound Field of English Substantive Clinical Terms:
Vertical Structure 30

Anzhelika A. Dyakina, Galina A. Samokhina

- Lexical Content of the Category «Tolerance»
in Contemporary Russian Press 39

Anzhela A. Kuvaeva

- Gluttony as a Fragment of an Adyghe Semiolinguistic
World Picture 49

Margarita V. Ereshchenko

- Emotional Content of Non-Formal Interview
Text in the Aspect of Respondent's Reactive Utterances 61

Lina V. Dudnikova, Tatyana B. Milevskaya

- Features of the Cohesion Category
in Medical (Scientific) Discourse 68

Leyla M. Kappusheva

- Language Embodiment of Ontological Opposition "Truth/Lie"
in Dramatic Text by M.M. Roschin in the Context
of Holographic Modeling 75

Kirill S. Neustroev

- Epistemic Modifiers in Scientific Legal Text:
Meaning, Motivation, Pragmatic Load 84

LITERATURE STUDY

Dmitry A. Bestolkov

- Category of "Creativity" in Y.V. Bondarev's
Publicistic Writing: Interpretation and Experience
of Philosophical Analysis 90

Marianna A. Dudareva

- About the Folklorism of O. Mandelstam: Statement of the Issue 98

Maria A. Rodina

- 'Close-Reading' and its Role for the Interpretation
of E. Bowen's Novels *The Last September* and *To The North* 106

<i>Viktoria B. Bakula</i>	
The First Narrative in the Literature of the Kola Saami	115
<i>Ekaterina V. Surovtseva</i>	
L.N.Tolstoy and P.A.Stolypin: history of relations and polemics in the light of correspondence	124
<i>Andzhella Kh. Musukaeva, Islam V. Gyazov</i>	
Kabardian Novel through the Evolution of Genre Forms	130
<i>Oleg B. Zaslavsky</i>	
M. Yu. Lermontov's «The Cliff»: Motive of Loneliness in the Structure of the Text	140
<i>Sofia V. Minasyan</i>	
Pastiche as a Reception of the Grotesque Construction of Boris Vian's Novel "Turmoil in the Swaths"	146
EDUCATION	
<i>Elena N. Bekasova, Ekaterina A. Mironova</i>	
Conceptual Approaches in Teaching the Course «History of the Russian Literary Language» at the Pedagogical University	156
<i>Olga V. Averkova, Evgeny V. Pavlyuk</i>	
Detection of Problematic Aspects for the Students of Technical Specialties in the Process of English Grammar and Lexis Studies	167
<i>Tatyana I. Pavlova</i>	
Improving Spelling Literacy for Bilingual Students at the Lessons of Russian Language	174
<i>Zhao Ziheng, Olga N. Boldyreva</i>	
Intercultural Communication in the Context of Pragmatic Ability	180
JOURNALISM	
On the Anniversary of Professor E. V. Akhmadulin	190
<i>Lyudmila P. Gromova, Olga I. Lepilkina, Vladimir V. Tulupov</i>	
Historian and Theorist of Journalism	191
<i>Anna G. Donskikh</i>	
Publicly Available Information on the Internet and the Specifics of its Use by Journalists. Legal Aspects	201
<i>Yulia A. Klets</i>	
Reflection of the First World War in Official and Private Press of the Stavropol Province in 1914-1917	209
<i>Kaka Mohammed Omer Kaka</i>	
Formation of the Kurdish Press: "Kurdistan" Newspaper	215

REVIEWS

<i>Spacil O. V.</i> Life of Chekhov’s Characters in the Mirror of Metaphors (Scharenskaya N.M. Life in a Metaphorical Mirror: Narration by A.P. Chekhov «My Life»: Monograph / N.M. Scharenskaya; Southern Federal University. – Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University, 2016. 254 p.)	226

CHRONICLES

<i>Kozakova A.A., Litvinova I.A.</i> VI International Congress of Russian Language Researchers «Russian Language: Historical Destinies and Modernity»	230
Issue on review procedure of the articles in the journal “Proceedings of Southern Federal University. Philology”	232
Guideline for the materials, publishing in the journal	233

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.11-112
ББК 81.2-5

О.Б. Солдатова

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ
KID В БРИТАНСКОЙ
ГАЗЕТЕ «THE GUARDIAN»
(на материале статей,
посвященных
миграционной политике
«нулевой терпимости»
Д. Трампа)**

Статья посвящена изучению аксиологического потенциала фамильярно-разговорной лексики *kid*, детерминированного стилистической маркированностью слова и содержанием концептуально-когнитивного фрейма «ребенок», в тексте британской прессы. В качестве эмпирического материала приводятся случаи создания отрицательной оценки при актуализации мелиоративно-оценочных коннотаций лексики, что является примером манипуляции СМИ мнением и оценочной перцепцией аудитории при освещении острых социальных и политических проблем.

Ключевые слова: аксиологический потенциал, разговорная маркированность, концептуально-когнитивный фрейм, субфрейм, кластер, контекстуальная оценка, узуально-имплицитно оценочная лексика, фамильярно-разговорная лексема.

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-12-20

Солдатова Олеся Борисовна – канд. филол. наук, научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Барнаульского юридического института МВД России
Тел.: 8-960-950-50-10
E-mail: bugaeva82@mail.ru

© Солдатова О.Б., 2019.

Аксиологическая оценка является неотъемлемой частью всех видов деятельности человека, в языке аксиологическая репрезентация имеет место на всех уровнях, в том числе и на уровне слова. Лексике любого естественного языка представляется возможным разделить на ингерентно-оценочную, содержащую оценочные смыслы на уровне интенционала, и адгерентно-оценочную, содержащую оценку на уровне импликационала словозначения. Определение наличия оценки на уровне интенционала значения производится путем анализа дефиниции лексики: при наличии в ней компонентов оценочного характера (*good, bad*), либо при наличии данных компонентов в ходе цепочечно-дефиниционного анализа лексем, используемых в исходной дефиниции. Ингерентно-оценочная лексика характеризуется наличием высокого аксиологического потенциала, под которым понимается способность слова участвовать в креативировании контекстуальной оценки. Адгерентно-оценочная лексика не имеет оценочных компонентов ни в исходной дефиниции, ни в определениях лексем исходной дефиниции в ходе цепочечно-дефиниционного анализа. Адгерентно-оценочная лексика включает в себя узуально-имплицитно оценочную и окказионально-имплицитно оценочную лексику. Первый тип лексики характеризуется наличием аксиологической оценки на уровне сильного импликационала значения и обладает высоким аксиологическим потенциалом, второй тип характеризуется наличием оценочных коннотаций

на уровне слабого импликационала словозначения и обладает низким аксиологическим потенциалом.

Фамильярно-разговорное слово является чертой дружеского и семейного общения и относится нами к узуально-имплицитно оценочной лексике. В данной статье рассматривается фамильярно-разговорная лексема *kid*, аксиологический потенциал которой детерминирован не только фамильярно-разговорной маркированностью, но и содержанием концептуально-когнитивного фрейма «ребенок», в частности в случаях дивергенции прагматики функционирования данной лексемы и прагматики контекста. Под концептуально-когнитивным фреймом понимается «ментальное пространство, представляющее собой систему связанных между собой концептов в рамках единого фрагмента картины мира со сложной структурой, в которой существует иерархия субфреймов, представляющих различные ситуации и состояния, реализующиеся в рамках фрейма» [Мурашова, 2015, с. 22]. Рассматриваемый концептуально-когнитивный фрейм относится к базисным ментальным образованиям и характеризуется сложной структурой ментального построения, которая образована иерархией субфреймов, репрезентирующих различные ситуации и состояния семейных отношений и актуализирующих эти ситуации в поле семантико-ассоциативных связей.

Целью данного исследования является определение взаимозависимости аксиологического потенциала лексем, содержания соответствующего концептуально-когнитивного фрейма, а также стилистической маркированности слова на примере фамильярно-разговорной лексем *kid*. Новизна исследования состоит в описании аксиологического потенциала адгерентно-оценочного слова, детерминированного стилистической сниженностью и кластерами концептуально-когнитивного фрейма при функционировании в тексте британской газеты «The Guardian». Актуальность исследования определяется необходимостью изучения аксиологического потенциала адгерентно-оценочной лексики, актуализируемого в контексте британского медиадискурса. С целью изучения аксиологического потенциала фамильярно-разговорной лексем *kid* проанализированы 896 контекстов создания и интенсификации контекстуальной оценки за счет использования данного коллоквиализма. Источниками анализируемого материала послужили контексты британской газеты «The Guardian» (2005 – 2018 гг.) информационного (интервью, заметка, репортаж) и аналитического (обзоры, комментарии, статьи) жанров. В качестве эмпирического материала в данной статье приводятся контексты статей и комментариев, посвященных миграционной политике Д. Трампа как одной из актуальных социальных проблем современного американского общества в перцепции британских медиа. Выводы, эксплицируемые в представляемой работе, сделаны на основе анализа всего материала, выбор тематики приводимого эмпирического материала обусловлен актуальностью рассматриваемой проблематики и общественным резонансом не только в США, но и европейских странах.

Теоретической базой для исследования послужили работы ученых в области аксиологии (М.С. Ретунская, Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова и др.), лингвистической семантики (Е.Г. Беляевская, М.В. Никитин и др.) и концептуализации (Е.С. Кубрякова, В.И. Карасик и др.).

В качестве методов исследования в работе использованы анализ словарных дефиниций, концептуальный анализ, контекстуальный анализ, прием количественной обработки материала.

С целью установления взаимозависимости актуализации аксиологического потенциала фамильярно-разговорного слова *kid* в тексте британской газеты «The Guardian» и содержанием концептуально-когнитивного фрейма «ребенок» по аналогии с исследованием Н.К. Аванесян [Аванесян, 2012] были выделены следующие кластеры: 1) «эмоциональная реакция ребенка», 2) «оценочное описание ребенка» (атрибутивно-ценностная перцепция ребенка), 3) «социальный статус ребенка» (потребность в воспитании, протекции, содержании и др.), 4) «эмоциональное взаимодействие с ребенком» (взаимодействие между ребенком и взрослым), 5) «прототип поведения ребенка» (набор типичных поведенческих действий ребенка).

Анализ аксиологических контекстов функционирования лексемы *kid* дает возможность выделить следующие случаи креативирования контекстуальной оценки: флуктуация положительной оценки при актуализации мелиоративно-оценочных коннотаций словозначения, отрицательной оценки – при актуализации пейоративно-оценочных коннотаций, отрицательной оценки – при актуализации мелиоративно-оценочных коннотаций. Последний случай характерен непосредственно для медиадискурса, в частности в случаях освещения британской газеты «The Guardian» актуальных проблем социума, репрезентацией чего служат статьи и комментарии, главной темой обсуждения которых является миграционная политика «нулевой терпимости» Д. Трампа и обусловленные ею проблемы. Прагматика речеупотребления фамильярно-разговорной лексемы *kid* в контексте описания острой социальной и политической проблемы состоит в необходимости влияния британскими средствами массовой информации на перцепцию и оценку данного вопроса социумом, что становится возможным благодаря следующим аспектам:

1) прагматическая характеристика функционирования рассматриваемой лексемы в силу ее стилистической маркированности состоит в импликации близких семейных отношений, прагматика контекста описания реализации миграционного указа американского президента, согласно которому при незаконном пересечении границы США с Мексикой детей забирали у родителей и отправляли в специальные изоляторы, эксплицирует нарушение человеческих прав, прав ребенка, нанесение морального ущерба. Дивергенция прагматики слова и прагматики контекста результирует в создании высокоинтенсивной аксиологической оценки;

2) кластеры, обусловленные содержанием концептуально-когнитивного фрейма «ребенок», детерминируют наличие у разговорной

лексемы *kid* высокого аксиологического потенциала благодаря общественному восприятию ребенка как наиболее уязвимого члена социума, который одновременно является будущим человечества, нуждающимся в протекции и заботе. В силу инстинкта продолжения рода и социального воспитания в подавляющем большинстве случаев медийная аудитория симпатизирует и сочувствует детям, что становится в руках средств массовой информации мощным механизмом манипулирования общественным мнением и оценочным восприятием.

Рассмотрим отдельные аксиологические контексты, где интенсивная отрицательная контекстуальная оценка становится результатом актуализации мелиоративных коннотаций словозначения:

(1) *With the exception of the few surviving descendants of Native Americans, every single person in America is there because someone in their family immigrated. And while most of us have got used to a certain amount of hypocrisy from politicians on this subject, the images of lone toddlers, knee high to the immigration officials taking their parents away, have exposed the bottomless cruelty of the right. They will rage in defence of the rights of "the unborn child", but throwing kids in cages is apparently fine. This administration has so successfully demonised non-white immigrants* (The Guardian, 19 June (H. Freeman)).

Автор статьи подчеркивает цинизм и несправедливость ситуации: американское общество борется за права нерожденного ребенка, одновременно бросая «цветных» детей в клетки и ущемляя их права. Х. Фримен также отмечает, что практически все американцы являются потомками иммигрантов. Интенсивный аксиологический контекст создается комплексностью средств: ингерентно-оценочных лексем (*hypocrisy* 'behaviour in which someone claims to have certain moral principles or beliefs but behaves in a way that shows they are not sincere', *cruelty* 'behaviour that deliberately causes pain to other people or animals, or that makes them unhappy or upset', *demonise* 'to describe someone or something as very bad or dangerous although they are not'), интенсификаторов (*every single person*, *bottomless cruelty of the right*, *so successfully demonized*), атрибутивного описания маленьких детей, оставленных без родителей (*lone toddlers*, *knee high to the immigration officials*).

Важную роль в создании аксиологического контекста играют стилистическая маркированность лексемы *kid*, имплицитная прагматика теплого семейного общения, и содержание концептуально-когнитивного фрейма «ребенок»: субфреймы «страх», «тоска», «безысходность» (кластер «эмоциональная реакция ребенка»), «маленький одинокий ребенок» (кластер «оценочное описание ребенка»), «потребность в заботе и защите родителей» (кластер «социальный статус ребенка»), «любовь», «страдания родителей» (кластер «эмоциональное взаимодействие с ребенком»), «боязнь незнакомых людей», «плач» (кластер «прототип поведения ребенка»).

(2) *There has been condemnation from religious leaders and from business. In Dublin, Tim Cook, the chief executive of Apple, told the Irish Times:*

*"It's heartbreaking to see the images and hear the sounds of the **kids**. **Kids** are the most vulnerable people in any society. I think that what's happening is inhumane, it needs to stop"* (The Guardian, 19 June (D. Smith)).

Лидеры религиозных и деловых организаций выражают неодобрение по поводу проводимой американским президентом миграционной политики. Все цивилизованное общество не может остаться безучастным к страдающим детям. Интенсивная пейоративная оценка ситуации креатируется за счет аксиологически маркированных лексем (*heartbreaking* 'making you feel very sad or upset', *vulnerable* 'someone who is vulnerable is weak or easy to hurt physically or mentally', *inhumane* 'treating people or animals in a very cruel way'), стилистической сниженности лексемы *kid* и актуализации таких субфреймов концептуально-когнитивного фрейма «ребенок», как «тревога», «испуг», «одиночество» (кластер «эмоциональная реакция ребенка»), «уязвимость», «потребность в защите родителей» (кластер «социальный статус ребенка»), «плач», «паника в незнакомых условиях» (кластер «прототип поведения ребенка»).

(3) *Fred Upton, a congressman from Michigan, urged an immediate end to the "ugly and inhumane practice", adding: "It's never acceptable to use **kids** as bargaining chips in political process."* *John McCain of Arizona, a frequent Trump critic, tweeted: "The administration's current family separation policy is an affront to the decency of the American people, and contrary to principles and values upon which our nation was founded. The administration has the power to rescind this policy. It should do so now"* (The Guardian, 19 June (D. Smith)).

Критика действий американской администрации и призывы прекратить политику «нулевой терпимости» звучат в устах высокопоставленных лиц и простых обывателей. Отрицательная оценка эксплицируется за счет аксиологически маркированных лексических средств (*ugly* 'very unpleasant', *inhumane*), стилистической маркированности слова и субфреймов «беззащитный ребенок», «политическая игрушка», «предмет манипуляции», «рычаг воздействия» (кластер «оценочное описание ребенка»).

(4) *"Those **kids** inside who have been separated from their parents are already being traumatized," said the Democratic senator Jeff Merkley, of Oregon, who was denied entry earlier this month to children's shelter. "It doesn't matter whether the floor is swept and the bedsheets tucked in tight"* (The Guardian, 17 June).

Сенатор Джефф Меркли, член Демократической партии, которому было отказано в возможности увидеть условия содержания детей беженцев, подчеркивает проблему их психологического состояния. Пейоративное отношение к проблеме имплицитно создается за счет прагматических характеристик лексемы *kid* и субфреймов «психологическая травма», «стресс» (кластер «эмоциональная реакция ребенка»).

(5) *Stories have spread of children being torn from their parents' arms, and parents not being able to find where their **kids** have gone. A group of congressional lawmakers visited the same facility on Sunday and were set to*

visit a longer-term shelter holding about 1,500 children – many of whom were separated from their parents (The Guardian, 17 June).

Аксиологический контекст креатируется за счет прагматики лексемы *kid*, а также таких субфреймов концептуально-когнитивного фрейма «ребенок», как «испуг», «паника» (кластер «эмоциональная реакция ребенка»), «горе», «потеря», «стремление вернуть ребенка», «любовь», «тоска» (кластер «эмоциональное взаимодействие с ребенком»). Интенсивность оценки также детерминирована создаваемым образом – дети вырываются из рук родителей, которые не могут потом найти своих детей.

(6) *“I don’t know why they are doing that. There’s got to be a solution to that you don’t separate **kids** from parents,” said Nylund, who added that he was separated from his parents at the age of five and spent much of his youth in “boarding houses”* (The Guardian, 21 June).

Мнение человека, прошедшего в своей жизни через подобные трудности, крайне важно. Джек Нилунд, ярый сторонник Д. Трампа, не одобряет его миграционную политику, считая, что есть другие более лояльные пути решения данной проблемы. Пейоративная оценка имплицитруется в контексте за счет прагматики анализируемой лексемы и содержания таких кластеров концептуально-когнитивного фрейма «ребенок», как «эмоциональная реакция ребенка» (субфреймы «одиночество», «тоска»), «социальный статус ребенка» («право на заботу родителей и совместное с ними проживание»), «эмоциональное взаимодействие с ребенком» (субфрейм «любовь родителей»).

(7) *Brian Klaas, a fellow at the London School of Economics and former Democratic strategist, wrote: “This is so unbelievably tone-deaf, given that public outrage is growing over young **kids** being forcibly ripped from the arms of their parents at the border – a barbaric policy that Ivanka Trump is complicit in supporting.”* (The Guardian, 28 May).

Мнение американского политолога Б. Клааса по поводу политики «нулевой терпимости» характеризуется высокоинтенсивной отрицательной оценкой, что репрезентируется посредством контекстуального функционирования ингерентно-оценочных и узуально-имплицитно оценочных лексем, характеризующихся наличием высокого аксиологического потенциала: *tone-deaf* ‘unable to sing a tune correctly because you cannot hear the difference between musical notes’ (с интенсификаторами *so*, *unbelievably* ‘used for emphasizing how good, bad, impressive etc something is’); *forcibly* ‘involving the use of force’, *outrage* ‘a strong feeling of anger and shock at something that you feel is wrong or unfair’, *rip* ‘to tear something quickly and with a lot of force’, *barbaric* ‘extremely violent and cruel’. Оценка жестокости проводимой политики креатируется в британском медиаконтексте с помощью стилистической маркированности лексемы *kid* и субфреймов концептуально-когнитивного фрейма «ребенок», а именно: «одиночество», «страх разлуки», «безысходность», «психологическая травма», «бессилие» (кластер «эмоциональная реакция ребенка»), «одиноким ребенок», «испуганный ребенок», «ребенок без родителей» (кластер «оценочное описание ребенка»), «право на заботу родителей

и совместное с ними проживание», «потребность в протекции» (кластер «социальный статус ребенка»), «нежные отношения» (кластер «эмоциональное взаимодействие с ребенком»).

Анализ общего количества контекстов позволяет сделать следующие выводы: 1) коллоквиализм *kid* частотно используется в тексте британской прессы, в частности британской газеты «The Guardian»; 2) рассматриваемая лексема относится к узуально-имплицитно оценочной лексике, оценочные смыслы содержатся на уровне сильного импликационала словозначения; 3) лексема *kid* характеризуется наличием сильного аксиологического потенциала; 4) фамильярно-разговорная маркированность слова имплицитно прагматическую информацию о семейном и дружеском общении; 5) дивергенция прагматики речепотребления лексемы и прагматики контекста является источником креативирования высокоинтенсивной аксиологической оценки в тексте; 6) кластеры концептуально-когнитивного фрейма «ребенок» детерминируют флуктуацию контекстуальной оценки; 7) речепотребление фамильярно-разговорной лексемы *kid* в медийных текстах описания острых социальных и политических проблем является ярким примером манипулирования британскими средствами массовой информации, репрезентантом которых является газета «The Guardian», общественным мнением и оценкой, поскольку ребенок является наиболее уязвимым членом социума, вызывает эмпатию со стороны подавляющего большинства аудитории.

Изучение речепотребления в тексте британской прессы узуально-имплицитно оценочной разговорной лексики дает более детальное представление о речевой актуализации аксиологического потенциала адгерентно-оценочной лексики.

Литература и источники

Аванесян Н.К. Языковая объективация концептуально-когнитивного фрейма «мать» в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2012. 34 с.

Мурашова Л.П. Концептуально-когнитивный фрейм // НДВШ. Филол. науки. 2015. № 6. С. 16 – 22.

Associated Press in McAllen. Separation at the border: children wait in cages at south Texas warehouse. The Guardian, 17 June 2018. (Электронный ресурс) URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jun/17/separation-border-children-cages-south-texas-warehouse-holding-facility> (дата обращения 03.07.2018).

Freeman H. Donald Trump's child cruelty shocks us, but it shouldn't surprise us. The Guardian, 19 June 2018. (Электронный ресурс) URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jun/19/donald-trump-child-cruelty-american-pedigree> (дата обращения 01.07.2018).

Jacobs B. Trump on child separations: outcry is a distraction by Democrats. The Guardian, 21 June 2018. (Электронный ресурс) URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jun/20/donald-trump-rally-minnesota-family-separations-democrats-attack> (дата обращения 01.07.2018).

McCarthy T. Ivanka Trump photo with son sparks backlash over border separations. The Guardian, 28 May 2018. (Электронный ресурс) URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/may/28/ivanka-trump-photo-son-backlash-border-separations>

www.theguardian.com/us-news/2018/may/27/ivanka-trump-tweets-photo-backlash-border-separation-policy (дата обращения 03.07.2018).

Smith D., Phillips T. Child separations: Trump faces extreme backlash from public and his own party. *The Guardian*, 19 June 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jun/19/child-separation-camps-trump-border-policy-backlash-republicans> (дата обращения 01.07.2018).

References

Avanesyan N.K. *Yazykovaya ob'ektivatsiya kontseptual'no-kognitivnogo freyma "mat" v angliyskom i russkom yazykakh*: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Pyatigorsk, 2012. 34 p. (In Russian).

Murashova L.P. Kontseptual'no-kognitivnyy freym. *NDVSh. Filol nauki*. 2015, no. 6. pp. 16-22. (In Russian).

Associated Press in McAllen. Separation at the border: children wait in cages at south Texas warehouse. *The Guardian*, 17 June 2018. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jun/17/separation-border-children-cages-south-texas-warehouse-holding-facility> (accessed 03.07.2018).

Freeman H. Donald Trump's child cruelty shocks us, but it shouldn't surprise us. *The Guardian*, 19 June 2018. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jun/19/donald-trump-child-cruelty-american-pedigree> (accessed 01.07.2018).

Jacobs B. Trump on child separations: outcry is a distraction by Democrats. *The Guardian*, 21 June 2018. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jun/20/donald-trump-rally-minnesota-family-separations-democrats-attack> (accessed 01.07.2018).

McCarthy T. Ivanka Trump photo with son sparks backlash over border separations. *The Guardian*, 28 May 2018. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/may/27/ivanka-trump-tweets-photo-backlash-border-separation-policy> (accessed 03.07.2018).

Smith D., Phillips T. Child separations: Trump faces extreme backlash from public and his own party. *The Guardian*, 19 June 2018. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/jun/19/child-separation-camps-trump-border-policy-backlash-republicans> (accessed 01.07.2018).

Olesya B. Soldatova (Barnaul, Russian Federation)

Axiological Potential of Lexeme *Kid* in British Newspaper *The Guardian* (on the Material of Articles, Dedicated to D. Tramp's Migration Policy of "Zero Tolerance")

The article is devoted to the study of the axiological potential of familiar-colloquial lexeme *kid*, determined by the word stylistic marking and the content of the conceptual-cognitive frame "child", in the text of the British press. The divergence of the lexeme usage pragmatics and the context pragmatics is the source of the creation of a high-intensity axiological evaluation in the text. For the purpose of analyzing the contextual actualization of evaluation meanings, five clusters are identified in the structure of this conceptual-cognitive frame, the influence of their sub-frames plays a decisive role in the evaluation creation in the British media text. As an empirical material, there are cases of creating a negative evaluation

at actualization of the lexeme meliorative-estimated connotations. The use of familiar-conversational word *kid* in media texts describing major social and political problems is a vivid example of the manipulation with public opinion and evaluation by the British media, since the child is the most vulnerable member of the society, causing empathy from the overwhelming majority of the audience. The study of the use of the usually-implicitly evaluative conversational vocabulary in cases of determination of the assessment at the context level due to the influence of the subframes of clusters of the corresponding conceptual-cognitive frame and the familiar-colloquial marking of the lexeme gives a more detailed idea of the axiological potential of the adherently-evaluative vocabulary.

Key words: *axiological potential, colloquial marking, conceptual-cognitive frame, subframe, cluster, contextual evaluation, usually-implicit evaluative vocabulary, familiar-colloquial lexeme.*

Olesya B. Soldatova – candidate of philological sciences, Scientific employee of the research and editorial and publishing department, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Phone: 8-960-950-50-10, e-mail: bugaeva82@mail.ru

УДК 801.6
ББК 80

С.У. Керимова

ЭПИГРАММЫ В. ГАФТА В АСПЕКТЕ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ

Проводится разноаспектный анализ эпиграмм В. Гафта на формальном уровне (стихотворный размер, рифма, приемы звукописи, графического и синтаксического оформления), а также корреляция формы и содержания лирического произведения с точки зрения интенциональной направленности.

Ключевые слова: *стихотворный размер, рифма, аллитерация, ассонанс, фигуры умолчания, семантический ореол.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-21-29

Керимова Сабина Усеиновна – аспирант Южного федерального университета по направлению 45.06.01 (языкознание и литературоведение)
Тел.: +7-908-196-31-13
E-mail: sabina_rock@mail.ru

© Керимова С.У., 2019.

Сатирические жанры не утрачивали своей актуальности на протяжении всей истории литературы, но несмотря на это, эпиграммы продолжают оставаться на периферии интересов лингвистов и литературоведов, они «...подчас рассматриваются или эпизодически, или в иллюстративных целях, или вместе с близкими жанрами» [Пищулин, 2015, с. 55].

Не перестали бытовать эпиграммы и на современном этапе развития литературы, самыми известными из них, без сомнения, являются эпиграммы народного артиста РСФСР В. Гафта, которые представляют интерес не только для читателей и слушателей, но и для исследователей, особенно в свете развития коммуникативной лингвистики.

В данной статье анализируются эпиграммы В. Гафта на формальном уровне, устанавливаются связи между формой и содержанием поэтического текста в аспекте его интенциональной направленности.

Нами было исследовано 106 эпиграмм В. Гафта. Было установлено, что В. Гафт использует все стихотворные размеры: ямб, хорей, дактиль, анапест и амфибрахий. Стоит отметить, что подавляющее большинство эпиграмм написаны самым традиционным стихотворным размером для русской поэзии – ямбом. Из ста шести рассмотренных нами эпиграмм 82 написаны ямбом, что составляет 77,3%, за ямбом следует хорей – 15 эпиграмм, что составляет 14,1%, использование трехсложных размеров является единичным, самым частотным из них является

амфибрахий, из общего количества эпиграмм им написаны 4, что составляет 3,7%, дактилем и анапестом написаны по 2 эпиграммы, это – 1,8% от общего количества проанализированных эпиграмм. Особо стоит выделить одну из эпиграмм Г. Волчек, которая написана смешением стихов, сложенных ямбом и хореем.

Наличие большого количества произведений, написанных ямбом, не выходит за рамки традиций русской литературы. Со времен реформы стихосложения Тредиаковского-Ломоносова ямб являлся самым популярным стихотворным размером среди поэтов разных эпох. Н.А. Богомолов приводит следующие данные: в XVIII в. доля стихотворений, написанных ямбом, составляла примерно 83% от общей доли стихотворений, написанных в течение этого столетия, в XIX в. ситуация начала меняться, доля ямбов падает до 76%, но тем не менее продолжает сохранять абсолютное большинство, во второй половине XIX столетия на долю ямбов приходится 64% всех написанных стихотворений, к концу века – 57%. На долю XX в. приходится около половины стихотворений, написанных этим стихотворным размером. Ямб утратил свои позиции лишь в 10 – 20-х годах XX в., в эпоху модернизма, что объясняется большим количеством экспериментов не только с содержанием, но и с формой стихотворных произведений, но уже с 30-х годов прошлого столетия доля ямбов вновь приближается к половине всех случаев [Богомолов, 1995, с. 104 – 105]. Таким образом, несмотря на некоторую вариативность цифр, ямб всегда оставался главным стихотворным размером русских поэтов, со времен вхождения этого размера в отечественную литературу.

Таким образом, эпиграммы В. Гафта с точки зрения стихотворного размера полностью вписываются в русскую литературную традицию стихосложения.

Рассмотрим эпиграммы В. Гафта в аспекте корреляции «размер стихотворения – его тематика». О взаимоотношении размера стихотворения и его тематики, а также жанровой принадлежности поэты и литературные теоретики задумывались всегда. Формальной стороне стихотворения придавалось большое значение, о чем мы можем судить, если вспомним полемику А.П. Сумарокова («Эпистола о стихотворстве»), А. Кантемира («Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских»), В. Тредиаковского («Новый краткий способ к сложению российских стихов»), а также М.В. Ломоносова («Письмо о правилах русского стихотворства»). Все эти поэты в упомянутых сочинениях давали конкретные указания, как необходимо слагать стихи на русском языке. М.В. Ломоносов особое внимание уделил двусложным размерам, указывая на то, что стихи, сложенные ямбом, устремлены вверх, а также «благородство, великолепие и красоту умножают» [Ломоносов, 1986, с. 470]. М.В. Ломоносов утверждал, что ямб подходит для сочинения од. В то же время хорей и дактиль противопоставлены ямбу, эти размеры названы «падающими» и рекомендованы для изображения различных действий и эмоций. Таким образом, М.В. Ломоносов одним из первых связал стихотворные размеры с тематикой и жанром лирических произведений.

В дальнейшем эта тема развивалась у В.В. Виноградова, который отмечал, что выбор стихотворного размера не является случайным, а также, что у каждого размера имеется некий экспрессивный ореол и значение [Виноградов, 1959, с. 28]. По мнению К.Ф. Тарановского, одного из самых известных стиховедов XX в., одной из задач стиховедения является именно описание этих ореолов, о которых говорил В.В. Виноградов [Тарановский, 2000, с. 282]. М.Ю. Лотман усматривал связь между ритмикой и сюжетной линией стихотворения на примере стихотворения А. Блока «Фьезоле» [Лотман, 1972, с. 53]. Значимым событием в литературоведении стала монография М.Л. Гаспарова «Метр и смысл», в которой автор подробно рассматривает историческое формирование различных стихотворных размеров, а также их функционирование в творчестве поэтов разных эпох, которые придавали этим размерам различные семантические окраски, в зависимости от того, в каком жанре, и в какой тематике тот или иной автор использовал определенный размер [Гаспаров, 2012]. Хотя сам автор данной монографии утверждает, что наука о семантике стихотворных размеров находится на этапе зарождения, его выводы нельзя назвать необоснованными.

Это подтверждается разными примерами. Во-первых, очень часто формальная организация стихотворного произведения имеет большое значение для формирования идиостиля того или иного поэта. Именно с приемом стилизации связан комический эффект подражания великим поэтам в различных анекдотических стихотворениях. Именно узнаваемость метра того или иного автора создает эффект комического. Ярким примером в творчестве В. Гафта может послужить эпиграмма, адресованная поэту-шестидесятнику Андрею Вознесенскому: *На струнах обвисших//бренчат аккорды//То ли загадки, то ли кроссворды.//Кто ты, поэт?//Ежик в тумане,//Платочек на шее//да фига в кармане.//Money, money, money...//Нема, нема, нема...//Ма-ма-ма, па-па-па...//Ка-ра-ул!*

В данной эпиграмме В. Гафт очень точно подметил все формальные стороны творчества А. Вознесенского. Во-первых, это усеченные строки, нарушение метра, во-вторых, наличие риторических вопросов во многих стихотворениях адресата, в-третьих, частое повторение слов в стихотворениях, а иногда даже и целых фраз, в-четвертых, это наличие большого количества авторского использования знака препинания тире, в-пятых, это написание четных строк со строчной буквы. Хотя в эпиграмме В. Гафта есть дефис, а не тире, все же визуально это отсылает нас к творчеству адресата. Именно визуальная узнаваемость стиля поэта-адресата придает данной эпиграмме особую ироничность и подчеркивает семантику самого стихотворения.

Во-вторых, из эпиграмм, написанных ямбом, 61 носит пейоративную окраску, 21 эпиграмма – мелиоративную, в процентном соотношении это количество составляет 75 и 25% соответственно.

Что касается эпиграмм, написанных хореем, из 15 образцов пейоративную окраску носят 11, а мелиоративную, соответственно, 4 эпиграммы, что составляет 73,3 и 26,6%.

Из 4 эпиграмм, написанных амфибрахием, 3 имеют мелиоративную окраску, а 1 – пейоративную (75 и 25%), из двух эпиграмм, сложенных дактилем, обе носят пейоративную окраску 100%), из двух эпиграмм, написанных анапестом, соотношение пейоративной и мелиоративной окраски находится в соотношении 50 на 50%, одна эпиграмма с положительной характеристикой адресата и одна эпиграмма иронического содержания. Таким образом, в процентном соотношении количество эпиграмм с пейоративной и мелиоративной окраской, написанных разными двусложными стихотворными размерами, является примерно одинаковым. П.С. Пищулин отмечает, что на долю эпиграмм с мелиоративной окрашенностью приходится 20-25% от их общего количества в литературе разных периодов [Пищулин, 2015, с. 55]. Следовательно, данные, полученные на основе деления эпиграмм согласно стихотворному размеру, не противоречат общей картине эпиграмм с пейоративной и мелиоративной окраской, количество которых находится в соотношении 70 на 30%. В работе М. Л. Гаспарова говорится о том, что четырехстопный и трехстопный ямб с перекрестной дактилической и мужской рифмовкой во второй половине XIX в. использовался только в сатирических и юмористических стихотворениях и не воспринимался всерьез, таким образом сатирические жанры входят в семантический ореол ямба [Гаспаров, 2012]. Однако в эпиграммах В. Гафта встречаются стихи с разным количеством стоп и различными типами рифмовки: *Всю обнажить себя в искусстве –//Такая у Негоды страсть.//В картине оголила чувства.//В «Плейбое» остальную часть* (Н. Негоде). *Фамильный подорвав престиж.//Минуя сложные преграды.//Он по прямой рванул в Парриж.//Пройдя круги «Сибириады».* (А. Кончаловскому).

Таким образом, имеет место расширение семантического ореола ямба, несмотря на то что этот размер традиционно в русской поэзии имеет самую широкую семантику.

Что касается хорей, в той же работе, М.Л. Гаспаров говорит о том, что сатирические жанры находились на периферии стихосложения, но, тем не менее, присутствовали. Поскольку количество эпиграмм В. Гафта, написанных хореем, значительно меньше, чем ямбом, мы приходим к выводу, что и в этом случае автор не выходит за рамки традиций русской литературы: *И к тебе пришла fortuna.//Фарада, и ты поешь.//Но тебя в «моменто уно»//Не задушишь не убьешь* (С. Фараде). *Если к «Чу» прибавить «До»//Чтобы не было так длинно.//Без «Ре», «Ми», «Фа», «Соль», «Ля», «Си».* // *ЧуДо – Чурикова Инна.*

Рассмотрим эпиграммы В. Гафта в аспекте корреляции «рифма стихотворения – его содержание». Не меньшее значение, а возможно даже и большее, чем стихотворный размер имеет рифма. Известный исследователь и поэт Д. Самойлов в своем труде «Книга о русской рифме», посвященном смыслообразующей функции рифмы, отмечает, что Г.Р. Державин был первым русским поэтом, у которого рифма служила значимым конструктивным элементом. Рифмы Г.Р. Державина состоят из слов, означающих картину описываемого [Самойлов, 2005, с. 133].

Далее эта традиция была продолжена всеми выдающимися поэтами, в работе Д. Самойлов разбирает рифмы таких русских поэтов, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.А. Некрасов, Ф.И. Тютчев, А.А. Блок, В. Хлебников, В.В. Маяковский, Б. Л. Пастернак, и других поэтов.

Таким образом, можно заключить, что В. Гафт в этом смысле также является продолжателем русской классики. Исходя из специфики жанра эпиграммы главными элементами здесь будут фигуры речи, характеризующие адресата, различного рода отсылки, либо прямые указания на адресата этого речевого акта. Среди рифм в эпиграммах В.Гафта в 34,2% случаев она приходится на лексические единицы, характеризующие адресата. Обратим внимание на эпиграмму, адресованную некоему странному артисту: *Он странен, будешь странным тоже.//Коль странность у тебя на рожке.//Но иногда бывает так://И очень странный, и дурак...* В данной эпиграмме использована парная рифма с чередованием женской и мужской рифмы по схеме ЖЖММ. Союз *тоже* рифмуется с просторечной лексической единицей *рожке*, в предложном падеже, которая дает пейоративную оценочность адресату, наречие *так* рифмуется с просторечной лексической единицей *дурак*, которая также характеризует адресата с отрицательной стороны, и реализует в данном случае тактику оскорбления. Таким образом, в способе рифмовки данной эпиграммы использованы ключевые моменты с целью обратить максимальное внимание читателя или слушателя на цель создания данного произведения.

Есть образцы, где подчеркивание идейного содержания стихотворения происходит от обратного, т. е. за счет отсутствия рифмы. Таким примером может послужить эпиграмма, посвященная Л. Броневому: *От славы обалдевший.//Теперь на все горазд – //И сам себе завидует.//И сам себя предаст.* В данном четверостишии мы наблюдаем сочетание женской, мужской и дактилической рифмы по схеме ЖМДМ, причем женское окончание стиха *обалдевший* не составляет парной рифмы с остальными тремя стихами, которые заканчиваются на *горазд – завидует – предаст*. Таким образом, автор подчеркивает, что основная характеристика адресата – это *обалдевший*, а все остальное является следствием.

Следующей по частотности, но с минимальным отставанием, является рифма, которая приходится на фамилии самих адресатов эпиграммы. Среди общего количества эпиграмм, доля подобных составляет 33,3%. Рифмование имени или фамилии адресата в сочетании с лексическими единицами, дающими характеристику, позволяет автору более ярко подчеркнуть индивидуальные черты и особенности.

Одна из самых известных хвалебных эпиграмм В. Гафта адресована актеру З. Гердту: *О, Необыкновенный Гердт.//Он сохранил с поры военной//Одну из самых лучших черт – //Колено он непреклоненный.* Здесь автором проводится параллель между физическими особенностями адресата и свойствами его личности. И вновь на рифму приходятся самые значимые лексические единицы каждого стиха: *Гердт – черт, военной – непреклоненный.*

Третьим типом рифм в эпиграммах В. Гафта являются рифмы на различного рода литературные, кинематографические, биографические, фактические отсылки. Такие рифмы составляют 27,7% от общего числа эпиграмм. Подобные рифмы позволяют придать узнаваемость ситуации, описываемых событий или фактов, отраженных в эпиграмме, что является одной из составляющих успеха данного сатирического жанра. Рассмотрим следующий пример.

Эпиграмма, адресованная актерам А. Ширвиндту, А. Миронову и М. Державину: *Державин Ширвиндта заметил, // Благословил, но в гроб не лег, // Им равных не было в дуэте, // Их превзойти никто не мог. // Ушел Державин в «Кабачок», // Но Ширвиндт пережил разлуку. // Ему Миронов протянул // Свою «Бриллиантовую руку». // Любимицы публики, кумиры, // Без выходных играют дней. // Три мастера одной сатиры. // Одной и той же – так точней.* Данная эпиграмма мелиоративной направленности изобилует отсылками, во-первых, к классической русской литературе, к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин», на эту отсылку приходится рифма второго стиха эпиграммы. Вторая строфа рифмуется только вторым и четвертым стихом, а первый и третий остаются без рифмы, однако это подчеркивает важность отсылки, подобно тому, как это наблюдалось в эпиграмме, адресованной Л. Броневому. Лексема «Кабачок» отсылает читателя / слушателя к популярной юмористической телепередаче «Кабачок “13 стульев”», а вот отсылка к роли А. Миронова в фильме «Бриллиантовая рука» рифмуется со словоформой *разлуку*, а в сочетании с окончанием предыдущего стиха образует фразеологизм *протянуть руку*. Наконец, в последней строфе мы наблюдаем рифму: *кумиры – сатиры*. Эта рифма очевидно имеет более широкую коннотацию, чем просто жанровую принадлежность, она отсылает нас к тому факту, что все упомянутые актеры являлись членами труппы Московского театра сатиры. Таким образом, мы видим, что использование рифмованных отсылок в каждой из строф эпиграммы создает целостную картину изображаемого.

Рифма, приходящаяся на характеристику адресата, количественно имеет небольшое преимущество, однако незначительное. Мы пришли к выводу о том, что во всех эпиграммах В. Гафта рифма имеет не только ритмообразующее, но и семантическое значение, независимо от того, какой из трех видов рифм представлен в той или иной эпиграмме – это зависит от авторской задумки, от событий или фактов, описанных в эпиграмме.

Следующим немаловажным аспектом является визуальное и аудиальное оформление лирического произведения. Помимо ритма стихотворного размера авторы лирических произведений используют фонетические, графические, морфемные и синтаксические приемы. Эти приемы призваны обратить внимание читателя/слушателя на наиболее важные, с точки зрения автора произведения, моменты, помогают глубже раскрыть авторский замысел.

Звукопись может отражать ключевой образ эпиграммы, который не выражен напрямую в эпиграмме, как это наблюдается в посвящении

джазмену Л. Армстронгу: *Сакс – хобот, продолжение кишок.//Закрой глаза и сделай вдох глубокий.//Хрипы, трубач, коричневый бульдог,//Земному шару раздувая щеки.* В данной эпиграмме наблюдается комбинирование глухих звуков [х], [ш] и [шш] со звонкими [ж] и [з], а также сонорным [р]. Нагнетание этих звуков создает образ джазовой музыки, для которой характерны диссонансные звучания, которые переданы в языке сочетанием разных по характеристике звуков.

В эпиграммах В. Гафта встречается не только аллитерация, но и ассонанс, рассмотрим, в каком контексте предстает звук [у] в эпиграмме, адресованной певице Л. Зыкиной: *Любишь ты землю, Людмила,//Не зря ты на ней прожила.//Все, что любила, скупила,//Все, что росло, сорвала.//Платье в бриллиантах надела,//Стала фаянс собирать.//Так по любви и раздела//Бедную Родину-мать.* Сочетание звуков [о] и [у] генетически отсылает читателя к стихотворению Н.А. Некрасова «Железная дорога», а именно к следующим стихам: *Быстро лечу я по рельсам чугунным,//Думаю думу свою...* На этом генетическая отсылка к творчеству Н.А. Некрасова не заканчивается, стихотворение «Железная дорога», также как и эпиграмма В. Гафта, написана дактилем. Таким образом, такой ассонанс, основанный на звуках [о] и особенно [у] придают стихотворению атмосферу размышлений автора.

Помимо фонетического оформления стихотворения имеет значение и его графическая составляющая. Чтобы привлечь читательское внимание на определенные лексемы или нюансы, авторы прибегают к различным графическим приемам – авторское использование прописных и строчных букв, использование авторского курсива, а также многоточие, как графическое выражение фигуры умолчания. Все эти приемы присутствуют в эпиграммах В. Гафта. Использование написания местоимения *вы* с прописной буквы подчеркивает ироничность высказывания, как, например, в эпиграммах актеру И. Кваше: *Чего-то глаз у Вас стеклянный* и писателю И. Штемлеру: *Ну а Вы еще хотите//Так уйти, чтобы остаться.* Очевидная пейоративная направленность этих эпиграмм указывает на ироничное написание местоимения *вы* с прописной буквы, поскольку традиционно такое написание используется для того, чтобы подчеркнуть уважительное отношение к адресату в письменной речи.

Интонационное выделение фамилии адресата на письме может быть обозначено написанием ее всеми заглавными буквами, например, как в эпиграмме М. Глузскому: *Когда в договоре написано ГЛУЗСКИЙ,//Приличная сумма и главная роль.*

Выделение курсивом помогает автору подчеркнуть языковую игру, как это показано в эпиграмме режиссеру А. Гончарову: *Грибных дел мастер Гончаров, // В лесу грибы искать здоров. // Так гончаровская рука // Нашла в лесу Боровика.* В авторской редакции словоформа *лесу* выделена курсивом во втором стихе, а в последнем стихе в этой же словоформе подобное выделение отсутствует, очевидно, что в первом случае лексема *лес* использована в прямом значении, так как известно, что

А. Гончаров очень увлекался сбором грибов. В последней же строфе слово *лес* использовано метафорически – среди большого количества пьес А. Гончаров остановился именно на пьесе Г. Боровика.

Еще одним интересным графическим приемом является многоточие, которое может быть использовано не в качестве знака препинания, а для выражения риторической фигуры умолчания на письме. Например, в эпиграмме, адресованной А. Кацу: *Кац – изысканный маэстро, // Никогда не предскажем. // Дирижирует оркестром // Он то палочкой, то...* В эпиграмме фигура умолчания использована, чтобы избежать употребления обсценной лексики, однако читателем легко восстанавливается продолжение высказывания при помощи рифмы, которая в данных примерах является очевидной. Таким образом, при помощи риторической фигуры реализуется тактика намека.

Используя различные способы графического выделения или оформления текста, автор подчеркивает интенциональную направленность стихотворного высказывания.

Из синтаксических приемов можно выделить анжамбеман, этот прием сопровождается ритмическим сбоем в силу несовпадения интонационно-синтаксической связи и ритмикой стихотворения, это позволяет автору добиться особого комического эффекта, поскольку продолжение фразы может не совпадать с ожиданиями читателя или слушателя, вызывая когнитивный диссонанс, например, в эпиграмме «Моему первому редактору»: *Мои стихи, как скверные духи // Он нюхал, чуя в них огрехи и грехи.* Сравнения стихи с духами, автор подводит к неожиданной развязке мысли, поскольку лексическая сочетаемость *нюхать стихи* является авторской.

Таким образом, эпиграммы В. Гафта, во-первых, продолжают лучшие традиции классической русской поэзии в области размера, рифмы, фонетического и графического оформления, а также на уровне синтаксических приемов. Во-вторых, поэтические приемы, описанные М.Ю. Лотманом [Лотман, 1972] для лирических произведений, характерны и для эпиграмматического жанра. В-третьих, интенциональная направленность эпиграмм выражается не только на лексическом, но и на фонетическом, графическом и синтаксическом уровнях. Эти выводы согласуются с теорией литературоведения, которая гласит о неразрывности формы и содержания художественного произведения.

Литература

- Богомолов Н. А. Стихотворная речь. М.: Интерпракс, 1995, 264 с.
 Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 656 с.
 Гаспаров. М. Л. Метр и смысл. М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.
 Ломоносов М.В. Письмо о правилах российского стихотворства // Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 465 – 472. (Библиотека поэта; Большая серия).

Лотман М.Ю. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: «Просвещение», 1972. 272 с.

Несмеянов А.В. Эпиграмма как особый тип оценочного высказывания // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки. 2007. Вып. 43-1, т. 17. С. 238 – 241.

Пищулин П. С. К вопросу определения интенциональной направленности эпиграмматических текстов // Электронный научно-образовательный журн. ВГСПУ «Грани познания». 2015. №5(39) С. 55 – 58.

Самойлов Д. Книга о русской рифме: 3-е изд. М.: Время, 2005. 400 с.

Тарановский. К. О поэзии и поэтике / сост. М.Л. Гаспаров. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.

References

Bogomolov N. A. *Stikhotvornaya rech.* M.: Interpraks. 1995. 264 p. (In Russian)
Vinogradov V.V. *O yazyke khudozhestvennoy literatury.* M.: Goslitizdat, 1959. 656 p. (In Russian).

Gasparov. M. L. *Metri i smysl.* M.: Fortuna EL, 2012. 416 p. (In Russian).

Lomonosov M.V. Pis'mo o pravilakh rossiyskogo stikhotvorstva. *Lomonosov M.V. Izbrannyye proizvedeniya.* L.: Sovetskiy pisatel, 1986, pp. 465-472. (Biblioteka poehita; Bolshaya seriya). (In Russian).

Lotman M. Yu. *Analiz poehticheskogo teksta. Struktura stikha.* L.: «Prosveshcheniye», 1972. 272 p. (In Russian).

Nesmeyanov A. V. Ehpigrama kak osoby tip otsenochno go vyskazyvaniya. *Izv. RGPU im. A. I. Gertsena. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki*, 2007, no. 43-1, vol. 17, p. 238-241. (In Russian)

Pishchulin P.S. K voprosu opredeleniya intentsionalnoy napravlenosti ehpigrammaticheskikh tekstov, *Ehlektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal VGSPU «Grani poznaniya»*, 2015, no. 5(39), pp. 55-58. (In Russian).

Samoylov D. *Kniga o russkoy rifme:* 3-e izd. M.: Vremya. 2005. 400 p. (In Russian).

Taranovskiy. K. *O poehzii i poehtike.* Sost. M. L. Gasparov. M.: Yazyki russkoy kultury. 2000. 432 p. (In Russian).

Sabina U. Kerimova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Epigrams by V. Gaft in the Aspect of Linguapoetic Form

The article conducts a multi-aspect analysis of V. Gaft's epigrams at the formal level (poetic size, rhyme, sound writing techniques, graphic and syntactic design), as well as correlation of the form and content of the lyric work from the point of view of intentionality.

Key words: *poetic size, rhyme, alliteration, assonance, silence figures, semantic halo.*

Sabina U. Kerimova – post-graduate student. Southern Federal University. Phone: +7 (908) 196-31-13, e-mail: sabina_rock@mail.ru

УДК 81'373.46 + 811.111.-26
ББК 81.2-2/3Англ

М.И. Носачёва

**КОМПОЗИТНОЕ ПОЛЕ
АНГЛИЙСКИХ
СУБСТАНТИВНЫХ
КЛИНИЧЕСКИХ
ТЕРМИНОВ:
ВЕРТИКАЛЬНАЯ
СТРУКТУРА**

Структурирование поля английских композитных терминов по вертикали позволяет отграничить отдельно оформленные композитные термины от терминологических словосочетаний. Особенностью вертикальной структуры композитного поля английских терминов является ярко выраженная периферийная часть, на долю которой приходится более половины терминов выборки. Представлены преимущественно переходный сегмент от дальней периферии к крайней и крайняя периферия поля.

Ключевые слова: *английские субстантивные композитные клинические термины, критерии идентификации сложного слова, композитное поле, вертикальная структура.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-30-38

Носачёва Марина Игоревна – аспирант кафедры русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского
Тел.: 8-909-334-82-50
E-mail: sgu0308@yandex.ru

© Носачёва М.И., 2019.

Субстантивные композиты в английском языке могут иметь как слитное, так и раздельное написание, что затрудняет разграничение раздельно оформленных сложных слов и словосочетаний. Критерии, обычно используемые для различения словообразовательных и синтаксических единиц (фонетический, морфологический, синтаксический, структурный, семантический), не всегда позволяют дифференцировать раздельно оформленные композиты и словосочетания, а иногда противоречат друг другу (подробнее [Носачёва, 2017]). Кроме того, при анализе терминологической лексики задача идентификации композита осложняется тем, что надёжный при рассмотрении общелитературной лексики семантический критерий теряет свою релевантность, так как семантически цельнооформленными являются и термины – сложные слова, и терминологические словосочетания. В связи с этим представляется целесообразным рассмотрение совокупности английских субстантивных композитных терминов как нечёткого множества, имеющего полевою структуру. Структурирование поля может осуществляться как в горизонтальном (производное слово – сложное слово), так и в вертикальном (сложное слово – словосочетание) измерениях. Вертикальная структура поля отражает гетерогенность английских субстантивных композитных терминов, имеющих большую или меньшую степень вхождения в нечёткое множество композитов и располагающихся в зависимости от этого в ядерном или периферийном сегментах поля. Сказанное свидетельствует об **актуальности** исследования.

Объектом исследования являются субстантивные композитные термины английской клинической терминологии.

Предметом исследования выступает полевая организация английских субстантивных композитных терминов.

Цель исследования – структурирование композитного поля английских субстантивных клинических терминов в вертикальном измерении. Задачи:

1) охарактеризовать критерии отнесения анализируемых единиц к композитным терминам;

2) определить количественное значение каждого критерия;

3) на основании качественно-количественной характеристики выявить значение функции принадлежности анализируемой единицы к нечёткому композитному множеству;

4) структурировать поле композитных терминов по вертикали.

Методы исследования: описательно-аналитический, количественная методика. **Материалом** исследования являются 4718 субстантивных композитных терминов английской клинической терминологии, полученных в результате выборки клинических терминов из Stedman's Medical Dictionary [Режим доступа: <http://stedmansonline.com>] общим объёмом 10 921 единица.

Для разграничения словообразовательных и синтаксическим единиц в нашей работе используются орфографический, фонетический, морфологический / синтаксический, структурный и семантический критерии. Описание каждого из критериев, а также их количественная характеристика представлены в таблице.

Критерии, используемые для идентификации сложных слов

Критерии	Значение	Количественная характеристика
Графический	Слитное написание	0,2
	Дефисное написание	0,1
	Раздельное написание	0
Фонетический	Наличие единого ударения	0,2
	Отсутствие единого ударения	0
Морфологический / синтаксический	Отсутствие изменяемости первого компонента/нарушение привычной синтаксической сочетаемости компонентов	0,2
	Изменяемость первого компонента/соответствие синтаксической сочетаемости	0
Структурный	Наличие структурной целостности	0,2
	Отсутствие структурной целостности	0
Семантический	Наличие семантической целостности	0,2
	Отсутствие семантической целостности	0

При анализе термина значения, набираемые по каждому из критериев, суммируются и определяют степень вхождения данного термина в нечёткое множество композитов, при этом место термина в структуре поля зависит не только от количественной характеристики, но и от конкретного набора критериев идентификации сложного слова, которым соответствует термин. Так, в ядерном сегменте поля располагаются только графически цельнооформленные композиты со значением принадлежности к нечёткому композитному множеству, определяемом на интервале $[0,9; 1]$ (0,9 – приядерная часть, 1 – ядро поля). Однако, как показывает анализ материала, не все графически цельнооформленные композиты входят в ядро / приядерную часть поля, так как соответствуют не всем перечисленным выше критериям. Таким образом, графическая цельнооформленность не является достаточным критерием для вхождения слова в ядерный сегмент поля. Сказанное свидетельствует о важности комплексного, качественно-количественного анализа термина для отнесения его к тому или иному сегменту поля.

Перейдём к подробному рассмотрению вертикальной структуры поля английских субстантивных клинических терминов.

1. Ядерный сегмент поля

Ядро поля (2109 терминов)

В ядро поля входят субстантивные композитные клинические термины со значением функции принадлежности к нечёткому множеству композитов 1. Данные композиты являются графически цельнооформленными и отвечают всем остальным критериям сложного слова. В ходе исследования выявлено 2109 терминов, относящихся к ядру поля, например: *abdominocentesis* (абдомиоцентез), *achromotrichia* (ахромотрихия), *mamnectomy* (мамэктомия), *mastodynia* (мастодиния), *melanopathy* (меланопатия), *palatogram* (палатограмма).

Приядерная часть (84 термина)

Приядерная часть композитного поля формируется терминами со значением функции принадлежности к нечёткому множеству 0,9. В выборке английских терминов к приядерной части поля относятся 84 графически цельнооформленных термина, подразделяемые на 2 группы.

1. Термины с частичным нарушением орфографической целостности (12 терминов)

К данной группе относятся 11 терминов, которые, будучи фонетически, морфологически, структурно и семантически цельнооформленными, характеризуются частичным нарушением орфографической целостности, например *monkey-paw* (обезьянья лапа/рука), *pill-rolling* (тремор по типу «перекатывания пилюль»), *pyo-ovarium* (пиовар), *pyosalpingo-oothecitis* (пиосальпингооофорит). 1 термин *autohemotherapy* (аутогемотерапия) в связи с возможным дефисным написанием также входит в данную группу.

2. Термины с частичным нарушением структурной целостности (72 термина)

72 термина, являясь графически, фонетически, морфологически и семантически цельноформленными, обладают не полной, а частичной структурной целостностью в связи с возможностью перестановки начального и срединного терминологических элементов (далее – ТЭ): *adenofibromyoma* = *fibradenomyoma* (аденофибромиома), *angiocardioqram* = *cardioangiogram* (ангиокардиограмма), *meningoencephalocoele* = *encephalomenigocele* (менингоэнцефалоцеле), *meningohydroencephalocoele* = *hydromeningoencephalocoele* (менингогидроэнцефалоцеле), *pancreatogastrostomy* = *gastropancreatostomy* (панкреатогастростомия), *pseudoachondroplasia* = *pseudochondroaplasia* (псевдоахондроплазия) и другие.

Итак, ядерный сегмент композитного поля английских субстантивных клинических терминов включает 2193 терминологических единицы.

II. Переход между ядром и периферией (82 термина)

Переходную зону между ядром поля и периферийными сегментами составляют графически цельноформленные композиты, функция принадлежности которых к нечёткому множеству композитов равна 0,8.

1. Термины с нарушением структурной целостности (79 терминов)

1а. Термины, подверженные синтаксически обусловленной деструкции (49 терминов)

Термины, относящиеся к данной подгруппе, в результате трансформационного приёма могут быть подвергнуты синтаксически обусловленной деструкции сложных слов [Абрамов, 1970; Васильева, 2001]. Данное явление основывается на синтаксическом совмещении и наличии тождественных компонентов в контактирующих словах. Рассмотрим действие трансформационного приёма на примере термина *macroadenoma*, разведив его компоненты и употребив в словосочетании с антонимичным ему термином: *macroadenoma and microadenoma* – *macro- and microadenomas* («The primary neoplasm in sella are **macro- and microadenomas** of the pituitary gland, craniopharyngiomas, meningiomas» [Режим доступа: <https://noillen.netlify.com/disease0/microadenomas-of-the3036>]. В данную группу входят термины *alloplasty* (аллопластика), *autoplasty* (аутопластика), *mononeuritis* (мононеврит), *polyneuritis* (полиневрит), *polyuria* (полиурия) и другие.

1б. Термины, допускающие перестановку начального и опорного корневых ТЭ без изменения значения термина (29 терминов)

В данных терминах может быть произведена перестановка начального и опорного корневых ТЭ термина без изменения его значения. В качестве примеров можно привести термины: *adenoacanthoma* = *acanthadenoma* (аденоакантома), *meningoradiculitis* = *radiculomyelitis* (менингоррадикулит), *myeloradiculitis* = *radiculomyelitis* (миелорадикулит), *megalodactylia* = *dactylomegaly* (мегалодактилия), *megalosplenita* = *splenomegaly* (мегалоспленит), *psychoneurosis* = *neuropsychosis* (психоневроз).

1в. Термины, допускающие добавление компонента термина без изменения значения термина (1 термин)

В термине *monopenia* (монопения) допускается добавление компонента в середину термина (*monocytopenia*) без изменения значения композита.

2. Термины с частичным нарушением орфографической и структурной целостности (3 термина)

В терминах *palatopharyngoplasty* (палатофарингопластика), *papilloadenocystoma* (папиллоаденоцистома), *pneumoencephalography* (пневмоэнцефалография) могут быть переставлены начальные и срединные ТЭ, в связи с чем частично нарушается структурная целостность, кроме того, имеющиеся варианты дефисного написания данных терминов (*pharyngo-palatoplasty*, *adeno-papillo-cystoma*, *encephalo-pneumography*) свидетельствуют о частичном нарушении орфографической целостности.

III. Периферия поля (2443 термина)

На периферии композитного поля, структурируемого по вертикали, располагаются субстантивные клинические термины, значение функции принадлежности которых к нечёткому композитному множеству определяется на интервале [0,3; 0,8].

Ближняя периферия (16 терминов)

Ближнюю периферию поля составляют 16 терминов (15 с отдельным написанием и 1 графически цельнооформленный термин).

1. Термины с нарушением орфографической целостности (13 терминов со значением функции принадлежности 0,8)

Данные термины обладают фонетической, семантической и структурной целостностью, а также соответствуют морфологическому или синтаксическому критериям. Синтаксическому критерию соответствуют 9 терминов (с первым компонентом – причастием II или герундием), например *agitated depression* (ажитированная депрессия), *mixed aphasia* (смешанная афазия), *perforated ulcer* (перфоративная язва), *pill-rolling tremor* (тремор по типу «перекатывания пилюль»). 4 термина, например, *plasma cell leukemia* (плазмноклеточный лейкоз), *plasma cell mastitis* (плазмноклеточный мастит) характеризуются морфологической целостностью, о чём свидетельствует неизменяемость компонента *cell*.

2. Термины с нарушением структурной и частичным нарушением орфографической целостности (1 термин со значением функции принадлежности 0,7)

К данной группе терминов относится 1 цельнооформленный композит *proctosigmoiditis* (проктосигмоидит), допускающий перестановку корневых ТЭ с частичным нарушением орфографической целостности: *sigmoido-proctitis*.

3. Термины с нарушением орфографической и частичным нарушением структурной целостности (2 термина со значением функции принадлежности 0,7).

В данную группу входят 2 отдельно оформленных термина – *pregnancy-induced hypertension* (индуцированная беременностью гипертензия) и *protruded disc* (грыжа межпозвоночного диска), в которых допу-

стима замена первого слова композита: *pregnancy-induced hypertension* = *hestational hypertension*, *protruded disk* = *herniated disc*.

Переход от ближней периферии к дальней (340 терминов)

Переходную зону от ближней периферии композитного поля к дальней составляют субстантивные термины со значением функции принадлежности к нечёткому множеству 0,6.

1. Композиты, характеризующиеся фонетической, структурной и семантической целостностью (257 единиц).

В зависимости от места постановки централизованного ударения (на первом или втором компоненте термина) разграничиваются 2 подгруппы:

а) с ударением на первом компоненте (84 термина), например *Acosta disease* (болезнь Акосты), *Alzheimer dementia* (деменция Альцгеймера), *Acosta disease* (болезнь Акосты), *Alzheimer dementia* (деменция Альцгеймера), *Parkinson disease* (болезнь Паркинсона), *pulmonary artery atresia* (атрезия лёгочной артерии).

б) с ударением на последнем компоненте (173 термина): *abdominal nephrectomy* (абдоминальная нефрэктомия), *airport malaria* (аэропортовая лихорадка), *auditory neuropathy* (аудиторная невропатия), *Maisonneuve fracture* (перелом большеберцовой кости), *Mallory-Weiss syndrome* (синдром Маллори-Вейсса), *megaloblastic anemia* (мегалобластическая анемия), *Peruvian wart* (перуанская бородавка), *Pott abscess* (абсцесс Потта).

2. Композиты, характеризующиеся морфологической, структурной и семантической целостностью (83 термина)

Отнесение данных словообразовательных конструкций к композитным осуществляется преимущественно на основе морфологического / синтаксического критерия. Морфологическая целостность композита выражается в неизменяемости первого компонента термина, в то время как в словосочетании изменяется каждый компонент. В термине *Merkel cell tumor* (опухоль Меркеля) компонент *cell* имеет значение множественности, не получающее грамматического оформления в сложном слове, но изменяющееся в словосочетании *Merkel cells*.

Большая часть конструкций относится к данной группе на основе соответствия синтаксическому критерию: сочетание причастия II и существительного, герундия и существительного определяется как сложное слово: *aborted ectopic pregnancy* (трубный аборт), *masked epilepsy* (ларвированная эпилепсия), *morcellated nephrectomy* (нефрэктомия методом морцелляции), *moth-eaten alopecia* (алопеция по типу «изъеденная моль»), *age-related macular degeneration* (возрастная дегенерация макулы).

Дальняя периферия (63 термина)

К дальней периферии поля относятся термины, значение функции принадлежности которых к нечёткому композитному множеству составляет 0,5.

1. Термины, соответствующие фонетическому, семантическому и частично структурному критериям (49 терминов).

9 терминов имеют ударение на первом компоненте, например *Aleppo boil* (кожный лейшманиоз), *Avellis syndrome* (синдром Авеллиса), *pink disease* (розовая болезнь).

Второй компонент является носителем ударения в 40 терминах: *Arnold-Chiari deformity* (синдром Арнольда-Киари), *pressure ulcer* (пролежень), *pyemic embolism* (пиемическая эмболия).

Указанные композиты, являясь фонетически и семантически целостными, обладают лишь частичной структурной целостностью, так как допускают 1) замену компонента термина, например: *Allepo boil* = *Bagdad boil*, *pressure palsy* = *pressure paralysis* (паралич от сдавления нерва), 2) перестановку компонентов термина *Aran-Duchenne disease* = *Duchenne-Aran disease* (болезнь Дшенна – Арана).

2. Термины, соответствующие морфологическому/синтаксическому, семантическому и частично структурному критериям (12 терминов)

К данной группе относятся композиты: *armored heart* (панцирное сердце), *attached craniotomy* (остеопластическая краниотомия), *plasma cell hepatitis* (плазмноклеточный гепатит), *plasma cell myeloma* (плазменно-клеточная миелома). Нарушение структурной целостности выражается, как и в терминах первой группы, в возможности перестановки начального и срединного компонентов термина или в замене одного из компонентов термина, без изменения значения, например *attached craniotomy* = *osteoplastic craniotomy*.

3. Термины, обладающие морфологической, семантической и частичной орфографической целостностью (2 термина)

К этой группе относятся 2 терминологических варианта термина с дефисным написанием *abasia-astasia* и *astasia-abasia* (абазия-астазия).

Переход от дальней периферии к крайней (1640 терминов)

Переходная зона от дальней периферии композитного поля к крайней формируется композитными терминами, значение функции принадлежности которых к нечёткому множеству композитов составляет 0,4. К данному сегменту относятся 1640 структурно и семантически цельнооформленных композитных терминов, например *acute herpetic stomatitis* (острый герпетический стоматит), *Alpers disease* – болезнь Альперса, *Mann-Williamson operation* – операция Манна – Вильямсона, *palmar psoriasis* (ладонный псориаз), *Patau syndrome* – синдром Патау. Данные композиты сближаются с терминологическими словосочетаниями и отличаются от последних структурной целостностью, выражающейся в возможности перестановки / замены / добавления компонентов.

Крайняя периферия (387 терминов)

Термины, формирующие крайнюю периферию поля, находятся в непосредственной близости к терминам-словосочетаниям. Они характеризуются семантической и частичной структурной целостностью, значение функции принадлежности данных композитов к нечёткому композитному множеству составляет 0,3. Частичная структурная целостность композитов подтверждается возможностью перестановки инициальных и срединных компонентов термина, заменой одного из компонентов тер-

мина другим компонентом: *acute intermittent porphyria* = *intermittent acute porphyria* (острая интермитирующая порфирия) или перестановкой ТЭ одного из компонентов термина *annuloaortic ectasia* = *aortoannular ectasia* (анулоаортальная эктазия).

Термины, располагающиеся в переходной зоне от дальней периферии поля к крайней и в крайней периферии, относятся к композитному полю терминов с большой долей условности, так как единственным критерием, позволяющим отграничить их от словосочетаний-терминов, является их полная или частичная структурная целостность.

Подведём итоги. 44,7% английских субстантивных композитных клинических терминов выборки формируют ядро поля, 1,7% терминов – приядерную часть. Ядерный сегмент включает 46,4% всех терминов выборки. 1,7% терминов располагаются в переходной зоне поля от ядра к периферии. Общее количество терминов, составляющих непериферийные участки композитного поля, составляет 2275 единиц (48,2%). Периферия композитного поля более обширна и включает 51,8% английских субстантивных композитных терминов. Наибольшее количество терминов располагаются в переходной зоне от дальней периферии к крайней (1640 единиц) и на крайней периферии (387 единиц). Таким образом, специфика вертикальной структуры композитного поля английских субстантивных клинических терминов выражается в обширной периферии поля, превышающей ядерные сегменты. Большинство терминов периферии располагаются на самых удалённых от ядра участках поля, непосредственно сближаясь с терминами-словосочетаниями.

Литература и источники

Абрамов Б.А. Синтаксически обусловленная деструкция сложных и производных слов (На материале современного немецкого языка) // Вопросы языкознания. 1970. № 5. С. 69 – 79.

Васильева Л.В. Структурно-морфологические свойства субстантивных композитов в немецкой компьютерной терминологии // Вестн. Сев.-Кавк. ГТУ. Серия Гуманитарные науки. 2001. № 6. С. 120 – 122.

Носачёва М.И. Английские субстантивные композитные клинические термины с разделным написанием: критерии выделения // Филол. этюды: сб. науч. статей молодых учёных: в 3 ч. Саратов, 2017. Вып. 20, ч. I – III. С. 313 – 318.

Pituitary microadenomas (Электронный ресурс). URL: <https://noillen.netlify.com/disease0/microadenomas-of-the3036> (дата обращения 27.10.2018).

Stedman's Medical Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://stedmansonline.com> (дата обращения 12.08.2018).

References

Abramov B.A. Sintaksicheski obuslovlennaya destruktziya slozhnykh i proizvodnykh slov (na materiale nemetskogo yasyka), *Voprosy yazykoznaniiya*, 1970, no. 5, pp. 69-79. (In Russian).

Vasileva L.V. Strukturno-morfologicheskiye svoystva substantivnykh kompozitov v nemetskoy komp'yuternoy terminologii. *Vestn. Sev.-Kavk. GTU. Seriya Gumanitarnye nauki*, 2001, no. 6, pp. 120-122. (In Russian).

Nosacheva M.I. Angliyskiye substantivnyye kompozitnyye klinicheskiye terminy s razdel'nym napisaniyem: kriterii vydeleniya. *Filol. ehtyudy: sb. nauch. stat'ey molodykh uchenykh: v 3 chastyakh*, Saratov, 2017, vyp. 20, ch. I-III, pp. 313 – 318. (In Russian).

Pituitary microadenomas. Available at: <http://noillen.bitballoon.com/disease0/microadenomas-of-the3036> (accessed 23.09.2018) (In English).

Stedman's Medical Dictionary. Available at: <http://stedmansonline.com> (accessed 12.08.2018) (In English).

Marina I. Nosacheva (Saratov, Russian Federation)

Compound Field of English Substantive Clinical Terms: Vertical Structure

English substantive compounds can be written both as one word, and as two or more separate words. The criteria of the identification of compound words often contradict one another. In the terminology the semantic criterion does not help to identify the compound word, because both compound terms and terminological word groups are characterized by the semantic integrity. That's why substantive compound clinical terms should be considered as a field. The purpose is to describe the vertical structure of the compound field of English substantive clinical terms. The data for the study was obtained from the Stedman's Medical Dictionary. The methods used in the study: descriptive analytical method, quantitative methods.

The vertical structurization of the compound field is performed by the complex qualitative-quantitative analysis. In the field structure are distinguished the core and the periphery. The field core includes less than 50 % terms, to the periphery belong 51,8% terms. The largest periphery segments are the transition segment between the far and the extreme segments and the extreme segment coming close to terminological word groups.

The specificity of the compound field of English substantive clinical terms is the large periphery caused by the numerous compounds with separate writing, which is one of the main features in the English compound word-formation.

Key words: *English substantive compound clinical terms, the criteria of the identification of compound words the compound field, the vertical structure.*

Marina I. Nosacheva – post-graduate student. Department of the Russian and Latin Languages. Saratov State Medical University of V.I. Razumovsky. Phone: 8-909-334-82-50; e-mail: sgu0308@yandex.ru

УДК 81'373
ББК 81.2 Рус

**А.А. Дякина,
Г.А. Самохина**

**ЛЕКСИЧЕСКОЕ
НАПОЛНЕНИЕ
КАТЕГОРИИ
«ТОЛЕРАНТНОСТЬ»
В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ**

Лексическая составляющая категории «толерантность» в печати отражает особенности ее функционирования в современной языковой картине и социально-политическом пространстве России. Тексты качественных печатных СМИ, представленных «Литературной газетой», «Независимой газетой» и газетой «Коммерсант», дают содержательный языковой материал не только для филологического изучения категории «толерантность», но и для междисциплинарного ее освоения.

Ключевые слова: *толерантность, медиалингвистика, медиатекст, лексическое наполнение, современная российская пресса.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-39-48

Дякина Анжелика Александровна – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики Института филологии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
Тел.: 8-980-356-17-26
E-mail: anjeloprof@mail.ru

Самохина Галина Алексеевна – магистрант кафедры философии, социальных наук и журналистики Института филологии Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
Тел.: 8-910-258-27-33
E-mail: gal.s_48@mail.ru

© **Дякина А.А.,
Самохина Г.А., 2019.**

Изучение языка публицистического текста является одной из главных задач медиалингвистики. Система языковых средств материалов печатных СМИ воплощает образы и стереотипы различных явлений окружающей действительности, а также транслирует в массовое сознание абстрактные и заимствованные понятия, наполняя их новыми смысловыми оттенками в зависимости от контекста. К числу таких понятий относится понятие толерантности. Несмотря на то, что оно активно используется в российском общественно-политическом дискурсе с 1990-х гг., его лексико-семантическая определенность по-прежнему неустойчива. Как отмечает О.А. Михайлова, «с позиций лингвистики толерантность предстает как многослойное и недостаточно четко определенное в современной науке понятие» [Михайлова, 2005, с. 100].

Слово «толерантность» происходит от латинского «tolerantia» («терпение») и формально означает «терпимость, снисходительность к кому-либо и чему-либо» [Словарь иностранных слов, 1989, с. 510]. Однако уже на уровне лексического значения выявляются противоречия. В научной литературе по-разному соотносятся понятия толерантности и терпимости – от синонимии до противопоставления [Будякова, Дворяткина, Дякина, 2017, с. 91].

Семантическая неопределенность слова связана с тем, что, будучи сложной междисциплинарной категорией, толерантность присутствует в различных контекстах, из которых вбирает разноплановое

концептуальное содержание. Следует также учитывать неоднозначное соотношение означающего и означаемого, т.е. слова и явления, вследствие чего понятие толерантности может приобретать различные оценочные значения. Так, далеко не все реалии общественной жизни, в отношении которых принято говорить о толерантности, оказываются приемлемыми для русского национального сознания в силу историко-культурных особенностей России. По этой причине возможные негативные коннотации толерантности-явления переносятся на толерантность-слово.

Взаимосвязь с национально-культурными факторами актуализирует предмет медиалингвистического исследования в проблемном поле лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Медiateксты в свою очередь становятся эмпирическим материалом для изучения категории толерантности различными филологическими дисциплинами, а также самостоятельным предметом исследования, выявляющего особенности функционирования категории толерантности в медиасреде.

В настоящей статье содержание категории «толерантность» анализируется на материале качественной российской прессы, ориентированной на интеллектуального и вдумчивого читателя. Среди многообразия такого рода СМИ нами были выбраны разноплановые издания общественно-политической, просветительской и деловой направленности, представленные соответственно «Независимой газетой», «Литературной газетой» и газетой «Коммерсант» за период с 2016 г. по настоящее время. Предметом анализа стали публикации, в которых встречается слово «толерантность». В ряде случаев это цитаты из каких-либо названий без оценочных характеристик. Упоминание о толерантности на страницах газет принадлежит не только их авторам, но и собеседникам, а также может содержаться в тексте какого-либо официального отечественного или зарубежного источника, приведенного журналистом в своем материале. Что касается лексического наполнения рассматриваемой категории, понятийный, ассоциативный ряд слова «толерантность» может быть представлен неявно, на уровне аналогий и сопоставлений.

В газете «Коммерсант» за период с 2016 по начало октября 2018 г. о толерантности упоминается в 54 публикациях (из них 13 – цитаты из названий), в основном с нейтральными коннотациями. В большинстве случаев данное слово присутствует в материалах, посвященных культурным мероприятиям – фестивалям кино, театров, танца, фотографий. О толерантности авторы публикаций (А. Плахов, Т. Кузнецова и др.) упоминают при характеристике произведений современного искусства, раскрывающих парадоксы европейской жизни. Часто синонимом толерантности выступает слово «политкорректность».

В контексте общественно-политической проблематики толерантность рассматривается как синоним лояльности. Так, лояльность населения к теневому сектору экономики, антиобщественным действиям (неуплате налогов, безбилетному проезду и т.п.), предполагает восприятие противоправного как нормы. Лояльность власти к социально значимым проектам связана с пониманием, сочувствием, готовностью к уча-

стию (данный пример иллюстрируется в интервью газеты с президентом Русфонда Л. Амбиндером, по мнению которого появление в Барселоне специализированной клиники нейрореабилитации стало возможным благодаря толерантности властей [НКО как фабрика добра, 2017, с. 8]). Толерантность, связанная с лояльностью власти к мирным собраниям и критике в СМИ, дополняет соответствующую лексическую единицу следующим ассоциативным рядом: спокойствие, понимание, восприятие как должного.

Отметим, что нейтральной коннотации слова «толерантность» противопоставляется понятие «нулевая толерантность». В материалах «Коммерсанта» присутствуют упоминания о нулевой толерантности к коррупции, допингу в спорте, к спортсменам, использующим допинг (цитаты из выступлений политиков, спортивных чиновников) [Доспехов, 2016, с. 1; «Запись в реестре...», с. 4]. Соответственно на лексическом уровне оппозицией толерантности становятся нетерпимость, неприятие, осуждение.

Различная оценочная окраска и лексическое наполнение понятия «толерантность» представлены в публикациях, посвященных образованию. Так, в выступлении директора одной из немецких гимназий, толерантность – это уважение и права человека [«Права человека...», 2017, с. 4]. У заместителя председателя комитета Госдумы по образованию и науке Л. Духониной сущности толерантности – «терпеть» – противопоставлена задача «разрешать» в значении «решать» (конфликты); иными словами, толерантность как бездействие, невмешательство противопоставляется действию, участию [Курилова, 2017, с. 4].

Таким образом, на страницах «Коммерсанта» категория «толерантность» приобретает разноплановое лексическое наполнение, при этом в большинстве случаев сохраняя нейтральную окраску.

Авторы публикаций «Литературной газеты» (далее – «ЛГ») пишут о толерантности в связи с актуальными вопросами общественно-политической, литературной жизни, проблемой сохранения и развития русского языка и культуры. За исследуемый период слово «толерантность» встречается в 65 публикациях. Чаще всего оно сопровождается понятиями «политкорректность», «мультикультурализм». Примечательно, что в большинстве публикаций «ЛГ» толерантность предстает как отрицательное явление. Подробные рассуждения по этой проблеме приведены в двух аналитических материалах.

Автор письма «Терпимость на плацу», председатель РОО «Московские суворовцы» Д. Нестеров, рассуждая о губительности «уроков толерантности» в системе образования, ассоциирует толерантность с чуждостью и разрушением (подрывом основ кадетского движения, сломом традиционных российских ценностей). Примечательно обращение автора к этимологии рассматриваемого понятия в медицинской сфере [Нестеров, 2018, с. 19].

Колумнист «ЛГ» О. Неменский в статье «Толерантность и радужные», посвященной Международному дню толерантности (16 ноября),

противопоставляет понятия, вынесенные в заглавие, как составляющие соответственно западной и русской культуры восприятия «чужого». Оппозиция дополняется синонимичным рядом: толерантность – «терпеть», «сдерживать», радушие – «доброжелательное любопытство», «гостеприимство», «любить». Толерантность, по мнению автора, – это духовная практика, в основе которой – «терпимость к гадостям». Причем под «гадостью» понимается не столько порок, сколько неприятие «чужого». Ассоциативное окружение толерантности дополняется у автора словом «ненависть» как следствием терпимости [Неменский, 2016, с. 2].

Авторы, рассматривающие толерантность с негативными коннотациями, прочно ассоциируют ее с Европой, Западом, чьи ценности во многом несхожи с русской ментальностью. Тем самым толерантность противопоставляется самому концепту «Россия». Главным лексическим «маркером» толерантности становится понятие «индифферентизм», анализ которого в качестве явления привносит дополнительное содержательное наполнение понятия «толерантность», связанное с его возникновением (отсутствие представления о норме и патологии, подмена ценностей) и последствиями (утрата национальной самобытности, безразличие к пороку и благоприятствование ему, «стокгольмский синдром», радикализм, фашизм).

Примечательно, что в «ЛГ» имеют место противоположные коннотации толерантности, представленные в общем контексте. Рассматривая толерантность в сфере межнациональных отношений в истории нашей страны, заместитель главного редактора «ЛГ» А. Замостьянов и профессор МГУ историк А. Вдовин ассоциируют это явление с интернационализмом, с добрососедством народов СССР [Вдовин, 2016, с. 3; Замостьянов, 2017, с. 16]. Другие авторы (заместитель председателя Совета по делам национальностей при правительстве Москвы И. Круговых, литератор С. Соколкин, член Общественной палаты Московской области А. Вайц), напротив, противопоставляют толерантности дружбу народов, межнациональное согласие, ассоциируют ее с изоляцией народов в противовес межнациональному взаимодействию [Попов, 2016, с. 18; Ермакова, 2016, с. 12; Сухомлинов, 2016, с. 18]. В оценке толерантности как личностного качества расхождения касаются ее ассоциации с добротой [Сергеева, 2018, с. 14] и глупостью [Морозов, 2016, с. 17].

Положительные и нейтральные коннотации толерантности в «ЛГ» выявлены в следующих случаях: толерантность как синоним веротерпимости, уважения (в межэтнической сфере), демократичности политического режима, как противоположность безразличию, толерантность в контексте прав людей с ограниченными возможностями здоровья (т.е. инвалидов).

В «Независимой газете» (далее – «НГ») и ее приложениях слово «толерантность» за период с 2016 г. по начало октября 2018 г. встречается более 250 раз. Категория толерантности затрагивается в широком тематическом спектре. Преобладают публикации, посвященные так называемым европейским ценностям, вопросам межэтнических

и религиозных отношений. Упомянется толерантность и в качестве медицинского термина. «Стандартное» синонимичное окружение толерантности – политкорректность, мультикультурализм, демократия, «европейские ценности». Спектр оценочных суждений о толерантности крайне различен.

В отдельных публикациях упоминание о толерантности сопровождается конкретными содержательными пояснениями: «готовность взаимодействовать с оппонентом» [Баранов], уважение [Ципко], доброжелательность [Серенко], уступчивость [Енгибарян], равнодушие [Собчак]. Рассматривается на страницах газеты и толерантность, понимаемая как лояльность – толерантность власти к митингам оппозиции. При этом поясняется, что такая лояльность вовсе не предполагает уважения [Пришла пора...]. Заслуживает внимания и упоминание о толерантности малоимущих россиян к богатым соотечественникам. Автор публикации, цитируя результаты работы аналитиков, не дает оценочных характеристик этому явлению, однако упомянутые им причины подобного поведения – снижение контактов между двумя социальными группами и привыкание бедных к богатым – позволяет дополнить содержательное поле толерантности лексемами «отчуждаться», «свыкнуться», «привыкнуть» [Комраков].

Положительные коннотации, связанные со словом «толерантность», встречаются в публикациях, где толерантность предстает как условие для создания доступной среды для инвалидов [Авдошина], как противостояние расизму и ксенофобии [Попова], а также как полезное личностное качество. Однозначно положительно преподносится религиозная толерантность различных народов, в том числе русского. Однако в вопросе соотношения толерантности и религиозных ценностей ситуация обратная. «НГ» цитирует патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, который в интервью болгарским журналистам высказал опасение по поводу того, что Церковь, идя по пути политкорректности и толерантности, «утратит возможность свидетельствовать миру о подлинных христианских ценностях» [Мельников].

В «НГ» прослеживается противоречие в отношении авторов к межнациональной толерантности. Она может ставиться в один ряд с гостеприимством и дружбой [Разуваев] и в то же время противопоставляться характерному для советско-российского менталитета интернационализму: «Интернационализм предполагает взаимовыручку и взаимопонимание, а толерантность – всего лишь терпимость» [Голик].

Примечательно, что на страницах «НГ» сторонники толерантности противопоставляют ее российским реалиям. Так, в статье доктора философских наук А.С. Ципко присутствует оппозиция «толерантность – “русскость”», включающая в себя, с одной стороны, «уважение к иному мнению», «умение считаться с интересами и особенностями другого человека», гуманизм, а с другой – агрессию, «жажду расправы» с инакомыслием, а также «бесчеловечность пренебрежения материальными благами» [Ципко].

Таким образом, категория толерантности достаточно полно отражена на страницах качественной российской прессы в публикациях широкого тематического спектра. Слово «толерантность» сопровождается определенными лексическими маркерами, не влияющими на коннотации: «политкорректность», «мультикультурализм», «европейские ценности». Освещая прямо или опосредованно вопросы толерантности, авторы медиатекстов привносят в эту категорию дополнительное смысловое содержание, способствуя, помимо решения сугубо медийных задач, усилению ее интеграции в лексическую систему русского языка.

Лексическое наполнение указанной категории представлено как ассоциациями, так и смысловыми оппозициями, причем отдельные лексемы могут относиться и к тем, и к другим. Среди таковых можно отметить «уважение», «понимание», «доброжелательность», «равнодушие», «отчуждение», в сфере межнациональных отношений – «дружба народов», «интернационализм». Часто в медиатекстах толерантность понимается как лояльность. На уровне личностного качества толерантность ставится в один ряд как с добротой, так и с глупостью. Показательна в языковом плане эмотивная оценка толерантности, связанная с противопоставлением терпимости (в значении «терпеть», «смириться») радушию («любить», «быть доброжелательным»). Тем самым возникает вопрос о соотношении толерантности с лексемами «искренность» и «притворство».

Зачастую толерантность трактуется как некая идеология, для которой характерны индифферентизм, отсутствие представления о норме и патологии, разрушение традиционных норм и ценностей, утрата национальной самобытности. Такого рода толерантность противопоставляется российской ментальности.

Лексическое наполнение категории «толерантность» в медиатекстах отражает особенности ее функционирования в современной языковой ситуации и социально-политической практике. Тексты СМИ дают содержательный языковой материал как для филологического изучения толерантности, так и для междисциплинарного.

Литература

Авдошина Е. Конкуренты ли инвалиды в большом искусстве? [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2017-06-01/3_7000_kartblansh.html (дата обращения 10.10.2018).

Баранов Н. Россия – не Плутон в Солнечной системе. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-12-26/9_7144_russia.html (дата обращения 10.10.2018).

Будякова Т.П., Дворяткина С.Н., Дякина А.А. Воспитание толерантности в свете синергетического подхода (постановка проблемы) // Психология образования в поликультурном пространстве. 2017. № 2(38). С. 88 – 93.

Вдовин А. Не только предательство // Литературная газета. 2016. № 50 (6580), 21 декабря. С. 3.

Голж Ю. Советский Союз. История продолжается! [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2017-03-07/15_6943_ssr.html (дата обращения 10.10.2018).

- Доспехов А.* Огонь и WADA // Коммерсант. 2016. № 139 (5889), 3 марта. С. 1.
Енгибарян Р. Культура шире, чем религия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2017-10-12/5_7093_culture.html (дата обращения 10.10.2018).
- Ермакова А.* Без дружбы народов нет будущего // Литературная газета. 2016. № 50 (6580), 21 декабря. С. 12.
- Замостьянов А.* Конституция, которую мы потеряли // Литературная газета. 2017. № 39 (6615), 4 октября. С. 16.
- «Запись в реестре – более надежная гарантия, чем бумажное свидетельство» // Коммерсант. 2017. № 61 (6055), 10 апреля. С. 4.
- Комраков А.* Малоимущие потихоньку привыкают к богачам. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-08-25/4_7059_poor.html (дата обращения 10.10.2018).
- Курилова А.* Учебный план кренился вправо // Коммерсант. 2017. № 117 (6111), 3 июля. С. 4.
- Мельников А.* РПЦ пытается отделить православие от Европы. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2018-03-07/9_438_brosers.html (дата обращения 10.10.2018).
- Михайлова О.А.* Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. М., 2005. С. 99-110.
- Морозов С.* Жизнь в окошке сериала // Литературная газета. 2016. № 37 (6567), 21 сентября. С. 17.
- Неменский О.* Толерантность и радушие // Литературная газета. 2016. № 45 (6575), 15 ноября. С. 2.
- Нестеров Д.* Терпимость на плацу // Литературная газета. 2018. № 23 (6647), 13 июня. С. 19.
- НКО как фабрика добра // Коммерсант. 2017. № 82 (6076), 12 мая. С. 8.
- Попов В.* «Планета Русь», куда ж несешься ты? // Литературная газета. 2016. № 12 (6546), 24 марта. С. 18.
- Попова Т.* Москва уходит в пул городов, борющихся против дискриминации на футболе. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/moscow/2017-10-02/5_7085_moscow.html (дата обращения 10.10.2018).
- «Права человека – это основа учебного процесса» // Коммерсант. 2017. № 117 (6111), 3 июля. С. 4.
- Пришла пора проверить граждан на полиграфе. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/editorial/2017-02-22/2_6935_red.html (дата обращения 10.10.2018).
- Разуваев В.* Ленин, ламы и Байкал. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/style/2017-07-21/8_7034_lenin.html (дата обращения 10.10.2018).
- Сергеева Е.* Понятия «врач» и «доброта» – синонимы // Литературная газета. 2018. № 9 (6633), 28 февраля. С. 14.
- Серенко А.* Волгоград может перестать быть мегаполисом. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/regions/2017-01-23/6_6909_volgograd.html (дата обращения 10.10.2018).
- Словарь иностранных слов: 18-е изд. М.: Рус. яз., 1989. 624 с.
- Собчак К.* Экономика, которая нам нужна. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2018-03-13/7_7188_economys.html (дата обращения 10.10.2018).

Сухомлинов В. Кто мы и кто с нами // Литературная газета. 2016. № 30 (6561), 27 июля. С.18.

Ципко А. Путин не должен быть Сталиным ни сегодня, ни завтра. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2017-10-05/5_7088_putin.html (дата обращения 10.10.2018).

References

Avdoshina E. *Konkurenty li invalidy v bol'shom iskusstve?* [Elektronnyy resurs]. Available at: http://www.ng.ru/kartblansh/2017-06-01/3_7000_kartblansh.html (accessed 10.10.2018). (In Russian).

Baranov N. *Rossiya – ne Pluton v Solnechnoy sisteme.* [Elektronnyy resurs]. Available at: http://www.ng.ru/stsenarii/2017-12-26/9_7144_russia.html (accessed 10.10.2018). (In Russian).

Budyakova T.P., Dvoryatkina S.N., Dyakina A.A. Vospitaniye tolerantnosti v svete sinergeticheskogo podkhoda (postanovka problemy). *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve*, 2017, no 2(38), pp. 88-93. (In Russian).

Vdovin A. Ne tol'ko predatel'stvo. *Literaturnaya gazeta*, 2016, no. 50 (6580), 21 dekabrya, p. 3. (In Russian).

Golik Yu. *Sovetskiy Soyuz. Istoriya prodolzhaetsya!* [Elektronnyy resurs]. Available at: http://www.ng.ru/ng_politics/2017-03-07/15_6943_ssr.html (accessed 10.10.2018). (In Russian).

Dospekhov A. Ogon' i WADA. *Kommersant*, 2016, no 139 (5889), 3 marta, p.1. (In Russian).

Engibaryan R. Kul'tura shire, chem religiya. [Elektronnyy resurs]. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2017-10-12/5_7093_culture.html (accessed 10.10.2018). (In Russian).

Ermakova A. Bez druzhby narodov net budushchego. *Literaturnaya gazeta*, 2016, no. 50 (6580), 21 dekabrya, p. 12. (In Russian).

Zamost'yanov A. Konstitutsiya, kotoruyu my poteryali. *Literaturnaya gazeta*, 2017, no. 39 (6615), 4 oktyabrya, p. 16. (In Russian).

«Zapis' v reestre – bolee nadezhnaya garantiya, chem bumazhnoye svidetel'stvo». *Kommersant*. 2017, no. 61 (6055), 10 aprelya, p. 4. (In Russian).

Komrakov A. *Maloimushchiye potikhon'kuprivykayut kbogacham.* [Elektronnyy resurs]. Available at: http://www.ng.ru/economics/2017-08-25/4_7059_poor.html (accessed 10.10.2018). (In Russian).

Kurilova A. Uchebnyy plan krenitsya vpravo. *Kommersant*, 2017, no. 117 (6111), 3 iyulya, p. 4. (In Russian).

Mel'nikov A. *RPTs pytaetsya otdelit' pravoslaviye ot Evropy.* [Elektronnyy resurs]. Available at: http://www.ng.ru/ng_religii/2018-03-07/9_438_brosers.html (accessed 10.10.2018). (In Russian).

Mikhailova O.A. Tolerantnost' i terpimost': vzglyad lingvista. *Filosofskiy i lingvokul'turologicheskiye problemy tolerantnosti*. M., 2005. Pp. 99-110. (In Russian).

Morozov S. Zhizn' v okoshke seriala. *Literaturnaya gazeta*, 2016, no. 37 (6567), 21 sentyabrya, p. 17. (In Russian).

Nemenskiy O. Tolerantnost' i radushiye. *Literaturnaya gazeta*. 2016, no. 45 (6575), 15 noyabrya, p. 2. (In Russian).

Nesterov D. Terpimost' na platsu. *Literaturnaya gazeta*, 2018, no. 23 (6647), 13 iyunya, p.19. (In Russian).

NKO kak fabrika dobra. *Kommersant*, 2017, no. 82 (6076), 12 maya, p. 8. (In Russian).

Popov V. «Planeta Rus'», kuda zh nesesh'sya ty? *Literaturnaya gazeta*, 2016, no. 12 (6546), 24 marta, p. 18. (In Russian).

Popova T. *Moskva ukhodit v pul gorodov, boryushchikhsya protiv diskriminatsii na futbole*. [Elektronnyy resurs]. Available at: http://www.ng.ru/moscow/2017-10-02/5_7085_moscow.html (accessed 10.10.2018). (In Russian).

«Prava cheloveka – ehto osnova uchebnogo protsesssa». *Kommersant*, 2017, no. 117 (6111), 3 iyulya, p. 4. (In Russian).

Prishla pora proverit' grazhdan na poligrafe. [Elektronnyy resurs]. Available at: http://www.ng.ru/editorial/2017-02-22/2_6935_red.html (accessed 10.10.2018). (In Russian).

Razuvayev V. *Lenin, lamy i Baykal*. [Elektronnyy resurs]. Available at: http://www.ng.ru/style/2017-07-21/8_7034_lenin.html (accessed 10.10.2018). (In Russian).

Sergeyeva E. Ponyatiya «vrach» i «dobrota» – sinonimy. *Literaturnaya gazeta*, 2018, no. 9 (6633), 28 fevralya, p. 14. (In Russian).

Serenko A. *Volgograd mozhet perestat' byt' megapolisom*. [Elektronnyy resurs]. Available at: http://www.ng.ru/regions/2017-01-23/6_6909_volgograd.html (accessed 10.10.2018). (In Russian).

Slovar' inostrannykh slov. 18-e izd. M.: Rus. yaz., 1989. 624 p. (In Russian).

Sobchak K. *Ehkonomika, kotoraya nam nuzhna*. [Elektronnyy resurs]. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2018-03-13/7_7188_economy.html (accessed 10.10.2018). (In Russian).

Sukhomlinov V. Kto my i kto s nami. *Literaturnaya gazeta*, 2016, no. 30 (6561), 27 iyulya, p.18. (In Russian).

Tsipko A. *Putin nye dolzhen byt' Stalinym ni segodnya, ni zavtra*. [Elektronnyy resurs]. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2017-10-05/5_7088_putin.html (accessed 10.10.2018). (In Russian).

Anzhelika A. Dyakina, Galina A. Samokhina (Yelets, Russian Federation)

Lexical Content of the Category “Tolerance” in Contemporary Russian Press

The article analyzes the lexical content of the concept of “tolerance” in the materials published on the pages of high-quality Russian press, presented by “Nezavisimaya Gazeta”, “Literaturnaya Gazeta” and “Kommersant” newspaper. The word “tolerance” means “patience” at the level of lexical meaning are contradictory. This is due to the fact that the scientific literature treats tolerance and patience differently – from synonymy to complete opposition. The presence of the word in the media text “encourages” it to take the ideological orientation of the General public context. Because of the arising of the topical connotations of tolerance of the phenomenon may go to tolerance is the word. As a complex interdisciplinary category “tolerance” in periodicals functions in different discourses and with different evaluation characteristics. Its presence on the pages of print media is often supplemented by certain lexical markers that do not affect the connotations: “political correctness”, “multiculturalism”, “European values”, “globalization”. The semantic content of tolerance in media texts is expressed by associative rows and oppositions, while many lexemes can simultaneously be identified

with tolerance and opposed to it. These include: “respect”, “understanding”, “goodwill”, “indifference”, “alienation”, “internationalism”. In texts with a negative assessment of tolerance, the semantic content of the concept is supplemented by the following components: indifferentism, the lack of the concept of norm and pathology, the destruction of traditional norms and values, the loss of national identity. This kind of tolerance, including at the conceptual level, in media journalism is opposed to the primordial Russian ideas about the spiritual values of life. The lexical component of the category “tolerance” in the press reflects the peculiarities of its functioning in the modern linguistic picture and socio-political space of Russia. The texts of high-quality print media provide meaningful language material not only for the philological study of the category of “tolerance”, but also for its interdisciplinary development. At the same time, interdisciplinary comments are necessary as a broad (near and far) context and in the immanent study of language material relating to such an urgent problem as tolerance.

Key words: *tolerance, media linguistics, media text, lexical content, contemporary Russian press.*

Anzhelika A. Dyakina – grand Ph.D. of Philology, professor, Bunin Yelets State University, Institute of Philology, Social sciences and journalism department. Phone: 8-980-356-17-26; e-mail: anjeloprof@mail.ru

Galina A. Samokhina – master student, Bunin Yelets State University, Institute of Philology, Social sciences and journalism department. Phone: 8-910-258-27-33; e-mail: gal.s_48@mail.ru

УДК 811.512
ББК 76.0(Сев. Кавк.)

*Цыфьышты Иланэ шыгъэ –
У доброго человека всегда
накрыт стол.*

Адыгская пословица

А.А. Куваева

ГЛЮТТОНΙΑ КАК ФРАГМЕНТ АДЫГСКОЙ ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Излагаются основы знакообразования в рамках адыгейской картины мира, точнее – в рамках ее глоттонического (гастрономического) фрагмента. Исследуются знаки, денотирующие пищевые предпочтения адыгейского этноса, во всем их разнообразии: как лексические единицы (номинации), паремнологические структуры (пословицы и поговорки) и как целостные элементы высказывания (пословицы-притчи). Панорамно представлена семиотика национального образа адыгейского кулинарного репертуара. Описан глоттонический (гастрономический) фрагмент адыгской лингвосемиотической картины мира; выявлен репертуар этно-маркированных глоттонимов, включающий глоттонимы-инструментативы, глоттонимы-аддитивы и глоттонимы-регулятивы; определены ценностные характеристики адыгской глоттонии, эксплицированные в семантике и прагматике национальных пословиц и поговорок, индуцирующих отношение адыгов к пище, ее приготовлению и потреблению.

Ключевые слова: *знак, картина мира, глоттония, гастрономия, кулинарный репертуар, лингвосемиотика, паремия.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-49-60

Куваева Анжела Аскеровна – канд. пед. наук, доцент кафедры общей педагогики Адыгейского государственного университета

E-mail: auni777@mail.ru

© Куваева А.А., 2019.

Вся жизнь Homo sapiens представляет собой сложный процесс постепенного формирования картины окружающего его мира, процесс аккумуляирования представлений, мнений, идей, суждений и впечатлений о мире, процесс концентрации когнитивного опыта в менталитете в виде жизненных укладов, традиций, алгоритмов, обрядов, предпочтений и т.п., при этом все перечисленные процессы имеют свою этническую или национальную специфику. Как справедливо считает С.К. Сапиева, «... языковая картина мира – это одна из форм экспликации действительности в языковом сознании, ее вербальное овнешнение. Особенностью языковой картины мира является то, что она обладает способностью проявлять национальную специфику языка» [Сапиева, 2017, с. 28].

И.Ф. Янушкевич вводит понятие лингвосемиотической картины мира, считая, что действительность эксплицируется как в вербальном / невербальном смысле, так и в смысле культурно-концептуальном: «Лингвосемиотическая картина мира представляет собой не жесткую комбинацию «первичной» и «вторичной» (непосредственной – опосредованной, когнитивной – языковой) картин, а взаимосвязанную систему мышления, культуры, языка и речи, в которой мышление формирует (концептуализирует) представление, культура поставляет для него

вещественные знаки, язык обеспечивает образующую концептосферу словесными знаками как именами концептов, а речь (дискурс) «ищет» новые смыслы уже имеющимся знакам или формирует новые смыслы, находя для них новые знаки» [Янушкевич, 2009, с. 27].

Каждый этнос формирует свое особенное мировидение, свою специфическую систему восприятия окружающей его действительности. Адыги не исключение: адыгейская лингвосемиотическая картина мира характеризуется самобытностью, специфичностью, своеобразием восприятия, особым взглядом на мир, своей особой знаковостью. Безусловно, процесс формирования лингвосемиотической картины мира адыгов идет в тесной взаимосвязи с развитием национального адыгейского языка и культуры.

Homo sapiens прежде всего репрезентирует себя как *Homo consummatus* – Человек потребляющий. Адыгейский этнос за всю многовековую историю своего существования сформировал свою систему потребностей, органично вписавшуюся в его картину мира. З.Х. Бижева полагает, что любая картина мира, и адыгская в частности, представлена культурными концептами [Бижева, 1999, с. 3]. Одним из таких культурных концептов является концепт «Пища».

Потребности в пище и питье семиотизировались в особую систему *глуттонии*, которая представляет собой весьма значимый фрагмент адыгской лингвосемиотической картины мира. Ее системному описанию как раз и посвящена предлагаемая статья.

Глуттония (от лат. *gluttonāre* – есть, питаться, поглощать пищу), понимается нами вслед за А.В.Оляничем как «...система знаков, характеризующих пищевой процесс в целом, добычу пищи, ее первичную обработку, а также собственно процессы приготовления и потребления пищи» [Олянич, 2003, с. 168; 2004, с. 544; 2014, с. 34].

К данному моменту достаточно детально изучены лингвосемиотическая, номинативная и дискурсивная актуализации потребности в физиологическом выживании на этноспецифичном языковом материале: во-первых, подробно исследованы англоязычные знаки хабитата, в рамках которого такая потребность реализовывалась англосаксонским и англо-норманнским социумами [Симакова, 2011; Самохина, 2010; Дорохова, 2013; Астафурова, Олянич, 2011]. Во-вторых, весьма тщательно исследовались англоязычные [Захарова, 2016; Ермакова, 2010; Захаров, 2010; Земскова, 2009] и немецкоязычные знаки глуттонии / гастрономии [Головницкая, 2007; Головницкая, Олянич, 2008]. В-третьих, произведен детальный сопоставительный анализ сходств и различий в актуализации глуттонических знаков в русскоязычной и немецкоязычной [Реймер, 2011], русскоязычной и тюркоязычных [Бараташвили, 2012], русскоязычной, немецкоязычной и калмыцкоязычной [Боваева, 2010], англоязычной, франкофонной и греческой лингвокультурах [Ундрицова, 2015]. Актуальность и новизна нашего исследования адыгейской глуттонии заключается в том, что подобный анализ ранее в отечественной лингвистике никем не предпринимался. В данной статье мы подроб-

но рассмотрим адыгские этно-маркированные глоттонимы как знаки пищи и ее компонентов, исполняющие иконическую или денотативную функцию.

В адыгской лингвoseмиотической картине мира зафиксирован целый репертуар этно-маркированных глоттонимов. Перечислим его.

Прежде всего, это глоттонимы-инструментативы, которые можно встретить в адыгских аульских кухнях (*щыуан* – чугунный или медный котел, подвешиваемый над очагом на специальной цепи; *кумган* – глиняный кувшин; *тхъууаль* – маслобойка; *шъхъалы* – мельница; *хъакъуашъу*, *Ианлъ* – корытце для замеса теста; *хъанцэ цыкгу* – деревянная лопатка для размешивания пасты (мамалыги)).

Этно-маркированным глоттонимом-аддитивом является *бжиньф-щигу* – чесночная соль, часто именуемая адыгейской солью. Технология её изготовления основана не просто на смешивании приправ, специй и соли, а на принудительном поглощении кристаллами соли полезных свойств чеснока, приправ и специй (кориандр, чаман, джата, чабер, укроп, петрушка, красный сладкий перец, черный перец и др.).

Таким же этно-маркированным глоттонимом-аддитивом является *щипс*. Вот как характеризует этот этнознак Р.Г. Джамирзе, известный майкопский исследователь адыгской кухни:

«В адыгейской кухне щипс является блюдом номер один и наряду с адыгейским сыром считается визитной карточкой национальной кулинарии. В научных трудах по этнографии щипс даже называют этно-маркированным блюдом, то есть знаком принадлежности к адыгскому этносу. Это главное праздничное и ритуальное блюдо, без которого не обходятся ни свадьбы, ни похороны» [Джамирзе, www].

Таким образом, щипс представляет собой также и глоттоним-регулятив, если следовать терминологии А.В. Олянич, который относит знаки ритуала к регулятивам как семиотическим образованиям, денотирующим этапы и вехи процесса.

Известны следующие адыгские варианты номинаций блюд с этим соусом: *лищипс*, который имеет в своей основе мясной бульон и муку; *джэнчипс* – в его составе фасоль, *кэбчипс* – щипс с тыквой; *щхущипс* – щипс на основе молочных продуктов; *лищипс* – с вареным мясом, порезанным на кусочки; *лицикущипс* – с вареным мясом, расщепленным на волокна; *четщипс* – на курином бульоне и с кусочками курицы; *тхачетщипс* – с индейкой.

Этно-маркированным глоттонимом является номинация *куае* – знаменитый адыгейский сыр, изготавливаемый из коровьего молока. Номинация *мэликуае* – брынза – регионально маркирована: этот вид сыра изготавливают не только в Адыгее, но и по всему Кавказу. Блюда из адыгейского сыра также этно-маркированы (см. глоттонимы *кояж* – жареный сыр; *кобзиг* – поджаренный ломтиками сыр; *куаерэ пастэрэ* – сушеный сыр с горячей кашей; *ченчекое гэжаг* – жареный сыр с яйцом).

Сыр оказывается непременным компонентом этно-маркированных адыгейских лакомств из теста, служа начинкой для слоеного пирожка

(номинация *гуубат*), маленького чебурека (номинация *халюж*) и вареников (номинация *псыжохалюж*).

Этно-маркированным адыгским глуттонимом являются кисломолочные продукты – кислое молоко (номинация *щху*), сливочное масло (номинация *тху*), домашняя сметана (номинация *щатэ*). Щху обычно используется как самостоятельное блюдо, а также в качестве приправы к мясным, овощным и яичным блюдам, кашам; часто подается с хлебом, выпечкой, тыквой, мамалыгой, вареными яйцами и фасолью, на нём замешивают тесто. При добавлении в щху сметаны, чесночной соли и специй получают кисломолочный соус к жареному или вареному мясу (номинация *щхущипс*).

Баранина является основной мясной пищей адыгов: овцы в прошлом являлись мерилем благосостояния адыгов, поскольку кроме мяса и молока давали еще и ценную шерсть. Известна образная номинация *адыгэ уасэ* – «адыгская цена» как наименование адыгской породы овцы, в буквальном значении ‘единица измерения, стоимость’.

Говядина (номинация *былымыл*) – также один из любимых видов мяса у адыгов. Из баранины и говядины готовятся такие любимые адыгейские блюда, как жаркое по-адыгейски (номинация *ллибж*) и шашлык (номинация *лищэп* или *лищан*). Этноспецифической семиотикой маркирована подача *ллибж*: всегда в глубокой порционной тарелке с горячей пшенной кашей, политой зажаркой, в отдельной пиале – кисломолочный соус *щхущипс*. Этнолингвосемиотика номинации *лищэп* раскрывается в его рецепте [Азаматова, 1979, с. 7]:

«Мякоть баранины нарезать небольшими кусками по 60-80 г, отбить деревянным молоточком, нанизать на шампур и жарить над раскаленными углями все время поворачивая вертел и поливая раствором соли с чесноком и перцем. Обжарить до румяной корочки. Затем переложить мясо в кастрюлю с зажаркой, подлить немного бульона и тушить до готовности. Подавать с крутой кашей».

Типичными адыгскими мясными блюдами также являются отварная говядина на кости (номинация *ли жуаг*) и жареный целиком барашек (номинация *мэлиль гэжаг* или *мэлгажаг*). Этноспецифическим адыгским маркером последней номинации является обязательное обертывание мяса тестом, в котором обжаренный барашек томится до момента растрескивания теста. Так готовят именно адыги.

В адыгской глуттонии как части лингвосемиотической картины мира этого этноса представлены такие этно-маркированные глуттонимы, как жаркое из курицы (номинация *четлибж*) и индейка в соусе (номинация *тхачетщипс*). Номинации *чэты* (курица) и *тхачет* (индюк) являются лингвознаками наиболее любимых адыгами видов домашней птицы. Если блюда из курицы – обычная повседневная пища адыгов, то индейка является блюдом праздничным или ритуальным; в былые времена у адыгов-язычников индюки особой черкесской породы выступали в роли жертвенного животного, отсюда первичное значение номинации *тхачет* ‘божья птица’.

«Адыгскость» (по Р. Барту – специфичный семиотический признак национальной принадлежности, такой же, как «английскость» или «французскость» [Барт, 1989]) номинациям *лилибж* и *четлибж* обеспечивается способом приготовления этих блюд (натирание сырого мяса чесночной солью, легкое обжаривание и тушение в небольшом количестве воды) и сопровождением особой заправки (номинация *щибжыйдаг*) на основе топленого масла, красного перца и кориандра, полстакана воды или бульона.

Столь же этно-маркированными глуттонимами в адыгской лингвосемиотической картине мира оказываются такие знаки-номинации блюд, как *четщатэлибж* – курица в сметанном соусе; *ныбэшхолибж* – жаркое из требухи; *нэкуль* – домашняя колбаса; *джормэ* – сольтисон.

Глуттонический фрагмент лингвосемиотической картины мира адыгов дополняется знаковой составляющей: наиважнейшую роль в адыгском национальном кулинарном репертуаре всегда играло просо (пшено) – номинация *мэщы* (*гъажьо*). Этот продукт представляет собой знак – мифологему, базирующуюся на древнем адыгском мифе из эпоса «Нарты», говорящем о том, что богатырь Саусруко спас людей от голода, вернув им подарок бога плодородия Тхагаледжа – волшебные зерна проса, похищенные злым чудовищем Еминежем. Бог плодородия посоветовал адыгам готовить из проса крутую пшеничную кашу (номинация *пастэ*), до сих пор остающуюся одним из основных блюд адыгейского меню. Концептуальная ценность проса и *пастэ* подчеркивается их фиксацией в адыгской паремииологии (пословицах, поговорках и приметах), ср.: «*Гъажьом утеуцымэ – убэрэчэт мэКоды* – Наступаешь на просо – твой недостаток уходит»; «*Пастэр зыпшыКыКэ ышъхъашьо дахэу уубэмэ, уикГалэ нысэ дахэ къыпфищэщт* – Если *пастэ* красиво разровнять, сын приведет невесту красавицу».

Просо являлось основой для таких продуктов, как пшеничный хлеб (номинация *мэджадж*), лепешка (номинация *хъалГам*), печенье (номинация *пычэн*), халва (номинация *хъалао*), дорожного пайка, состоящего из массы, в составе которой было пшеничное тесто с медом (номинация *гомил*). Из проса готовился также легкий хмельной напиток буза (номинация *бахсым*).

Среди злаков, популярных у адыгов, зафиксирован также и рис (номинация *пындж*); в адыгейском кулинарном репертуаре наличествует такое блюдо с рисом, как густая рисовая каша на молоке с сахаром (номинация *пынджпаст*).

Пшеница (номинация *коцы*) является основой для национально маркированных единиц адыгейского кулинарного репертуара из пшеничной муки – разнообразной выпечки, которую составляют: слоёный пирожок с адыгейским сыром (номинация *гуубат*), небольшой чебурек с сыром (номинация *халюж*), пышка (номинация *щелям*), конусообразное песочное печенье (номинация *курамбий*), промасленная слоёная лепешка (номинация *зэтешич*).

Адыгейский кулинарный репертуар широко использует фасоль (номинация *дженчы*) разных сортов для приготовления различных первых и вторых блюд. Наиболее известные адыгейские блюда с фасолью – молочный суп с фасолью (номинация *джэнчипс*), соус из фасоли с зажаркой (номинация *джэнчиципс*) и вареная фасоль с кислым молоком (номинация *джэнчтур*). Большой популярностью пользуются такие блюда, как молочный суп с фасолью, кукурузой и рисом (номинация *ашрай*).

С середины XIX в. адыги начали употреблять картофель: так появился картофельный соус (номинация *картофципс*).

Самой важной пряностью у адыгов является кориандр (номинация *кьон*) в виде молотых семян и травы.

Одним из культовых продуктов адыгов является тыква (номинация *адыгэ кэб*). Адыги веками готовили тыквенный соус (номинация *кэбципс*), однако основным блюдом является обычная вареная тыква (номинация *кэбжаг*). Столь же популярна вареная тыква с кислым молоком (номинация *кэбшоу*). Национальным признанием пользуется квашеная свекла (номинация *гынтылипс*).

В адыгейском глоттоническом фрагменте картины мира популярны прохладительные напитки из сухофруктов – яблочная вода (номинация *мытсы*), грушевая вода (номинация *кужытсы*), медовая вода (номинация *шоупсы*) [Казиев, Карпеев, 2003]. Адыгейская ориентация на непременно принятие человеком вкусной воды на фоне природы актуализируется в адыгейском благопожелании «*Псым фэдэу уалъэгъу!*» – ‘Да возлюбят тебя, словно воду!’.

По-настоящему национальным является перебродившая с молоком сыворотка (номинация *кундысу* – легкий, слегка пенистый напиток незаконченного молочнокислого и спиртового брожения, вкусом и консистенцией напоминающий кумыс, а также более знакомый всем тан).

Знаки-глуттонимы зачастую выступают в роли особых знаков, обобщенно номинирующих культурные ценности – знаков-культурных доминант. Клод Леви-Строс [Леви-Стросс, 2001] использовал еду и ее приготовление в качестве метафоры для обозначения того, как «сырые» образы природы «приготавливаются» в культуре так, чтобы их можно было бы использовать в роли символической системы. Рассуждая о культурной принадлежности пищи, можно с уверенностью заявить, что она представляет собой весьма важную сторону культуры потребления. Вкус как метафора играет чрезвычайно активную роль в формировании культурных ценностей – манеры поведения за столом, мода на томаты, высушенные под солнцем, знание того, какое вино следует употреблять в сочетании с определенным блюдом. Произвести неотразимое впечатление изысканной едой гораздо легче, чем сделать это при помощи дорогой одежды, автомобиля или богатого убранства дома (ср. русскую поговорку «Не красна изба углами, а красна пирогами»).

Кстати говоря, разнообразие паремий [Кацунова, 2007; Адыгские пословицы и поговорки, 2016] занимают значительное место в метафорическом арсенале глоттонии как аксиологическом феномене: нет такой

лингвокультуры в мире, которая не содержала бы пословицы и поговорки, связанные с едой. Ниже приведем адыгские паремии с указанием их значения (семантика) и утилитарной векторизации (прагматика). Для адыгов наиболее релевантны следующие пословицы:

Зы тхъэрыкъуэф Иэнэ зэдытешхыкIащ – Они вкушали с одного лопушиного стола (семантизация дружбы и соратничества: говорят о людях, которые вместе многое испытали, ели хлеб с одного походного стола, что является признаком особой близости и доверия; вкушать пищу с одного стола считалось одним из признаков особого сближения).

Аргъынэ кIыхъыр зи жагъуэу шынакъ кIыхъыжъыр зи щIасэ – Тот, кому длинный рядок укуса не люб, а длинная большая чаша по душе (семантизация иронии: говорят о человеке, который уклоняется от трудного дела, но не упускает застолья).

Жъырытэдж – шатэшхц – Кто рано встает, тот сметаной лакомится (семантизация значимости труда человека: человек, который ленится рано вставать и работать, ничего не добьется, а кто встает спозаранку и усердно работает, тот добивается успеха и получает плоды своего труда. В данном случае слово «сметана» иносказательно ассоциируется с понятиями благо, изобилие).

МафIэ зыщамъщIым тцафIэм щищIэн щыIэкъым – Там, где не разводят огня, повару делать нечего (семантизация социальных отношений: выражение употребительно, когда хотят сказать о том, что не следует человеку ходить туда, где его дело не будет цениться, стремиться в компанию, которая не будет его ценить).

Мылэжъэф шхэрейщ – Кто не умеет трудиться, много ест (семантизация порока: говорят о человеке ленивом, в работе неумелом, но чревугодливом).

Псы щIыIэм тхъу трех – С холодной воды масло сбивает (семантизация достоинств и способностей: так говорят о человеке, который все делает умело, из всего умеет извлечь пользу).

Бзу кхъуей фIэкIа ямыIэ щыIэкъым – Все у них есть, кроме птичьего сыра (семантизация достатка и благополучия: так говорят о тех, кто ни в чем не знает нужды).

ЗылъэмыкI IэфракIэ и Iыхъэщ – Кто несостоятелен, тому в долю дают голень (семантизация несостоятельности: так говорят о людях, которым в работе не достается большой доли. Прагматика данной пословицы заключается в рефлексии утилитарного обычая: из отварного мяса, подаваемого на стол, голень забитого животного считалась одной из наименее престижных; престижными почитались правая половина головы, лопатки, грудинка и пр., непрестижными являлись ножки, голень и пр.).

Нэгъуеитщ нэхъей, и закъуэ мэшхэж – Трапезничает один, словно ногайский князь (семантизация иерархической структуры социума: человек из высшего сословия не мог разделить трапезу с человеком низшего ранга, поэтому предпочитал есть в одиночестве, нежели с кем попало. Традиция эта существовала не только у ногайцев, но здесь про-

явилась потребность в прагматической конкретизации – отсюда «ногайский князь»).

Хьэфэм фо из хьумэ, зэгьотхь – Собачья шкура лопается, если она полна меду (семантизация бренности существования: богатство может исчезнуть, поэтому не стоит им кичиться).

Шхэгьуэм жьантIакIуэщ, зауэ кIуэгьуэм шы Iыгьыц – За столом охотник до почетного места, в сражении коновод (семантизация трусости и чванства: обличение тех, кто на поле битвы труслив и прячется за спинами других, а когда приходит время собирать почести, пытается выставить себя героем).

Делэм и гьуэмылэ зэуэ ешхьж – Глупец свои припасы поедает в один присест (семантизация расточительности: так говорят о глупцах, которые имеют блага, но, не умея разумно ими распорядиться, транжируют по пустякам).

Делэр хьэлывэм щыгугьыурэ хьудырытсми хэнащ – Дурак надеялся на вареники, да остался без похлебки (семантизация разумной умеренности в ожиданиях: человек, надеясь на большее, взамен ничего не получает, подобно глупцу, который, надеясь получить лакомый кусочек, остается без самого малого).

Жагьуэгьум и кIапэ нэхьрэ ныбжьэгьум и хьудырытс – Чем курдюк у врага <есть>, лучше похлебку у друга <хлебасть> (семантизация оппозитивности социальных отношений: не приближай к себе врага, даже если с ним достигнешь многих благ, лучше верный друг, который не предаст).

Фьызэрьшхми, зэшхэр фьызэдэшхэ – Пусть вы, братья, и грызетесь, но за трапезой ешьте вместе (семантика пословицы: нужно уметь ладить с родственниками и не доводить споры до разлада).

Бзаджэ зьшхым «бзаджэшх» кьыбжеIэ – Кто непотребное съел, тот тебя называет «непотребноедом» (значение пословицы: злодей сваливает свои злодеяния на безвинного человека).

Подведем итоги.

Адыгейская картина мира среди прочих элементов своей структуры обладает таким важным в этнокультурном отношении фрагментом, которым является глоттония (гастрономия). Семиотика пищевых предпочтений адыгов складывается из следующих элементов: глоттонические знаки-инструментативы, этно-маркированные глоттонимы-аддитивы, глоттонимы-регулятивы.

Адыгейский кулинарный репертуар в лингвосемиотическом отношении характеризуется широкой палитрой знаков, денотирующих национально-специфические элементы глоттонии (продукты, блюда из этих продуктов).

В статье репрезентирована широкая картина блюд адыгейского кулинарного репертуара, при этом представлены ценностные характеристики адыгейского пищевого мира посредством паремиологических ресурсов адыгейского лингвосемиотического пространства.

Литература

Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями). Антологический свод адыгского фольклора / сост. Л.А. Гутова. Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. 364 с.

Азаматова М.З. Адыгейская кухня. Майкоп: Адыгейское отд. Краснодарского кн. изд-ва, 1979. 28 с.

Астафурова Т.Н. Олянич А.В. Лингвосомиотика витальных потребностей: монография. Волгоград: Волгоградское науч. изд-во, 2011. 576 с.

Бараташвили Э.Э. Лингвосомиотика глоттонической коммуникации (на материале тюркоязычного гастрономического дискурса): автореф. ... дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 23 с.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Бижева З.Х. Культурные концепты в адыгской языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 1999. 297 с.

Боваева Г.М. Знаки глоттонии в калмыцкой лингвокультуре. Этнокультурный ритуал жертвоприношений // Материалы междунар. науч. конф. «Русский язык в диалоге культур». Воронеж, 2010. С. 12 – 17.

Головницкая Н.П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 21 с.

Джамирзе Р.Г. Адыгейская кухня. Традиции и современность. [Электронный ресурс]. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390308 (дата обращения 12.02.2019).

Дорохова Н.И. Лингвосомиотика среды обитания англоязычного этноса V – XV столетий: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 240 с.

Ермакова Л.Р. Глоттонические прагматонимы и национальный характер (на материале русской и английской лингвокультур): дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010. 240 с.

Захаров С.В. Лингвосомиотика англосаксонской глоттонии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 20 с.

Захарова А.С. Лингвосомиотика ихтиосферы в аспекте дискурсивных практик (на материале английского, немецкого, французского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016. 268 с.

Земскова А.Ю. Лингвосомиотические характеристики англоязычного гастрономического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 310 с.

Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2003. (сайт: <http://lib.rus.ec/b/366608>)

Кацунова Н.Н. Опыт лингвокогнитивного анализа метафор и идиом концепта *food* (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2007. 20 с.

Леви-Стросс Клод. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) // Массовая культура на рубеже XX – XXI веков: Человек и его дискурс. М.: Азбуковник, 2003. С. 167 – 201.

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 602 с.

Олянич А.В. Потребности – дискурс – коммуникация: монография. Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2014. 182 с.

Олянич А.В., Головницкая Н.П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: монография. Волгоград: ИПК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2008. 180 с.

Реймер Ю.В. Лингвосемиотика вакхической культуры в русском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 23 с.

Самохина Е.А. Репрезентация концептосферы «Land» в английской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 244 с.

Сатиева С.К. Языковая картина мира как экспликация национальной ментальности адыгского этноса // Неофилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 28 – 37.

Симакова А.В. Особенности функционирования языковых реалий с семантикой 'пища' (на материале произведений Ч. Диккенса): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 21 с.

Ундрицова М.В. Глюттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты (на материале русского, английского, французского и греческого языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 290 с.

Янушкевич И.Ф. Лингвосемиотика англосаксонской культуры: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009. 494 с.

References

Adygskiye poslovitsy i pogovorki (s ikh tolkovaniyami). Antologicheskii svod adygskogo fol'klora, sost. L.A. Gutova. Nal'chik: Izd. otdel IGI KBNC RAN, 2016. 364 p. (In Russian).

Azamatova M.Z. *Adygeyskaya kuhnya*. Maykop: Adygeyskoye otd. Krasnodarskogo kn. izd-va, 1979. 28 p. (In Russian).

Astafurova T.N. Olyanich A.V. *Lingvosemiotika vital'nykh potrebnostey: monografiya*. Volgograd: Volgogradskoye nauchnoye izd-vo, 2011. 576 p. (In Russian).

Baratashvili E.E. *Lingvosemiotika glyuttonicheskoy kommunikatsii (na materiale tyurkoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Volgograd, 2012. 23 p. (In Russian).

Bart R. *Izbrannyye raboty: Semiotika: Poehtika*. Sost., obshch. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. M.: Progress, 1989. 616 p. (In Russian).

Bizheva Z.H. *Kul'turnyye kontsepty v adygskoy yazykovoy kartine mira: dis. ... d-ra filol. nauk*. Nal'chik, 1999. 297 p. (In Russian).

Bovayeva G.M. Znaki glyuttonii v kalmytskoy lingvokul'ture. Ehtnokul'turnyy ritual zhertvoprinosheniy. *Materialy mezhdunar. nauch. konf. «Russkiy yazyk v dialoge kul'tur»*, Voronezh, 2010, pp. 12-17. (In Russian).

Golovnickaya N.P. *Lingvokul'turnyye kharakteristiki nemetskoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Volgograd, 2007. 21 p. (In Russian).

Dzhamirze R.G. *Adygeyskaya kuhnya. Traditsii i sovremennost'*. [Elektronnyy resurs] Available at: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24390308 (accessed 12.02.2019). (In Russian).

Dorokhova N.I. *Lingvosemiotika sredey obitaniya angloyazychnogo ehtnosa V-XV stoletiy: dis. ... kand. filol. nauk*. Volgograd, 2013. 240 p. (In Russian).

Yermakova L.R. *Glyuttonicheskiye pragmatonimy i natsional'nyy kharakter (na materiale russkoy i angliyskoy lingvokul'tur): dis. ... kand. filol. nauk*. Belgorod, 2010. 240 p. (In Russian).

Zakharov S.V. *Lingvosemiotika anglosaksonskoy glyuttonii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* Volgograd, 2008. 20 p. (In Russian).

Zakharova A.S. *Lingvosemiotika ikhtiosfery v aspekte diskursivnykh praktik (na materiale angliyskogo, nemetskogo, francuzskogo i russkogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk.* Volgograd, 2016. 268 p. (In Russian).

Zemskova A.Yu. *Lingvosemioticheskiye kharakteristiki angloyazychnogo gastronomicheskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk.* Volgograd, 2009. 310 p. (In Russian).

Kazyev Sh., Karpeyev I. *Povsednevnyaya zhizn' gortsev Severnogo Kavkaza v XIX veke.* M.: Molodaya gvardiya, 2003. (sm. sayt: <http://lib.rus.ec/b/366608>). (In Russian).

Katsunova N.N. *Opyt lingvokognitivnogo analiza metafor i idiom kontsepta food (na materiale angliyskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* Irkutsk, 2007. 20 p. (In Russian).

Levi-Stross Klod. *Strukturnaya antropologiya.* Per. s fr. Vyach. Vs. Ivanova. M.: EKSMO-Press, 2001. 512 p. (In Russian).

Olyanich A.V. Gastronomicheskiy diskurs v sisteme massovoy kommunikatsii (semantiko-semioticheskiye kharakteristiki). *Massovaya kul'tura na rubezhe XX-XXI vekov: Chelovek I yego diskurs.* M., Azbukovnik, 2003, pp.167-201. (In Russian).

Olyanich A.V. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa: dis. ... d-ra. filol. nauk.* Volgograd, 2004. 602 p. (In Russian).

Olyanich A.V. *Potrebnosti – diskurs – kommunikatsiya: monografiya.* Volgograd: IPK FGOU VPO VGSHA «Niva», 2014. 182 p. (In Russian).

Olyanich A.V., Golovnitckaya N.P. *Lingvokul'turnyye kharakteristiki nemetskoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa: monografiya.* Volgograd: IPK FGOU VPO VGSHA «Niva», 2008. 180 p. (In Russian).

Reymer Yu.V. *Lingvosemiotika vakhicheskoy kul'tury v russkom i nemetskom yazykakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* Volgograd, 2011. 23 p. (In Russian).

Samokhina E.A. *Reprezentatsiya kontseptosfery «Land» v angliyskoy lingvokul'ture: dis. ... kand. filol. nauk.* Volgograd, 2010. 244 p. (In Russian).

Sapiyeva S.K. Yazykovaya kartina mira kak ehksplikatsiya natsional'noy mental'nosti adygsckogo ehtnosa. *Neofilologiya*, 2017, vol. 3, no. 3 (11), pp. 28-37. (In Russian).

Simakova A.V. *Osobennosti funktsionirovaniya yazykovykh realiy s semantikoy 'pishcha' (na materiale proizvedeniy Ch. Dikkensa): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* Krasnodar, 2011. 21 p. (In Russian).

Undritsova M.V. *Glyuttonicheskiy diskurs: lingvokul'turologicheskiye, kognitivno-pragmaticheskiye i perevodcheskiye aspekty (na materiale russkogo, angliyskogo, francuzskogo i grecheskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk.* M., 2015. 290 p. (In Russian).

Yanushkevich I.F. *Lingvosemiotika anglosaksonskoy kul'tury: dis. ... d-ra filol. nauk.* Volgograd, 2009. 494 p. (In Russian).

Anzhela A. Kuvaeva (Maykop, Russian Federation)

Gluttony as a Fragment of an Adyghe Semi-linguistic World Picture

This article presents the basics of sign formation in the framework of the Adyghe picture of the world, more precisely, in the framework of its gluttonic (gastronomic) fragment. The signs that denote the food preferences of the Adyghe ethnos are studied in all their diversity: as lexical units (nominations), paremiological structures (proverbs and sayings) and as integral elements

of the utterance (proverbs-parables). Semiotics of the national image of the Adyghe culinary repertoire is presented in a panoramic way. The following results were obtained: 1) the gluttonic (gastronomic) fragment of the Adyghe semiolinguistic picture of the world was described; 2) a repertoire of ethno-labeled gluttonyms has been identified, including gluttonyms-instrumentatives, gluttonyms-additives and gluttonyms-regulatives; 3) the value characteristics of the Adyghe gluttonia, explicated in the semantics and pragmatics of national proverbs and sayings inducing the attitude of the Circassians to food, its preparation and consumption, are determined.

Key words: *sign, picture of the world, gluttony, gastronomy, culinary repertoire, semiolinguistics, paroemia.*

Anzhela A. Kuvaeva – Ph.D. of Pedagogy, associate professor of the Department of General Pedagogy. Adygei State University, Republic of Adygea. E-mail: auni777@mail.ru

УДК 81'1:316.77
ББК 81.006

М.В. Ерещенко

**ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
СОДЕРЖАНИЕ ТЕКСТА
НЕФОРМАЛЬНОГО
ИНТЕРВЬЮ В АСПЕКТЕ
РЕАГИРУЮЩИХ
РЕПЛИК РЕСПОНДЕНТА**

На материале текстов неформального интервью анализируются реагирующие реплики респондента, которые формулируются таким образом, что финальные лексические сегменты существенно отличаются от остального наполнения реплики с точки зрения стилистической окраски и эмоциональности общения. В этом случае имеет место переключение кодов: для воспроизведения юмористического эффекта реагирующий субъект задействует различные варианты языка, в частности переключает внимание интервьюера со стандартного (литературного) английского языка на тот или иной региональный или социальный диалект. Переключение кодов состоит в использовании определенной лексической единицы или выражения, которое заметно отличается от остальных лексических единиц (выражений) в той же самой реплике. Выбор в пользу использования механизма переключения кодов предопределяется в неформальном интервью такими прагматическими факторами, как контекст и тема обсуждения, попытка собеседников создать позитивный эмоциональный настрой общения.

Ключевые слова: *текст неформального интервью, респондент, эмоции, переключение кодов, юмористический эффект, двойственный адресат.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-60-67

Ерещенко Маргарита Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Донского государственного технического университета
Тел.: 8-928-270-34-65
E-mail: mar.ershchenko@yandex.ru

© Ерещенко М.В., 2019.

Научное изучение эмоций – одна из динамически развивающихся сфер гуманитарного знания. Исследователи фокусируют внимание, в том числе, на проблеме эмоционального состояния собеседников в социальном взаимодействии с опорой на ряд теоретических и методологических подходов [Гаврилова, 2015; Коростова, 2015]. В этом отношении межличностная коммуникация рассматривается в качестве одной из первоочередных сфер исследования, поскольку является релевантной эмпирической базой для многоаспектного анализа специфики кодирования эмоций, реагирования на них. Выражение эмоций в межличностной коммуникации трактуется как ключевая характеристика эмоционально-волевого опыта говорящего субъекта [Азарова, Кудряшов, 2016].

Выражение эмоций и их действительное переживание не всегда совпадают; эмоции могут коммуницироваться как намеренно, так и непреднамеренным способом. В последнем случае они могут предопределять проблематичный характер межличностного взаимодействия, особенно если непроизвольно реализуются негативные эмоции, порождающие не менее негативные эмоциональные реакции. Возможные расхождения между переживанием и выражением эмоций становятся предметом исследования тех лингвистов, которые делают попытку связать коммуникативное поведение с определенным типом эмоционального опыта субъекта речи [Котова, Кудряшов, 2016].

Эмоциональные сообщения классифицируются в соответствии

с сигналами их выражения и / или каналами передачи. Сигналы выражения эмоций в наблюдаемом невербальном / вербальном поведении, которое свидетельствует о разнообразных аффективных состояниях индивида; каналы передачи эмоций имеют непосредственное отношение к сенсорному регистру, с опорой на который соответствующие сигналы коммуницируются собеседнику. Различные комбинации сигналов и каналов становятся основой для интерпретации эмоционально окрашенных сообщений. Вместе с тем лингвистические исследования сосредотачиваются, как правило, на проблеме выражения эмоционального состояния говорящего субъекта, исходя из тех или иных каналов передачи эмоций [Коростова, 2014]. В спонтанном диалогическом взаимодействии все возможные аудиовизуальные каналы потенциально коммуницируют эмоциональное содержание.

Оптимальным эмпирическим материалом для исследования эмоциональных состояний собеседников предстают тексты неформального интервью. Исследование данных текстов дает возможность рассмотреть эмоции на уровне обсуждения повседневного, личного и профессионального опыта респондента, а управление эмоциями, реагирование на них, осуществляемое респондентом, проливает свет на лингвистическую специфику современной социальной жизни, когнитивную оценку эмоций, индивидуальную психологию эмоционально-волевых состояний, как и психологические корреляты этих состояний. Язык не может быть редуцирован до когнитивного знания семантического содержания отдельных сегментов общения, он представляет собой конструктивный социальный механизм групповой организации индивидов, формирования их эмоциональных идентичностей в условиях диалогического контекста взаимодействия. Респондент активизирует те или иные эмоции с целью обоснования своих социальных действий.

Тексты неформального интервью характеризуются следующими лингвистическими особенностями.

1. Языковое значение тех или иных единиц и конструкций реализуется как потенциальное, предполагающее наличие смыслового содержания. Значения слов и высказываний не рассматриваются как фиксированные или объективные, предстают подвижными, испытывающие влияние со стороны социального контекста беседы. Потенциальные значения в языке не являются достаточными для определения контекстуальных смыслов, но, как указывают исследователи, они могут интерпретироваться как структурированный набор семантических ресурсов, которые задействуются в комбинации с контекстуальными факторами, порождающими ситуативные смыслы. Ср. следующий фрагмент из неформальной беседы, в которой интервьюер разговаривает с редактором популярного журнала:

(1) “– *You might have had some problems publishing the previous issue of the magazine... – The **production** was not a real problem. It went almost according to the schedule...*” [Hello, p. 25].

Очевидно, что слово *production*, которое обнаруживается в реагирующей реплике респондента, приобретает контекстуальный смысл. Из

контекста последующей беседы читатель интервью выявляет, что участники неформальной беседы обладают сходными интерпретациями данной словоформы. В данном случае она, по всей видимости, означает те потенциальные проблемы, с которыми столкнулась редакция в процессе публикации статей в предшествующем номере журнала. Подобный ситуативный смысл не фиксируется толковыми словарями английского языка, но выявляется читателем «между строк», в ходе семантического анализа непринужденного разговора.

2. Для текстов неформального интервью существенным оказывается двойная диалогичность, т.е. баланс между ситуативным взаимодействием собеседников и их коммуникативными практиками, выходящими за рамки текущей ситуации непринужденного общения. Неформальное интервью обладает двухуровневой структурой. Первый уровень – это текущее взаимодействие; второй уровень – актуальные социокультурные практики общения, т.е. динамическое использование и ситуативные модификации языковых ресурсов, интерактивных моделей. Данные практики определяются нами как социальная деятельность, подверженная изменениям в процессе коммуникации.

3. Все высказывания в рамках неформального интервью воспринимаются как эмоциональные реакции на контекстуальное содержание беседы с опорой на образ собеседника. Респондент выступает соавтором значений и смыслов, конструируемых совместно с интервьюером.

4. Тексты неформального интервью публикуются в популярных иллюстрированных изданиях. В этой связи в непринужденный разговор активно вовлекаются не только непосредственные собеседники, но и читательская аудитория. Другими словами, смысловые модели, к которым прибегает респондент, реагируя на реплики интервьюера, оказываются актуальными для устного и письменного дискурса. Как показала О.А. Азарова, респондент вовлекает интервьюера в совместное конструирование непринужденной беседы с опорой на фонетическое оформление своей реагирующей реплики, читательскую аудиторию – через смысловые и эмоциональные компоненты [Азарова, 2013].

Ментально воспроизводя эмоциональные компоненты смысла, поступающие по различным каналам, как интервьюер, так и читатели в равной степени рассматриваются респондентом в качестве полноправных участников разворачиваемого общения. Эмоциональное вовлечение адресата в неформальный диалог – необходимое условие реализации данного типа интервью как самостоятельного жанра. В этом жанре действенным оказывается двойственный адресат, вовлечение которого в непринужденную беседу осуществляется, в том числе, с опорой на прагматический механизм переключения кодов.

Как показывают наши наблюдения, переключение кодов частотно маркируется разговорной конструкцией или сленговой единицей, которая задействуется в функции фиксации кульминационного момента диалогического высказывания. Интервьюер, реагирует смехом на подобную реплику. Вполне очевидно, что подобный юмористический эффект

производится в неформальном интервью для третьего – «незримого» – участника, а именно читательской аудитории.

Примеры (2) – (3) иллюстрируют такие моменты неформального интервью, в которых стилистическая организация реагирующей реплики респондента нацелена на порождение юмористического эффекта с опорой на переключение кодов. Ср.:

(2) “– ... *Could you give some other details? – May be, he was just weird. That’s what I kind of came up with him. – Yes, ha-ha... – You know, fans are not allowed to go there, obviously he went, because he knew I would sing that song. But he didn’t like it, he might be just wacky... – Yes, ha-ha...*” [People, p. 17].

Реагируя на просьбу интервьюера детализировать поведение фаната во время концерта, респондент, известная певица, характеризует этого фаната как «странноватый» («причудливый»), далее заявляя, что это суждение отражает ее собственное мнение (*That’s what I kind of came up with him*). Очевидно, что респондент делает логический акцент на данном слове с разговорной окраской (*weird*), выражая крайнее удивление, используя механизм переключения регистров.

Интервьюер, в свою очередь, интерпретирует реплику респондента как освещающую комичную ситуацию, которая вызывает смех. Подобная реакция интервьюера далее стимулирует респондента на обнародование еще большего количества деталей обсуждаемой ситуации, опять-таки, задействует механизм переключения стилистических кодов: респондент делает предположение, что фанат, о котором ведется повествование, «странный» («эксцентричный»), номинируется посредством сленговой лексики *wacky*, что вызывает повторный смех интервьюера.

На основе анализа данного примера можно сделать вывод о том, что переключение кодов порождает в неформальном интервью юмористический эффект, который предопределяет впоследствии освещение дополнительной информации, интересной для читательской аудитории, повторную реализацию механизма переключения кодов, что, в конечном итоге, создает позитивную эмоциональную атмосферу непринужденного общения. При этом активация данного механизма базируется на употреблении лексем с ярко выраженными негативными коннотациями в сильной позиции реагирующих реплик респондента.

Одновременно наблюдается усиление стилистической окрашенности лексем, участвующих в переключении кодов: если первая лексема является разговорной, то вторая лексема принадлежит сфере сленга (ср.: *weird – wacky*). Данные лексем, негативные по своей стилистической окрашенности, выражают позитивные эмоции респондента: крайнее удивление, граничащее с невозможностью понять логику действий характеризуемого лица (на не неодобрение), что неизбежно порождает и усиливает юмористический эффект.

Можно также сделать предположение, что первая реализация механизма переключения кодов была ненамеренной со стороны респондента. Заметив, что именно этот механизм вызывает смех интервьюера, респондент впоследствии обращается к его повторной активации, на-

деять, что это произведет аналогичный эффект (действенность данной установки респондента, как свидетельствует последующая эмоциональная реакция интервьюера, подтверждается в неформальном общении). Возможно, именно поэтому вторая лексема, участвующая в реализации анализируемого нами механизма, оказывается более сильной в стилистическом плане.

Вторую реакцию интервьюера (повторный смех) можно рассматривать как программируемую со стороны респондента, т.е. вторичная актуализация механизма переключения кодов является намеренной. В контексте примера (2) стилистически маркированные лексемы *weird*, *wacky* трактуются нами как своеобразные прагмемы, которые создают в неформальном интервью соответствующий непринужденный эмоциональный настрой, который, по мнению респондента, призван вызвать особый интерес читательской аудитории.

Пример (3) иллюстрирует фрагмент неформального интервью, в котором собеседники обсуждают проблему нахождения нужной информации в интернете, которая не всегда оказывается достоверной. Приводится реагирующая реплика респондента, которая, в свою очередь, вызывает смех интервьюера. Сильную финальную позицию в этой реплике занимает выражение *any yahoo with three synapses*, которое, на наш взгляд, можно рассматривать как средство выражения переключения кодов. Ср.:

(3) “– ... *The other thing is the number of errors that creep in, but the biggest thing is how difficult it is to determine the quality of what it is that you find on the net. Any yahoo with three synapses can publish something on the internet. – Yes, ha-ha...*” [Heat, p. 31].

Диалогическая реплика респондента совмещает в себе стилистически разнородные конструкции (ср. разговорное выражение *the number of errors that creep in*, штамп из научной речи *to determine the quality*). Сочетание *any yahoo with three synapses* можно рассматривать как разговорное, поскольку в нем видовое понятие *Yahoo* задействуется как видовое понятие *yahoo*, т.е. определенная поисковая система в контексте обсуждения используется для обозначения поисковой системы вообще (имя личное становится нарицательным), что усиливается неопределенным местоимением *any*. Подобная трансформация, как мы уже отметили, вызывает смех интервьюера, создает позитивный настрой в непринужденной беседе. Наблюдается переключение кода: научный стиль изложения (*to determine the quality*) сменяется разговорным стилем.

В отличие от примера (2), в котором имеет место переход от нейтрального стиля выражения мнения к разговорному стилю, в данном случае переключение кодов оказывается более резким – от научного стиля к разговорному стилю. Если в примере (2) интенсивное выражение эмоционального состояния респондента поддерживается повторной активацией механизма переключения кодов, в примере (3) это осуществляется за счет стыковки двух несовместимых стилистических элементов реагирующей реплики – научного и разговорного. В обоих случаях

прагматическим следствием реализации механизма переключения кодов становится юмористический эффект, адресатом которого выступает не только интервьюер, но и читательская аудитория.

Литература

Азарова О.А. *Коммуникативные стратегии и тактики респондента и языковые средства их реализации в англоязычном неформальном интервью: дис. ... канд. филол. наук.* Ростов н/Д, 2013. 183 с.

Азарова О.А., Кудряшов И.А. Эмоции, язык, когнитии: проблема взаимобусловленности в междисциплинарной перспективе // *Междунар. науч.-исслед. журн.* 2016. № 10-3(52). С. 6–9.

Гаврилова Г.Ф. *Предложение и текст: системность и функциональность: коллективная монография.* Ростов н/Д.: АкадемЛит, 2015. 412 с.

Коростова С.В. Эмотивность в диалоге и эмотивный диалог в русском художественном тексте // *Вестн. Воронежского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2014. № 4. С. 92–97.

Коростова С.В. Эмотикон языковой личности в текстах современных масс-медиа // *Изв. ЮФУ. Филол. науки.* 2015. № 1. С. 77–87.

Котова Н.С., Кудряшов И.А. Лингвофилософская прагматика vs. когнитивная прагматика: два взгляда на одну и ту же проблему // *Когнитивные исследования языка.* 2016. № 25. С. 68–74.

Heat. 2016. April, 9. 101 p.

Hello. 2016. December, 19. 100 p.

People. 2017. October, 26. 86 p.

References

Azarova O.A. *Kommunikativnyye strategii i taktiki respondenta i yazykovyye sredstva ikh realizatsii v angloyazychnom neformal'nom interv'yu:* dis. ... kand. filol. nauk. Rostov n/D, 2013. 183 p. (In Russian).

Azarova O.A., Kudryashov I.A. Emotsii, yazyk, kognitsii: problema vzaimoobuslovlennosti v mezhdistsiplinarnoy perspective. *Mezhdunarodnyy nauch.-issled. zhurn.*, 2016, no. 10-3(52), pp 6-9. (In Russian).

Gavrilova G.F. *Predlozheniye i tekst: sistemnost' i funktsional'nost': kollektivnaya monografiya.* Rostov n/D: AkademLit, 2015. 412 p. (In Russian).

Korostova S.V. Emotivnost' v dialoge i ehmotivnyy dialog v russkom khudozhestvennom tekste. *Vestn. Voronezhskogo gos. un-ta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2014, no. 4, pp. 92-97. (In Russian).

Korostova S.V. Ehmotikon yazykovoy lichnosti v tekstakh sovremennykh mass-media. *Izv. YuFU. Filologicheskiye nauki.* 2015, no. 1, pp. 77-87. (In Russian).

Kotova N.S., Kudryashov I.A. Lingvofilosofskaya pragmatika vs. kognitivnaya pragmatika: dva vzglyada na odnu i tu zhe problemu. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*, 2016, no. 25, pp. 68-74. (In Russian).

Heat. 2016. April, 9. 101 p.

Hello. 2016. December, 19. 100 p.

People. 2017. October, 26. 86 p.

Margarita V. Ereshchenko (Rostov-on-Don, Russian Federation)
Emotional Content of Non-Formal Interview Text in the Aspect of Respondent's Reactive Utterances

In the article according to the material of the informal interview texts, the respondents' reacting utterances are analyzed, which are formulated in such a way that the final lexical segments differ significantly from the rest of the utterance content in terms of stylistic coloring and the emotionality of communication. In this case there is a so-called code-switching: for reproducing the humorous effect the reacting subject uses various versions of the language, in particular shifts the focus of the interviewer's attention from the standard (literary) English to a particular regional or social dialect. Code-switching consists of the use of a specific lexical unit or expression that is markedly different from the rest of the lexical units (expressions) in the same utterance. The choice to use the mechanism of code-switching is determined in an informal interview by such pragmatic factors as the context and the topic of discussion, the interlocutors' attempt to create a positive emotional mood of communication. Code-switching generates a humorous effect in the informal interview text, which subsequently determines the coverage of additional information interesting for the readership, the re-implementation of the code-switching mechanism, which creates a positive emotional atmosphere of the relaxed communication. The activation of this mechanism is based on the use of tokens with pronounced negative connotations in a strong position of the respondent's reacting utterances.

Key words: *non-formal interview text, respondent, emotions, code-switching, humorous effect, double addressee.*

Margarita V. Ereshchenko – candidate of philological science, associate professor, the Russian as a Foreign Language Department, Don State Technical University. Phone: 8928-270-34-65; e-mail: mar.ereshchenko@yandex.ru

УДК: 81'42
ББК: 81.2 Фр

**Л.В. Дудникова,
Т.В. Милевская**

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ СВЯЗНОСТИ В МЕДИЦИНСКОМ (НАУЧНОМ) ДИСКУРСЕ

Рассматривается функционально-прагматическая специфика реализации категории связности в медицинском (научном) дискурсе. На основе анализа исследований отечественных и зарубежных лингвистов выявляются основные характеристики медицинского дискурса. Исследуются средства реализации когезии в научных работах по медицине на английском и французском языках.

Ключевые слова: *связность, средства когезии, научный дискурс, медицинский дискурс, текст.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-68-74

Дудникова Лина Викторовна – старший преподаватель кафедры романской филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-906-439-77-78
E-mail: dudnikovalina@mail.ru

Милевская Татьяна Валентиновна – докт. филол. наук, профессор кафедры иностранных языков № 3 Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
Тел.: 8-909-418-83-03
E-mail: tmilevsky@yandex.ru

© Дудникова Л.В.,
Милевская Т.В., 2019.

Медицинский дискурс представляет собой сложное, многоуровневое и многокомпонентное явление, которое находится в зоне пересечения исследовательских практик самых разных научных школ и направлений в силу того, что является как одним из типов институционального дискурса, так и разновидностью научного дискурса. В настоящее время исследованию медицинского дискурса как в русском, так и в других языках уделяется большое внимание. Многие отечественные и зарубежные лингвисты посвятили свои работы данной проблеме, среди них: М.И. Барсукова, Э.В. Акаева, В.В. Жура, Н.Ю. Сидорова, Н.Д. Голев, Л.С. Бейлинсон, Н.В. Гончаренко и другие.

В соответствии с авторскими интенциями письменный медицинский дискурс подразделяется на непосредственно научный медицинский дискурс и научно-популярный медицинский дискурс. В научном медицинском дискурсе адресантами и адресатами являются специалисты, практикующие врачи, медицинские работники, студенты медицинских учреждений. Цель научного медицинского дискурса состоит в том, чтобы оказать профессиональную и высококвалифицированную медицинскую помощь пациенту. В нем можно выделить следующие речевые жанры: научная статья, монография, обзор, доклад, лекция [Костяшина, 2008, с. 8].

Основная цель научно-популярного медицинского дискурса – информирование, консультирование пациента-потребителя медицинских услуг. Адресантами

выступают врачи, играющие главную роль в институциональном общении, а адресатами являются потенциальные пациенты. К научно-популярному медицинскому дискурсу относятся различные медицинские буклеты, статьи, интервью с практикующими врачами в научно-популярных журналах по медицине, рассчитанные на широкую читательскую аудиторию.

Продуктом дискурсивной деятельности в области медицины выступают собственно научные тексты. Они содержат в себе новое научное знание и отражают в языке особенности научного познания, мышления. В них также представлены данные, полученные в результате проведения научных исследований, наблюдений за больными в ходе врачебной практики и т.д. Характерными признаками таких текстов являются логичность изложения, краткость, сжатость, точность представления нового научного знания, убедительность аргументации, отсутствие лексической, структурной и информационной избыточности.

Применение когнитивно-дискурсивного подхода в исследовании научного медицинского текста позволяет рассматривать его как результат речемыслительной (дискурсивной) деятельности, связанный с передачей знания из определенной области науки [Ракитина, 2007, с. 25]. Научная коммуникация, осуществляемая через научный текст, в зависимости от предмета речи соотносится с научной деятельностью ее участников, их научными знаниями, научными пресуппозициями [Там же, с. 10 – 11], эксплицирует этапы научного знания, связь между автором и адресатом, автором и представляемой им концепцией.

Медицинский дискурс обладает свойствами, которые присущи дискурсу любой разновидности. К таким признакам относятся интерактивность, интенциональность, информативность, связность, целостность, структурированность, дискретность, деятельностная природа, открытость. Именно связность рассматривается как одна из основных, важнейших категорий дискурса. Так, И.Р. Гальперин связностью текста называет когезию, которая представляет особые виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность (темпоральную и/или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр. [Гальперин, 2017, с. 74].

А. Вернер понимает когезию как линейную внутреннюю организацию текста посредством различных единиц языка [Werner, 1988, с. 685]. О.М. Вербицкая, рассматривая когезию как основной принцип построения текста, подчеркивает, что по сути когезия и когерентность представляют собой разные аспекты связности текста: формальный и содержательный [Вербицкая, 2001, с. 8].

Д. Брчакова отмечает, что «именно когезия определяет текст как законченное целое. Связность относится к универсалиям лингвистического анализа текста» [Брчакова, 1979, с. 249].

Практическим материалом настоящего исследования послужили научные работы D.C. Adelman, T.B. Casale, J. Corren «Manual of allergy and immunology» и S. Silbernagl, F. Lang «Atlas de poche de physiopathologie».

Для обеспечения логико-грамматических связей между предложениями в медицинском дискурсе отмечены случаи использования наречия *therefore* (поэтому) в английском языке и вводного сочетания *par conséquent* (следовательно) во французском. Например:

*The greater the level of suspicion for ACD, the more frequently the correct diagnosis will be made. **Therefore**, a thorough history eliciting potential environmental sensitizers plays a key role in diagnosis* (Adelman, p. 232).

*La capacité d'excrétion des reins n'est pas atteinte et de loin. **Par conséquent**, il peut se produire une limitation notable du taux de filtration glomérulaire et du volume contrôlé, sans que cela ne déclenche des effets négatifs sur l'organisme* (Silbernağl, p. 92).

Также в работах по медицине встречаются наречия *moreover* (более того) и *en outre* (кроме того). Например:

*Children <2 years of age may have a negative DTH in spite of an intact cellular immunity. **Moreover**, a positive DTH indicates the presence of functional CD4 memory cells but gives no information on CD8 cells, naïve CD4 cells, or NK cells* (Adelman, p. 391).

*Une hypocalcémie peut être la conséquence d'une inhibition de la sécrétion de parathormone (hypoparathyroïdisme) ou d'une diminution de son action (pseudo-parahypothyroïdisme). **En outre**, une carence en vitamine D entraîne une hypocalcémie via une diminution de la synthèse du calcitriol* (Silbernağl, p. 128).

При сопоставлении используются вводные сочетания *on the other hand* (с другой стороны) и *d'un autre côté* (с другой стороны). Например:

*Life-threatening systemic reactions are rarely caused by percutaneous tests. **On the other hand**, immediate systemic reactions are more common with intracutaneous test* (Adelman, p. 48).

*Une autre conséquence d'une alcalose respiratoire (hypocapnie) est une augmentation de l'excitabilité neuromusculaire associée à des crampes, dues en partie à une diminution de la concentration du calcium dans le plasma, mais surtout à une contraction des vaisseaux cérébraux, diminuant l'irrigation du cerveau. **D'un autre côté**, l'alcalose intracellulaire peut inhiber l'excitabilité neuromusculaire via une activation des canaux potassiques* (Silbernağl, p. 90).

Для выражения противопоставления употребляются наречия *however* (однако, тем не менее) и *cependant* (однако). Например:

*Severe systemic allergic reactions have been reported as adverse events associated with omalizumab. Most reactions occur within 2 hours of dosing and are most common after the first three injections. **However**, a significant portion of the reactions have been reported after receiving many doses and may occur several hours after administration* (Adelman, p. 166).

*Si les douleurs persistent lorsque l'effort est terminé, on parlera d'un angor stable. **Cependant**, lorsqu'un patient présentant un angor stable ressent brusquement des douleurs angineuses plus fortes et plus fréquentes (angor instable), c'est souvent le signe annonciateur d'un infarctus du myocarde*

aigu, c'est-à-dire d'une obturation complète du vaisseau coronaire atteint (voir ci-dessous) (Silbernagl, p. 218).

Авторы научных работ приводят примеры для наглядного и убедительного объяснения различных медицинских явлений и процессов. Так, например, существительное *example* (пример) в английском языке и существительное *exemple* (пример) во французском, обеспечивают связность данного текста:

*Another **example** is receptors that contribute to the selective homing of lymphocytes to different tissues. Lymphocytes that migrate through peripheral lymph nodes express L-selectin, which recognizes peripheral-node addressins present in peripheral lymph nodes* (Adelman, p. 25).

*L'activation brutale des mastocytes (dans les tissus) ou de leurs homologues circulants, les granulocytes basophiles, est un **exemple** du déclenchement d'une réaction inflammatoire aiguë très puissante* (Silbernagl, p. 48).

Для медицинского дискурса характерно употребление вводных сочетаний *in general* (в общем) и *en général* (вообще). Например:

*Some exceptions exist to the principle that flow cytometry does not generally provide diagnostic data. **In general**, any genetic defect that results in absent or decreased protein expression can be detected by flow cytometry if the appropriate monoclonal antibody reagents exist* (Adelman, p. 404).

*Une lésion des nerfs périphériques entraîne d'abord un ralentissement de la vitesse de conduction due à une diminution de l'épaisseur de la gaine de myéline. **En général**, les parties sensibles du nerf sont également touchées: on observe, d'une part, des troubles de sa sensibilité et d'autre part, il apparaît dans les nerfs lésés des potentiels d'action spontanés qui déclenchent les sensations correspondantes (paresthésies)* (Silbernagl, p. 306).

Когезия также осуществляется на основе ретроспективной и проспективной отсылки. В данных примерах цифровой маркер отсылает читателя к последующей содержательной информации:

*The immunoglobulin molecule has two identical heavy chains and two identical kappa or lambda light chains (**Fig. 1-3**)* (Adelman, p. 3).

*Les altérations des mouvements respiratoires dues à des troubles de régulation (voir **tableau 1**) ne conduisent pas obligatoirement aux mêmes altérations de la ventilation alvéolaire* (Silbernagl, p. 66).

Авторы научных работ по медицине стараются привлечь внимание читателя к наиболее важной информации с помощью оценочных слов, которые выступают в роли дискурсивных маркеров. Оценка как ценностный аспект значения представлена в языке различными способами. По мнению Е.М. Вольф, оценка «может быть ограничена элементами меньшими, чем слово, но может характеризовать и группу слов, и целое высказывание» [Вольф, 2002, с. 6]. Например, наречие *interestingly* (интересно) и сочетание *il est important* (важно):

***Interestingly**, the success rate of six-food elimination, oral viscous budesonide, and allergy testing-directed diet were all about the same 75% to 85%, giving a practitioner multiple choices on how to proceed* (Adelman, p. 352).

Il est important que la valeur du pH du chyme soit basse, car cela a) augmente le gradient de protons qui pousse le fer dans les cellules via DTC1 et b) libère le fer complexé aux aliments (Silbernagl, p. 38).

В качестве связующих средств также используются различные виды повторов. И.В. Арнольд отмечает, что повторы «часто служат важным средством связи между предложениями, причем иногда предметно-логическую информацию бывает трудно отделить от дополнительной, прагматической» [Арнольд, 1990, с. 183]. Рассмотрим примеры:

- прямые повторы.

Use of moisturizers, especially when combined with hydration therapy, will help restore and preserve the stratum corneum barrier. Moisturizers may also decrease the need for topical corticosteroids. Moisturizers are available in lotions, oils, creams, and ointments (Adelman, p. 221).

La mucoviscidose (cystic fibrosis, CF) est une maladie génétique dans laquelle est atteinte la sécrétion épithéliale entre autres, dans le poumon, le pancréas, le foie, le tractus génital, l'intestin, la muqueuse nasale et les glandes sudoripares. La mucoviscidose est l'altération génétique létale (en moyenne après 40 ans) la plus fréquente chez les Blancs (1 pour 2500 naissances) (Silbernagl, p. 162).

В данных примерах три раза повторяется существительное *moisturizers* (увлажняющие средства) и два раза повторяется существительное *mucoviscidose* (муковисцидоз).

- модифицированный повтор слова в измененной грамматической форме.

Further, influenza vaccines in recent years contain very low amounts of egg protein. Nonetheless, patients who are suspected of being allergic to eggs should be evaluated by an allergist/immunologist prior to receiving influenza vaccine (Adelman, p. 420).

Le myocarde est alimenté par les deux artères coronaires qui sont issues de la racine de l'aorte. L'artère coronaire droite alimente en général la majeure partie du ventricule droit, la gauche, l'essentiel du ventricule gauche (Silbernagl, p. 216).

В примере, взятом из английского языка, форма множественного числа *influenza vaccines* (противогриппозные вакцины) переходит в форму единственного числа *influenza vaccine* (противогриппозная вакцина), тем самым связывая данный фрагмент текста. То же самое мы можем наблюдать и во французском языке: изменение формы множественного числа *artères coronaires* (коронарные артерии) в форму единственного числа *artère coronaire* (коронарная артерия).

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что набор средств выражения когезии в научных текстах по медицине, представленных на английском и французском языках, является практически тождественным. Выявлено использование повторов, в том числе скреп, представленных формами единственного/множественного числа существительных. Также в работах

отмечено эмоционально-экспрессивное выделение какого-либо значимого элемента высказывания или его смысловых оттенков.

Литература и источники

Арнольд И.В. *Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования)*. М.: Просвещение, 1990. 300 с.

Брчакова Д. О связности в устных коммуникатах // *Синтаксис текста*. М.: Наука, 1979. С. 248-262.

Вербичская О.М. *Текстообразующий потенциал когезии в структурносмысловой организации текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Иркутск, 2001. 23 с.

Вольф Е.М. *Функциональная семантика оценки*. М.: Едиториал УРСС, 2002. 228 с.

Гальперин И.Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. М.: КомКнига, 2017. 144 с.

Костяшина Е.А. *Функциональное взаимодействие научного, медицинского и научно-популярного дискурсов в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала // Вестн. Томского гос. ун-та*. Томск, 2008. Вып. № 306. С. 7 – 10.

Ракитина С.В. *Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук*. Волгоград, 2007. 44 с.

Adelman D.C., Casale T.B., Corren J. *Manual of allergy and immunology*. Philadelphia: Lippincott Williams&Wilkins, 2012. 494 p.

Silbernagl S., Lang F. *Atlas de poche de physiopathologie*. Paris: Flammarion Médecine-Sciences, 2002. 406 p.

Werner A. *Terminologie zur neueren Linguistik*. Tübingen: Niemeyer, 1988. S. 684 – 685.

References

Arnol'd I.V. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka (stilistika dekodirovaniya)*. M., Prosveshcheniye, 1990. 300 p. (In Russian).

Brchakova D. O svyaznosti v ustnykh kommunikatakh. *Sintaksis teksta*, M., Nauka, 1979. Pp. 248-262. (In Russian).

Verbitskaya O.M. *Tekstoobrazuyushchiy potentsial kogezi v strukturnosmyslovoy organizatsii teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Irkutsk, 2001. 23 p. (In Russian).

Vol'f E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki*. M., Editorial URSS, 2002. 228 p. (In Russian).

Gal'perin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. M., KomKniga, 2017. 144 p. (In Russian).

Kostyashina E.A. *Funktsional'noye vzaimodeystviye nauchnogo, meditsinskogo i nauchno-populyarnogo diskursov v tekstovom prostranstve nauchno-populyarnogo meditsinskogo zhurnala. Vestn. Tomskogo gos. un-ta*. Tomsk, 2008. Vyp. no. 306, p. 7-10. (In Russian).

Rakitina S.V. *Kognitivno-diskursivnoye prostranstvo nauchnogo teksta: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. Volgograd, 2007. 44 p. (In Russian).

Adelman D.C., Casale T.B., Corren J. *Manual of allergy and immunology*. Philadelphia: Lippincott Williams&Wilkins, 2012. 494 p.

Silbernagl S., Lang F. *Atlas de poche de physiopathologie*. Paris: Flammarion Médecine-Sciences, 2002. 406 p.

Werner A. *Terminologie zur neueren Linguistik*. Tübingen: Niemeyer, 1988. S. 684-685.

Lina V. Dudnikova, Tatyana B. Milevskaya (Rostov-on-Don, Moscow, Russian Federation)

Features of the Cohesion Category in Medical (Scientific) Discourse

The article deals with the functional and pragmatic features of the cohesion category in medical (scientific) discourse. The author analyzes existing research in Russian and foreign linguistics and describes the main characteristics of medical discourse. The means of cohesion in scientific works on medicine in English and French are explored in the article.

Key words: *cohesion, means of cohesion, scientific discourse, medical discourse, text.*

Lina V. Dudnikova – Senior Lecturer of the Romance Philology Department, Southern Federal University. Phone: 8-906-439-77-78; e-mail: dudnikovalina@mail.ru

Tatyana V. Milevskaya – grand Ph.D. of Philology, Professor of the Foreign Languages Department № 3, Plekhanov Russian University of Economics. Phone: 8-909-418-83-03; e-mail: tmilevsky@yandex.ru

УДК 81-133
ББК 83.3(2)6

Л.М. Каппушева

**ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ
ОППОЗИЦИИ
«ИСТИНА / ЛОЖЬ»
В ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ
ТЕКСТЕ М.М. РОЩИНА
В СВЕТЕ ТЕОРИИ
ГОЛОГРАФИЧЕСКОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ**

Статья посвящена осмыслению основных особенностей вербализации базовой онтологической оппозиции «истина/ложь» в драматургическом тексте М.М. Рощина. В ней выявляется голографическая природа языковой организации его произведений, что и предопределяет необходимость поиска новой стратегии исследования. В качестве подобного алгоритма предлагается метод семантической дифракции, основные положения которого формулируются и проходят апробацию на имеющемся языковом материале.

Исследование адресовано лингвистам, занимающимся вопросами изучения языка советской драматургии послевоенной эпохи, а также семантики художественного текста позднеклассической рациональности.

Ключевые слова: *онтологическая оппозиция «истина/ложь», голографическое моделирование, метод семантической дифракции.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-75-83

Каппушева Лейла Магометовна – аспирант кафедры русского языка факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Северо-Кавказского федерального университета
Тел.: 8-962-455-44-29
E-mail: leyla-kappusheva@mail.ru

© Каппушева Л.М., 2019.

Жизнь и творчество М.М. Рощина (1933 – 2010) выпадает на один из самых сложных и противоречивых периодов нашей истории, охватывающий годы Великой Отечественной войны, советскую послевоенную эпоху и первые постсоветские десятилетия. Мало кто из великих его современников, включая знаменитых шестидесятников, доживает до начала 2000-х, а тем более предпринимает попытку дать объективную оценку произошедшей смене жизненного уклада. Во многом именно этим и определяется уникальность художественного наследия М.М. Рощина, которое по праву можно считать энциклопедией Новейшего времени. Однако главной составляющей творческого метода художника всё же является имманентное переживание пресловутой советской идеи и всего трагизма существования в порождённой ею модели мира «нормального» человека.

Актуальность исследования заключается в необходимости осмысления основных закономерностей внутреннего разрушения идеологического канона в пьесах одного из самых сложных и вместе с тем не оппозиционных власти драматургов второй половины XX в. Именно М.М. Рощину в полной мере удаётся путём внешнего соблюдения требований навязываемого дискурса осуществить его безапелляционную нейтрализацию в воссоздаваемой художественной реальности, фактически превратив главный идеал эпохи в простую условность своего времени. Все герои драматурга независимо от отведённого им пространства, будь то обычная совет-

ская квартира («Старый новый год», «Валентин и Валентина») или американский ресторан («Галоши счастья»), являются носителями свободного духа, которым, по сути, и определяются их напряжённые поиски своей подлинной сущности. Подобное высвобождение художественного сознания из-под давления господствующей идеологии во многом и достигается посредством её верификации, на языковом уровне производимой с помощью повторного означивания базовой онтологической оппозиции «истина/ложь», которая, по меткому утверждению Ю.И. Левина, в советской ритуализованной речи совершенно не случайно «замещается оппозицией «правильно/неправильно»» [Левин, 1998, с. 662].

Цель данного исследования – выявление основных особенностей вербализации антиномии «истина/ложь» в драматургическом тексте М.М. Рощина, по сути и выступающей одним из важнейших механизмов осуществляемой автором деидеологизации языка. Для достижения этой цели были поставлены и решены следующие задачи:

- установление специфики языковой организации драматических произведений художника;
- полная реконструкция процедуры вторичного семиозиса ключевых слов, служащего главным инструментом блокирования официальной стратегии языкового поведения;
- целостный лингвистический анализ окказионального значения языковых единиц «истина», «ложь», дающего ключ к подлинному осмыслению выстраиваемого автором когнитивно-ментального пространства.

Проведённое исследование показало, что базовым принципом языковой организации драматургического текста М.М. Рощина является голографический, согласно которому «любая малая часть голограммы содержит информацию обо всем объекте-оригинале и, следовательно, может восстановить ее» [Прибрам, 1975, с. 81]. Это обнаруживается прежде всего в том, что рассматриваемое как единое целое всё драматическое наследие автора представляет собой живой мультимодальный гипертекст, т.е. «динамическую (самоорганизующуюся) функциональную систему, которая в процессах познания и коммуникации служит внутренним контекстом, позволяющим находить опоры для разделяемого с другими людьми знания на уровне достаточного семиозиса» [Залевская, 2014, с. 141]. Его важнейшие когнитивно-лингвистические параметры (нелинейность построения и задействованность различных модулей восприятия) приводят к актуализации в нём отношений совершенно иного типа, делающих возможным запуск качественно новой стратегии прочтения. Иными словами, осуществлённая здесь замена системных связей на ассоциативные способствует тому, что читатель/зритель отсылается уже не к корпусу речевых практик власти, а к амбивалентному языковому сознанию «нормального» советского человека, который «хотя и участвует в формировании и воспроизводстве официального идеологического дискурса – но делает это в основном на уровне

формы высказываний, одновременно наделяя их новыми, неожиданными смыслами» [Юрчак, 2014, с. 16].

Подобный семиотический сдвиг становится возможным лишь благодаря голографической природе семантики ключевых слов, обусловленной значительной информационной избыточностью их плана содержания. Это обеспечивается множеством контекстов употребления одних и тех же языковых единиц, в каждом из которых скрывается отдельная пропозиция, всегда готовая к самостоятельному и полноценному развёртыванию, часто неожиданно осуществляемому в каком-либо фрагменте: «Тезей. *Ложь принимает образ Истины... Да, вот в чем правда...*» (Роцин, 2007, т. 1, с. 471; далее в примерах указаны только том и страницы); Полурлов. *Да нет, Гоша, все правильно! Но что бы пораньше начать, а? А мы – то жениться, то дети, то квартиру надо, а наука, а истина?*» (т. 2, с. 487); «Валя. *Пока вас обманывали, все было хорошо, ложь вас устраивала, а от правды вам страшно!*» (т. 1, с. 427).

В результате возникают своего рода ссылки, переход по которым открывает целый конгломерат новых смысловых оттенков, значительно отличающихся от релевантных узусальных истолкований. Если бы не дань требованиям избранного автором рода литературы, наиболее адекватным способом развёртывания его художественного сознания, несомненно, стал бы язык разметки html, позволяющий в полной мере отразить всю огромную сеть значимых связей вербального и невербального знания, актуализируемых им в своих произведениях.

В связи с вышеизложенным исследование языка пьес М.М. Роцина видится нам возможным только в контексте такой формирующейся на глазах отрасли лингвистики, как семантическая голография, у истоков которой стоят В.Л. Эпштейн, А.А. Залевская, С.В. Пискунова, В.М. Швецова и др. И хотя в их работах была блестяще вскрыта сущность голографического моделирования как «процесса, осуществляемого в результате порождения и восприятия потенциала языковых единиц в сознании участников общения через систему знаков» [Швецова, 2015, с. 17], а также описана сама типология функционирующих в нём структурных элементов, успешно апробированная на материале творчества современных писателей, универсальной стратегии анализа так и не появилось. Опираясь на данные, полученные в ходе проведённого исследования, мы предлагаем считать ею метод семантической дифракции, суть которого определяется следующими положениями.

Во-первых, план содержания нелинейно организованного текста состоит из взаимно пересекающихся и послойно накладываемых друг на друга голограмм, которые различаются по целому ряду критериев:

– по степени семантической продуктивности их целесообразно разделить на экстенсионные (основанные на простом расширении значения ядерной единицы), инновационные (в ходе текстовой реализации получившие совершенно новое истолкование), оппозиционные (дошедшие в своём развитии до актуализации значения, совершенно противо-

положного первичному) и смешанные (сочетающие в себе одновременно несколько типов описанных истолкований);

– по структуре отчётливо разграничиваются простые и сложные голографические модели, что осуществляется относительно количества выявляемых в них семантических слоёв. Иначе говоря, простыми называются голограммы, чья семантика возникает на основе взаимодействия базового словарного истолкования как ядерного компонента, так и самих стимуляторов, характеризуясь таким образом одноплановостью. Сложными же являются голограммы, своеобразие которых определяется многомерностью. Это становится возможным благодаря тому, что некоторые из их стимуляторов образуют самостоятельные голограммы, особым взаимодействием которых и задаётся текстовая реализация ядра;

– по выполняемой в тексте функции все встречающиеся в нём голографические модели подразделяются на символические, предназначенные для вербализации простого одномерного образа, идеационные (от слова «идеация»), возникающие вокруг сложных, концептуально значимых для всего речетворческого произведения явлений. Если ядром первых могут быть совершенно любые по своим лексико-семантическим параметрам языковые единицы, то центром вторых, как правило, являются так называемые ключевые слова, которые выступают наиболее важными и показательными для отдельно взятой культуры» [Вежбицкая, 2001, с. 34] или картины мира самого автора.

Во-вторых, процедура реконструкции семантической голограммы имеет свой алгоритм, включающий такие пункты, как определение ядерных и периферийных компонентов выстраиваемой модели, установление её типологической принадлежности, выведение целостного комплекса реализуемых значений на основе сопоставления узуальных и окказиональных истолкований всех структурообразующих элементов.

При этом необходимо учитывать, что в роли ядра в данном случае выступает наиболее семантически значимая, контекстуально обусловленная и концептуально нагруженная языковая единица, а стимуляторами являются находящиеся в положении семантической зависимости компоненты, которые используются для конкретизации определённого оттенка значения.

В-третьих, в основе термина «семантическая дифракция», предлагаемого нами для наименования описываемого метода, лежит метафора, восходящая к физическому явлению «огибания волнами препятствий, встречающихся на их пути, или в более широком смысле – любого отклонения от законов геометрической оптики при распространении волн» [Физика, 2014, с. 138]. По сути именно благодаря дифракционной способности света, под определённым углом направляемого на фотоплёнку, становится возможным получение голографического изображения объекта. Следовательно, если в качестве подобной оптической поверхности рассматривать семантику отдельно взятого текста, роль такого рода дифрагирующих волн и будет выполнять смысл, прямое ус-

мотрение сущности которого, по мнению Г.И. Богина, является «первейшей техникой всякой филологической работы» [Богин, 2001, с. 60].

Поэтому намеченный алгоритм представляется на сегодня наиболее оптимальным способом анализа содержательной стороны текстовых единиц, который и оказывается залогом формирования релевантного понимания всего живого мультимодального гипертекста в целом.

Таким образом, применение данного метода позволило нам выявить все основные особенности вербализации базовой онтологической оппозиции «истина/ложь» в драматургическом тексте М.М. Рощина, что было осуществлено исходя из комплекса следующих контекстов её употребления, наибольшее количество которых зафиксировано в пьесе «Седьмой подвиг Геракла», по свидетельству самого автора, посвящённой осмыслению именно этого аспекта действительности:

«Я придумал вылить все свое тогдашнее мироощущение в новой форме: сочинилась пьеса резкая, смешная, сатирическая – «Седьмой подвиг Геракла» – о том, как Геракл пришел в страну Авгия чистить его конюшни, из-за которых вся страна заросла и провоняла дерьмом лжи» [Рощин, 2007, т. 5, с. 440].

К числу наиболее значимых из них относятся следующие: «А т а . Давно-давно в одной прекрасной стране люди поклонялись Истине. У них не было других богов. И жили они в мире и любви. Так вот, все было прекрасно, пока на эту страну не напали дикие кочевники и не стали грабить и убивать направо и налево. Люди, долго жившие тихо и мирно, разучились владеть оружием и не могли защитить себя. Кроме того, они полагались на Истину, на свою богиню. Богиня молчала. С нею довольно часто это происходит: когда надо кричать, она молчит...» (т. 1, с. 478); «А т а . И вот семеро юношей пошли искать Истину... ведь это не так просто: отыскать правду...» (т. 1, с. 478); «А т а . Опять я не стану описывать эту прекрасную долину, полную цветов и тишины, и этот дворец, какого еще не видели глаза человека... Юноша, собрав последние силы, вступил в него, в этот дворец. Так вот, все было прекрасно, но пусто. Идет он дальше. Все дальше и дальше, и замечает, что комнаты-то, между прочим, становятся поуже и похуже. Так тоже бывает: чем глубже в правду...» (т. 1, с. 478);

«А т а . Наконец он оказывается в какой-то вонючей каморке, и там еще ход внизу, в подземелье... И вот он спускается туда и видит: во тьме, в зловонии, среди жаб и змей, приковано к стене цепями омерзительное, лохматое, жалкое чудовище... И вот он со слезами спрашивает: “Кто ты?” И эта образина говорит ему: “Я Истина”. Он упал и заплакал. И долго плакал, потому что это действительно была Истина» (т. 1, с. 479); «А т а . И вот юноша спрашивает тогда: “Но как же мне быть, как же мне возвращаться к людям, что я им скажу, как я могу им сказать, какая ты и где ты находишься?”... И вот тогда она сказала. Знаешь, что она ему сказала?. А ты, говорит, солги им» (т. 1, с. 478 – 479).

Как видно, данные контекстуальные употребления анализируемых языковых единиц оказываются связанными между собой по гологра-

фическому принципу, так как в них вербализуется единая сеть взаимно пересекающихся голограмм, актуализирующих целую систему завуалированных, но от этого не менее значимых идейно-смысловых связей. Ядром наиболее прагматически значимой из них является лексема «истина», представленная в Словаре русского языка (МАС) следующей дефиницией: «1. То, что соответствует действительности, действительное положение вещей; правда. || Подлинность, правдивость. || Нравственный идеал, справедливость, добро. 2. Филос. Верное отражение объективной действительности в сознании человека. 3. Положение, утверждение, суждение, установленное наукой, проверенное практикой, опытом» [МАС].

Ключевыми компонентами зафиксированных в нём значений выступают семы «действительное положение вещей», «правда», «нравственный идеал», «верное отражение действительности», «положение, установленное наукой» и др. Они задают базовый спектр допустимых семантических оттенков, обеспечивающих понимание истины как явления, существующего в самой реальности и способного стать достоянием одновременно сознания отдельной личности и знания, разделяемого целым сообществом.

Данное узуальное истолкование в драматургическом тексте М.М. Рощина подвергается значительному преобразованию, осуществляемому с помощью таких основных стимуляторов, как «богиня», «правда», «чудовище», «образина», «солги» и т.д. Главными семантическими компонентами их словарных истолкований являются следующие: 'верховное существо', 'сотворившее мир', 'управляющее им', 'поклонение', 'уважение', 'восхищение', 'соответствовать действительности', 'правдивость', 'справедливость', 'правильность', 'мораль', 'этика', 'фантастическое существо', 'странный уродливый внешний вид', 'человек или животное', 'крайне отрицательный, отталкивающие моральные качества', 'безобразное лицо', 'ложь' и т.д. На основании их взаимодействия и возникает новая, полисемичная по своей сущности, контекстуально обусловленная дефиниция, своеобразии которой определяется уникальностью и динамизмом. Ядром первого из последовательно образующих её окказиональных значений выступает слово «богиня», чья семантика в свою очередь несколько усложняется посредством таких стимуляторов второго порядка, как «поклонялись», «надо кричать», «молчит», «прекрасная страна», «мир», «любовь», «разучились владеть оружием» и др. Все они используются в своих основных словарных употреблениях, что приводит к реализации такого инновационного по типологической принадлежности истолкования центральной голографической единицы, как *«истина – безмолвное божественное существо женского пола, сотворившее прекрасную страну, в которой люди живут в любви и мире, но оказываются неспособными защитить себя от нападения»*. Второе окказиональное значение формируется вокруг слова «правда», семантика которого также несколько преобразуется с помощью стимуляторов второго порядка: «не так-то просто», «отыскать», «поуже», «похуже»,

«глубже» и т.д. на основании их словарных употреблений реконструируется следующее экстензионное истолкование исследуемой лексемы: *«истина – правда, которую нелегко отыскать и которая имеет неопределённую глубину, иногда скрывающую в себе что-то плохое»*. Его основополагающей особенностью становится метафоризация, проявляющаяся в уподоблении правды своего рода водной стихии, в недрах которой может таиться всё, что угодно. Ядерными компонентами третьего окказионального истолкования являются слова «чудовище» и «образина», текстовая реализация семантики которых осуществляется посредством стимуляторов: «хуже», «темнее», «вонючая коморка», «омерзительное», «лохматое», «жалкое», «говорит», «сказала» и т.д. Благодаря взаимодействию их основных словарных употреблений возникает следующее инновационное значение идентифицируемой голографической единицы: *«истина – необычайное существо отталкивающего, устрашающего вида, обладающее даром речи и живущее в отвратительной неволе»*. Четвёртое окказиональное истолкование формируется вокруг словоформы «солги», лексикографическое описание которой отсылает носителя языка к семемам таких языковых единиц, как «ложь», «обман» и др.: ключевыми компонентами их значений являются следующие: 'неправда', 'намеренное искажение истины', 'выдумка', 'вымысел', 'неправильное, мнимое представление' и т.д. это приводит к актуализации оппозиционного истолкования центральной голографической единицы: «истина – существо, которое лжёт». Лежащий в его основе оксюморон приводит к вербализации ощущения парадоксальности, наделяемого здесь статусом главного вектора семантизации.

Ключевыми компонентами значения в выведенном таким образом комплексе окказиональных истолкований являются следующие семы: 'божественность', 'одушевлённость', 'женскость', 'способность говорить', 'неожиданность', 'глубина' и т.д. На основании их взаимодействия возникает сложный образ некоего антропоморфного существа с непредсказуемым характером, которое выступает носителем подлинно глубокого знания о действительности. Реконструированная таким образом голографическая модель является смешанной по своей семантической продуктивности, сложной по структуре и идеационной по выполняемой функции, так как посредством взаимодействия всех возможных типов истолкований, в том числе и образующих самостоятельные голограммы, в ней осуществляется вербализация значимой для всего творчества драматурга семантической пропозиции: *«ложь утверждает, что истина лжёт»*. Это приводит к установлению системы легко улавливаемых параллелей между основанным на лжи государственным устройством Элиды и жизненным укладом советского общества, по-видимому, в полной мере релевантной изначальному замыслу автора: «Официальная, бронированная, тотальная ложь, подобно Кощею, сожрала все живое вокруг и свежее и продолжала жрать...» [Роцин, 2007, т. 5, с. 418].

Подводя итоги, отметим, что использование таких средств языкового воплощения базовой онтологической оппозиции «истина/ложь»

в драматургическом тексте М.М. Рощина, как расширение, обновление и антиномизация значения её компонентов, выявленное с помощью метода семантической дифракции, в конце концов приводит к установлению отношений полной эквивалентности между обозначаемыми ими абсолютно противоположными понятиями, что непреодолимо разоблачает весь беспрецедентно-парадоксальный характер сложившейся языковой реальности, зависшей в состоянии семиологической амбивалентности.

Литература

Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес Онлайн, 2001. 758 с.

Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.: Директ-Медиа, 2014. 328 с.

Левин Ю.И. Истина в дискурсе // *Левин Ю.И.* Избр. тр.: поэтика, семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 645 – 676.

Платунов Е.С., Самолётов В.А. [и др.]. Физика: словарь-справочник. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2014. 798 с.

Прибрам К. Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии / пер. с англ. Я.Н. Даниловой и Е.Д. Хомской. М.: Прогресс, 1975. 246 с.

Рощин М.М. Очерки, статьи // Полн. собр. соч.: в 5 т. Т. 5. М.: ООО «Издательская группа “Жизнь”», 2007. С. 411 – 451.

Рощин М.М. Седьмой подвиг Геракла // Полн. собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: ООО Издательская группа “Жизнь”», 2007. С. 439-497.

Рощин М.М. Старый новый год // Полн. собр. соч.: в 5 т. Т. 2. М.: ООО Издательская группа “Жизнь”», 2007. С. 433 – 511.

Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 4 т. М.: Русский язык, 1999.

Швецова В.М. Голографические модели семантики слова в художественном тексте. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. ун-та, 2015. 497 с.

Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛЮ, 2014. 624 с.

References

Bogin G.I. *Obretneniye sposobnosti ponimat`*: *Vvedeniye v filologicheskuyu germenevtiku*, M.: Psikhologiya i Biznes Onlayn, 2001. 758 p. (In Russian).

Zalevskaya A.A. *Chto tam – za slovom? Voprosy` interfeysnoy teorii znacheniya slova*, M.: Direkt-Media, 2014. 328 p. (In Russian).

Levin Yu.I. Istina v diskurse, *Levin Yu.I., Izbrannyye trudy: poehtika, semiotika*, M.: Yazyki russkoy kul`tury`, 1998. Pp. 645-676. (In Russian).

Platunov E.S., Samolyotov V.A. i dr. *Fizika. Slovar`-spravochnik. SPb: Izd-vo Politekhnicheskogo un-ta*, 2014. 798 p. (In Russian).

Pribram K. *Yazyki mozga. Ekhksperimental`nyye paradoksy` i printsipy` neyropsikhologii*. Per. s angl. Ya.N. Danilovoy i E.D. Khomskoy. M.: Progress, 1975. 246 p. (In Russian).

Roshchin M.M. Ocherki, stat`i, *Roshchin M.M. Poln. sobr. soch. v 5 t. T. 5.* M.: ООО «Izdatel`skaya gruppa “Zhizn`”», 2007. Pp. 411-451. (In Russian).

Roshchin M.M. Sed` moy podvig Gerakla, *Roshchin M.M. Poln. sobr. soch. v 5 t. T. 1.* M.: ООО Izdatel`skaya gruppa “Zhizn`”», 2007. Pp. 439-497. (In Russian).

Roshchin M.M. Staryy novyy god, *Roshchin M.M. Poln. sobr. soch. V 5 t. T. 2.* M.: OOO Izdatel'skaya gruppya "Zhizn'"», 2007. Pp. 433-511. (In Russian).

Slovar` russkogo yazyka, pod red. A.P. Evgen`evoy: v 4 t. M.: Russkiy yazyk, 1999. (In Russian).

Shvetsova V.M. *Golograficheskiye modeli semantiki slova v khudozhestvennom tekste.* Tambov: Izd-vo Tambovskogo gos. un-ta, 2015. 497 p. (In Russian).

Yurchak A. *Ehto bylo navsegda, poka ne konchilos`.* *Posledneye sovetskoye pokoleniye.* M.: NLO, 2014. 624 p. (In Russian).

Leyla M. Kappusheva (Stavropol, Russian Federation)

Language Embodiment of Ontological Opposition "Truth/Lie" in Dramatic Text by M.M. Roschin in the Context of Holographic Modeling

The article is devoted to understanding the main features of the verbalization of the basic ontological opposition "truth/false" in the dramatic text by M.M. Roschin. It reveals the holographic nature of the language organization of his works, which predetermines the need to find a new research strategy. As a similar algorithm, a method of semantic diffraction is proposed, the main provisions of which are formulated and tested on the existing language material.

The study is addressed to linguists dealing with the study of the language of the Soviet drama of the post-war era, as well as the semantics of the artistic text of late classical rationality.

Key words: *ontological opposition "truth / false", holographic modeling, semantic diffraction method.*

Leyla M. Kappusheva – post-graduate student. Department of the Russian Language. North Caucasus Federal University. Phone: 8-962-455-44-29, e-mail: leyla-kappusheva@mail.ru

УДК 81'1
ББК 81.02

К.С. Неустроев

**ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ
МОДИФИКАТОРЫ
В НАУЧНО-
ЮРИДИЧЕСКОМ
ТЕКСТЕ: СМЫСЛЫ,
МОТИВАЦИЯ
УПОТРЕБЛЕНИЯ,
ПРАГМАТИЧЕСКАЯ
НАГРУЗКА**

Уточняется лингвистический аспект конструктивной роли модальности в процессе конструирования факта в рамках суждения автора научно-юридического текста. Основное внимание уделено анализу проблемы авторского порождения лингвистически мотивированного смыслового содержания суждения, из которого адресат извлекает новые знания, предопределяющие актуальность текста и дополняющие концептуальную модель представлений о научно-юридической картине мира, сложившейся к настоящему времени в соответствующем профессиональном сообществе.

Ключевые слова: *научно-юридический текст, суждение, пропозициональное содержание, эпистемические модификаторы, источник информации.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-84-88

Неустроев Кирилл Сергеевич – канд. филол. наук, доцент частного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Учебно-методический центр “Темпус”»
Тел.: + 7-919-894-92-80
E-mail: lingvotutor@gmail.com

© Неустроев К.С., 2019.

Наблюдения и умозаключения, выдвинутые автором в научно-юридическом тексте, могут подтверждать концепции, высказанные иными исследователями, или вступать в противоречие с ними. В связи с этим автор выражает согласие с теоретическими позициями иных исследователей или оспаривает их [Агапова, 2013, с. 178; Гаврилова, 2015, с. 102]. Другими словами, создавая научно-юридический текст, автор выражает эпистемическую оценку как своих суждений, так и идей, выдвинутых иными представителями профессионального сообщества, к которому данный автор принадлежит, явно / неявно обнаруживает источник информации, используемый при выражении умозаключений. Следовательно, для осознания того, как формулируется научно-юридическое знание, мы призваны проанализировать как языковые механизмы конструирования модального плана высказывания, так и способы отражения источников актуальной информации в соответствующем тексте.

Любая пропозиция научно-юридического текста или отдельный ее сегмент содержит неявную эпистемическую оценку автора. Если авторское утверждение не сопровождается какими-либо комментариями относительно его истинности, адресат текста исходно признает, что сам автор считает это утверждение соответствующим действительному положению дел. Ср.: (1) «*Judges operate in a legal, political, social, and historical context*» [Edlin, 2010, p. 13]; «*Судьи действуют в правовом, политическом, социальном и историческом*

контексте» (здесь и далее перевод наш. – К.Н.). Данное утверждение не содержит показателей эпистемической модальности, а поэтому трактуется читателем, по мнению автора текста, как истинное. В других случаях автор научно-юридического текста вводит в синтаксическую структуру утверждений соответствующие модальные модификаторы. Например: (2) «*In considering different interpretations of the judicial function and the effect of these different interpretations on judicial reasoning and decision making, there are four basic categories into which interpretations of the judicial function fit*» [Edlin, 2010, p. 127]; «**При рассмотрении различных толкований судебной функции и следствий этих толкований для судебной аргументации и вынесения решений, выявляются четыре основные категории, которым соответствуют толкования судебной функции**»; (3) «*As Cardozo had before him, Brennan rejected the idea that the judicial role requires a judge to disengage his moral values when adjudicating legal disputes*» [Ibid., p. 125]; «**Как предварительно и Кардозо, Бреннан отверг идею о том, что судебная роль требует, чтобы судья не принимал во внимание свои моральные ценности при рассмотрении юридических споров**». Для той цели, которую мы поставили перед собой, приступая к нашему исследованию, в вышеприведенных суждениях для нас представляют особый интерес те модификаторы пропозиционального содержания, которые фиксируют:

- обоснованность истинности авторского утверждения (фрагмент (2));
- указание на источник информации, которая обнаружится в утверждении (фрагмент (3)).

В связи с этим, анализируя авторские суждения в научно-юридическом тексте, мы разграничиваем следующие три типа пропозиций этих суждений:

- 1) общие утверждения, общепризнанные в научно-юридическом сообществе (суждение (1));
- 2) умозаключения, выдвинутые в результате собственных наблюдений юриста-исследователя (суждение (2));
- 3) умозаключения, выдвинутые автором с опорой на мнение иных юристов-исследователей (суждение (3)).

Указанные типы пропозиций, в свою очередь, формируют устойчивую таксономию эпистемических модальных модификаторов, используемых автором научно-юридического текста.

1. Оценка, отражающая степень уверенности автора в том, что иницированное им суждение предстает истинным, а именно:

1.1. Высокая степень (автор всецело уверен, что его суждение соответствует действительности): (4) «*The paramount importance that this method gives to judicial opinions – as records of judicial reasoning and justifications for judicial rulings – can hardly be overstated*» [Edlin, 2010, p. 115]; «**Первостепенное значение, которое приобретает этот метод для судебных заключений – как записей судебного обоснования, так и канонов правосудия для судебных решений – трудно переоценить**»;

1.2. Средняя степень (автор выражает некоторое сомнение в том, что в свете обсуждаемой проблематики его суждение соответствует действительному положению дел): (5) «*Once the full extent of a judge's legal authority is considered, the dilemma's formulation can be corrected, and the problem can be reconsidered*» [Edlin, 2010, p. 5]; «После рассмотрения всего объема юридических полномочий судьи формулировка дилеммы **может быть исправлена** и проблема **может быть пересмотрена**»;

1.3. Низкая степень (автор лишь гипотетически предполагает, что его суждение является истинным): (6) «... *one might assume that most hostility is directed at instances of judicial "activism," in which the courts strike down legislation...*» [Edlin, 2010, p. 131]; «... **можно предположить**, что большая часть враждебности направлена на случаи судебного "активизма", при котором суды отменяют законодательство...».

2. Оценка, фиксирующая различные типы обоснования научно-юридического суждения:

2.1. Обоснование суждения репрезентируется исключительно на авторской аргументации и не вытекает непосредственно из собранного фактического материала: (7) «*To broaden current understandings of judicial review so that they accurately reject the historical development of the doctrine, I must distinguish the current conception of judicial review from the alternative version that coexisted with it in eighteenth and nineteenth century America*» [Edlin, 2010, p. 79]; «**Чтобы расширить современные представления о пересмотре судебных решений**, для того чтобы они точно отражали историческое развитие доктрины, я должен **ограничить** нынешнюю концепцию судебной экспертизы от альтернативной версии, которая сосуществовала с ней в Америке восемнадцатого и девятнадцатого веков»;

2.2. Обоснование суждения основывается исключительно на собранных фактических данных: (8) «*As a result of Brown, racial segregation in the sphere of public education is prohibited ... in the United States*» [Edlin, 2010, 116]; «**В результате** судебного разбирательства Брауна в сфере образования США была запрещена расовая сегрегация в сфере образования»;

2.3. Неявно выражаемая оценка или оценка полностью отсутствует: адресату не ясно, с учетом каких обоснований выдвигается суждение: (9) «... *I have tried to show that judges may refuse to enforce unjust laws. But the judicial obligation in these cases is stronger*» [Edlin, 2010, 110]; «... я попытался показать, что судьи могут отказаться исполнять несправедливые законы. **Но судебная обязанность в этих случаях сильнее**».

3. Уточнение источника актуальной информации, который лежит в основе выдвижения научно-юридического суждения:

3.1. Явный источник информации: оценка новых знаний репрезентируется эксплицитным образом (источник – сам автор или иной исследователь): (10) «*It is fair and accurate to say, as Reid and McDonald do, that natural law was disfavored by some lawyers and politicians ... because it was taken to be too amorphous and evanescent a foundation...*» [Edlin, 2010,

103]; «Будет справедливым и уместным сказать, **как уже сказали Рид и Макдональд**, что естественный закон был отвергнут некоторыми юристами и политиками ... поскольку он был принят в слишком аморфной форме и с зыблемыми основаниями...»;

3.2. Неявный источник информации: оценка новых знаний не выявляет эксплицитного источника, а апеллирует к какому-то суммарному (неопределенному) субъекту: (11) «**Some suggest that this process of reconceptualization has already begun. According to these writers, the English constitutional paradigm of absolute parliamentary sovereignty is shifting to “a bi-polar sovereignty of the Crown in Parliament and the Crown in the courts»** [Edlin, 2010, 177]; «**Некоторые исследователи полагают, что этот процесс переосмысления уже начался. По мнению этих авторов, английская конституционная парадигма абсолютного парламентского суверенитета смещается в сторону “биполярного суверенитета»** Королевской власти в парламенте и в судах»;

3.3. Источник информации не обнаружится в научно-юридическом суждении: автор, выдвигая умозаключение, не указывает на то, откуда получена необходимая информация, а поэтому эта информация может быть потенциально приписана самому юристу-исследователю: (12) «... *this common law principle operates at the constitutional level, organizing and balancing the relationships and responsibilities of the organs of government»* [Edlin, 2010, 183]; «... *этот принцип общего права действует на конституционном уровне, организуя и уравнивая взаимоотношения и обязанности государственных органов».*

В рамках данного исследования мы представили таксономию эпистемической оценки новых знаний и источника информации в научно-юридическом тексте. Данные параметры авторских суждений реализуются с опорой на определенные языковые средства, которые трактуются нами как модальные модификаторы. Эти модификаторы, системно выявляемые в пропозициональной структуре научно-юридических суждений, обладают в тексте следующей прагматической нагрузкой:

1) конструируют утвердительные или отрицательные утверждения, в которых излагается новое видение обсуждаемой проблематики, репрезентируется авторская смысловая позиция с опорой на принцип преемственности теоретическим концепциям, предварительно выдвинутым иными представителями профессионального сообщества;

2) воспроизводится диалогическая направленность авторского суждения, поскольку аргументы, приводимые юристом-исследователем, нацелены на обратную реакцию адресата текста; новое знание предстает источником особой критики со стороны представителей профессионального сообщества, а поэтому эпистемические модификаторы в той или иной степени выступают модальным средством обоснования выдвигаемых суждений;

3) фиксируется высокая, средняя или низкая степень соответствия новых знаний реальной действительности, что является жестким или манипулятивным аргументом в поддержку выдвигаемых суждений.

Литература

Агапова С. Г. Герменевтическое знание в описании коммуникативных процессов // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5. С. 175–185.

Гаврилова Г. Ф. Предложение и текст: системность и функциональность. Ростов н/Д.: АкадемЛит, 2015. 412 с.

Edlin D.E. Judges and unjust laws. common law constitutionalism and the foundations of judicial review. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2010. 334 p.

References

Agapova S.G. Germenevticheskoye znaniye v opisaniy kommunikativnykh protsessov. *Gumanitarnyye i social'nyye nauki*, 2013, no. 5, pp. 175-185. (In Russian).

Gavrilova G.F. *Predlozheniye i tekst: sistemnost' i funktsional'nost'*. Rostov n/D.: AkademLit, 2015. 412 p. (In Russian).

Edlin D.E. Judges and unjust laws. common law constitutionalism and the foundations of judicial review. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2010. 334 p.

Kirill S. Neustroev (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Epistemic Modifiers in Scientific Legal Text: Meaning, Motivation, Pragmatic Load

The goal of our research is to clarify from the linguistic point of view the constructive role that modality plays in the process of constructing a fact within the framework of the judgment of the author of a scientific legal text. In particular, the scope of our research attention is the problem of the author's generation of a linguistically motivated judgment semantic content, from which the addressee extracts new knowledge that predetermines the relevance of the text. This knowledge, in turn, complements the conceptual model of ideas about a particular aspect of the scientific and legal picture of the world that have developed so far in the relevant professional community. In the course of the publication of new knowledge, the research lawyer is called upon to substantiate his judgments, focusing the addressee's attention on the effectiveness of the results achieved and the truth of the conclusions made. The reasoning of the judgments is also based on the author's intention to argue that the research he conducted organically fits into the model of fundamental knowledge that is found in the scientific and legal community at the present time.

Key words: *scientific and legal text, judgment, propositional content, epistemic modifiers, source of information.*

Kirill S. Neustroev – candidate of philology, associate professor of Educational Methodical Center “Tempus”. Phone: +7-928-153-29-89, e-mail: lingvotutor@gmail.com

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821
ББК 83.3(4Рос.)

Д.А. Бестолков

**КАТЕГОРИЯ
«ТВОРЧЕСТВО»
В ПУБЛИЦИСТИКЕ
Ю.В. БОНДАРЕВА:
ИНТЕПРЕТАЦИЯ
И ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО
АНАЛИЗА**

Предпринята попытка изучения представленного в публицистике Ю.В. Бондарева подхода к интерпретации категории «творчество». Через анализ философских суждений и эстетических оценок писателя (в отношении произведений классиков русской литературы и современников) актуализирована связь бондаревского наследия с современным философским знанием, сформулированы тезисы, объясняющие концептуальный характер осмысления художником вышеуказанной категории.

Ключевые слова: *творчество, художественный мир, стиль, писатель.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-90-97

Бестолков Дмитрий Александрович – канд. филол. наук, преподаватель истории Промышленно-технологического колледжа (г. Мичуринск, Тамбовская область).
Тел.: +7(47545)9-27-67
E-mail: dima7intellact@mail.ru

© Бестолков Д.А., 2019.

Философский путь познания и осмысления действительности в творчестве был и остаётся близок многим русским писателям¹. В одном ряду с Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским, А.П. Чеховым занимает своё место и Ю.В. Бондарев. «Без художественной памяти и философии ушедших веков, – писал он, – всё оголилось, всё исчезло бы – и прошлое человечества, вся история его предстали бы однообразной пустыней <...> Литература – это опыт людей, который они через слово передают друг другу... Утратив слово, то есть связь эпох, обществ, люди перестали бы познавать самих себя <...> Художник и слово – неразлучные союзники и скитальцы по земле, они вместе хотят найти, познать и полюбить истину и вместе прийти к правде»² («Слово о слове», 1978 с. 229, 231). Что же собой представляет творчество? Какие особенности характеризуют художественный мир³ писателя? Пытаясь дать ответы на эти вопросы, Ю.В. Бондарев изучал, осмысливал, сравнивал произведения самых разных художников. «В некотором роде я тоже отношу себя к критикам, – признавался Ю.В. Бондарев, – и если бы занимался теорией, то с удовольствием написал бы книгу или, как говорят, исследование, обратившись к средствам выражения Льва Толстого, Достоевского и Чехова – к этим писателям я не отношусь спокойно» («Время – жизнь – писатель», 1972, с. 97). Рассмотрим подробнее суждения автора статьи в заявленном ракурсе.

Осмысливая русскую классическую литературу, Юрий Бондарев внимательно изучал образные

системы произведений, ориентировался на явленные авторами художественные темпераменты героев, которые открывали ему не только эстетическую и нравственную позицию их создателей, но и обнажали разнообразие стилей⁴ творческого мышления авторов. «Как известно, – писал Ю.В. Бондарев, – почти все герои Толстого и Достоевского постоянно находились в состоянии обостренного конфликта с окружающим миром, они пытались познать себя и в страданиях и в любви найти справедливость и добро для всех людей. И каковы бы ни были их поступки, как бы порой они ни были аномальны, как бы порой сама любовь ни приносила боль не меньшую, чем душевная рана, герои эти заставляют нас сочувствовать им, страдать вместе с ними. Я не рискую одной формулой определить главное в Толстом и Достоевском. Но какова бы эта формула ни была, главное – это правда постижения души человека, проблем, которые ставит перед человеком его время» («Исследование жизни», 1970, с. 66). Художественные миры Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского характеризует социально-психологическая достоверность, конкретика в эстетических оценках, но главное, что их объединяет, – это нравственная позиция авторов – «страстное беспокойство за судьбу человека, стиснутого тисками общественной несправедливости» («Обнаженная огромность страстей», 1971, с. 74).

Обращаясь к наследию А.П. Чехова, Ю.В. Бондарев подчеркнул: «Чехов не обладает качествами ни апостола, ни пророка, в его прозе нет даже тени публицистичности, нет той энергичности действия, которая присуща героям Толстого. Чехов сдержан, мягок, скромен, подчас вроде бы стеснителен, души его героев предельно не обнажены (что-то не договорено, не раскрыто), однако постепенно он окутывает вас настроением, затем своим неборимым чувством, и, подобно утренней заре, начинает медленно, но все сильнее и сильнее разгораться мысль его, покоряющая ваше сознание» («Титаны», 1980, с. 290 – 291). Произведения А.П. Чехова, по признанию Ю.В. Бондарева, оказали на него огромное творческое влияние, тем не менее, он не считал себя учеником Чехова и указывал на «точки соприкосновения» своей прозы «с традицией Толстого и Достоевского – по обостренности и обнаженности жизненных ситуаций, по некоему ощущению вечной проблемы выбора» («Четыре письма», 1974, с. 139). Среди современников учителем для Ю.В. Бондарева стал К.Г. Паустовский. Студентом Литературного института Юрий Бондарев в 1947 г. попал в семинар Константина Паустовского и уже в ту пору увидел «в нём счастливый облик писателя и человека» («Моим читателям», 1959 – 1969, с. 8). «Сила таланта Паустовского, – писал Ю.В. Бондарев, – в неизменном ощущении молодой открытости и чистоты его героев... для него критерий морали – красота мира и красота духовная. Нет сомнения, что в этом неотразимость прозы Паустовского и этим объясняется его неугасающая популярность» («Мастер», 1967, с. 46). «Эмоциональное воздействие» прозы К.Г. Паустовского Ю.В. Бондарев объяснял способностью писателя создавать такую структуру художественного мира, в которой каждая деталь, общая атмосфера и настроен-

ние всего действия соответствуют друг другу и эстетически, и тематически, и сюжетно.

Задумываясь над своеобразием творческого мышления М.А. Шолохова, Ю.В. Бондарев заметил, что «в его книгах разлито опаляющее ощущение смертельной схватки – столкновения страстей, разных эпох, любви и ненависти» (с. 252). Если «молодые герои Толстого, познавая смысл жизни, приходили к идее евангелического опрощения и самоусовершенствования, если герои Достоевского в раскаянии обращались к богу в себе и вне себя, то персонажи Шолохова были волею новой эпохи проведены через непримиримую классовую борьбу, поставленные на грань: быть или не быть!» («Художник, обогащающий мир», 1959 – 1979, с. 249).

Оригинальность художественного мира Михаила Шолохова Юрий Бондарев объяснил соединением «исторической истины с писательской индивидуальностью» (с. 249 – 250). Именно этот баланс, по убеждению писателя, давал шолоховскому читателю ощущение естественности изображенных событий и пережитых героями эмоций. Другой, не менее важной, особенностью М. Шолохова как художника Ю. Бондарев считал способность его произведений буквально «врезаться» в память читателя. Эстетическое воздействие шолоховских текстов таково, что «они не забываются в какой бы обстановке ты ни находился, о чем бы ты ни думал, как бы тяжело или легко тебе ни было» (с. 252). «Искусство Шолохова, – признавал Юрий Бондарев, – зачаровывающее колдовство... В современной советской литературе [сказано в 1980 г. – Д.Б.] можно было бы назвать еще Леонида Максимовича Леонова, обладающего настоящим даром колдовства. Эти художники явили нам русского человека и русский характер наиболее полно, емко, глобально...» («Мир Шолохова», с. 288 – 289»). Художественный мир Л.М. Леонова, полагал Ю.В. Бондарев, прочно связан с литературной традицией Ф.М. Достоевского («Высочайшего ранга мастер», 1979, с. 260). «На таких мастерах, как Леонов, – писал Ю. Бондарев, – держится и русская и европейская культура. Это писатель острого ума, широчайшего диапазона и беспощадного, всевидящего глаза. Он сознает не только, что страсти влекут всякого, но и то, что главные неврозы двадцатого века – зависть, самолюбие, обида – порождают новых тихих чудовищ, подобных Грацианскому» (с. 259) – отрицательному персонажу романа «Русский лес».

Отличительной чертой русской литературы, по меткому замечанию Ю.В. Бондарева, всегда была ее высокая нравственность. «Инструмент» искусства (с. 53) нравственность – суть «не усвоенное расписание светлого и тёмного в человеке, а живая совесть каждого, ощущение прекрасного и доброго в реальности и сопротивление тому, что окрашено зловещими тонами равнодушия, холода, жестокости, античеловечности. Я ставлю знак равенства между нравственностью и социальной совестью и хочу сказать, – подчеркнул художник, – что эта категория человеческого духа со всей ненавязчивой силой была проявлена новым созвездием писателей, пришедших в литературу после войны» [Великой Отечественной

1941 – 45 г. – Д.Б.] (с. 123), среди них В. Быков, В. Астафьев, В. Закруткин, В. Богомолов, Е. Носов, сам Ю. Бондарев и другие авторы. «Поколение фронтовиков, – писал Юрий Бондарев, – мы знали, что в несчастьях проявляется и взвешивается духовная ценность народа. Мы не боялись трагедий, мы писали о человеке, очутившемся в самой нечеловечной обстановке» (с. 35 – 36). Так, Василь Быков изображал «своего героя, всегда проверяя, испытывая его нравственную силу, его человеческую значимость в чрезвычайно сложном конфликте, подсказанном предельными ситуациями войны» («Предельные ситуации», 1975, с. 156). «Человека на войне... во всей обнаженной сложности и безмерном мужестве, в страданиях и ясной доброте» показал Виталий Закруткин («Автор “Матери человеческой”», 1978, с. 226 – 227). «Никогда не придерживался равнобедренной морали середины, то есть среднего, спокойного, холодного отношения к реальности и характеру персонажа» Евгений Носов («Евгений Носов», 1980, с. 295). «Что человек не всегда похож на себя... и что никто не приносит человеку столько вреда, как он сам» «хорошо знал» Виктор Астафьев («Глубина и прочность», 1984, с. 372). «Правде о войне» был верен и Владимир Богомолов («Взгляд в биографию», 1965, с. 36 – 38).

Формулируя оценку литературного произведения, Ю. Бондарев порой не соглашался с иными взглядами на обсуждаемый вопрос или текст. Дискуссионный потенциал публицистики Юрия Бондарева характеризует полемика с литературоведами и критиками: Борисом Бяликом о жанре документальной прозы («Рубежи», 1971, с. 80), Львом Анненским о стиле художественного произведения («Нравственность – это социальная совесть писателя», 1974 с. 126 – 127), Полем Валери о природе художественного творчества («Человек несет в себе мир», 1977, с. 192).

Возвращаясь к обозначенному в начале статьи вопросу о том, что представляет собой творчество в понимании Ю.В. Бондарева, обратимся к новейшим подходам в интерпретации упомянутой категории. Это даст возможность идентифицировать системность оценок писателя и сформулировать тезисы, объясняющие концептуальный принцип осмысления им указанной категории.

Широкое обсуждение категория «творчество» получила в диссертациях последних лет⁵. Резюмируя изыскания исследователей, укажем на черты, характеризующие творчество как вид деятельности, как социальное явление, как средство актуализации потенциала личности:

1. Как вид деятельности творчество представляет собой «преобразование различных аспектов сущего» [Батеженко, 2011, с. 9] либо «логическую последовательность преобразований действительности», «ведущую к появлению эстетических фактов» [Крижевский, 2012, с. 3 – 4].

2. Как социальное явление творчество характеризует то обстоятельство, что способность к нему «формируется в диалектике индивида и социальной общности» [Данчай-оол, 2017, с. 3].

3. Выступая как средство актуализации потенциала личности, «творчество становится той смыслообразующей базой, на фундаменте которой выстраивается вся жизненная стратегия личности» [Гагарина, 2008, с. 3].

Учитывая вышесказанное, стоит заметить, что в научных работах «исследование творчества осуществляется с позиции “внешнего наблюдателя”, для которого созидательный процесс всегда делается зримым лишь со стороны своих готовых результатов. Сама же “черновая” работа творческой мысли... осуществляется в поле человеческой субъективности, оказывается при таком подходе принципиально сокрытой». Поэтому «задача исследования по проблеме творчества собственно и заключается в том, чтобы снять “табу” с рационального осмысления творческого созидания и найти адекватный способ размышления о сокрытых “механизмах” зарождения нового» [Вяткина, 2011, с. 5 – 6]. Этим «адекватным способом» для Ю.В. Бондарева стала публицистика. Подход к осмыслению заявленного вопроса через жанры статьи, выступления, беседы, интервью и т.п. позволил Юрию Бондареву осуществить собственную концептуальную интерпретацию категории «творчество» в её разных аспектах.

Тезисы, объясняющие концептуальный характер осмысления художником категории «творчество»:

1. *Размышляя о творческой работе Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, М.А. Шолохова, В.В. Быкова, В.П. Астафьева и др., Ю.В. Бондарев пришел к мысли о том, что творчество как вид деятельности характеризуют:*

- *эстетическая направленность (т.е. «приближение к красоте и сложности мира» (с. 49));*
- *структурная уникальность (исключающая «подобострастное копирование признанных образцов» (с. 208));*
- *традиционность (так как «творчество, есть движение, которое имеет начало, точку отсчета, а эта точка отсчета таланта – вся культура нации, вся мировая культура, история» (с. 208)).*

2. *Описывая творчество как социальное явление, Ю.В. Бондарев указал на память о войне как на основу «диалектики индивида и социальной общности», т.е. как на метод социальной консолидации граждан одного государства. «Почему мы снова пишем о Второй мировой войне? Не потому, наверное, что слабость рода людского – боязнь смерти, и не потому, что инстинкт самосохранения господствует над разумом. Нет, мы помним о войне, – подчеркивал Юрий Бондарев, – потому, что человек – величайшая ценность данного мира, а его мужество и свобода его – это освобождение от страха и зла, которые разъединяют людей» (с. 7). Огромную роль в сохранении исторической памяти играет именно искусство (литература, кино, живопись и т.д.), которое визуализирует историческую память не только на уровне образов, но и, главное, на уровне пережитых эмоций. Более того, для участников и свидетелей войны память о ней нередко становилась импульсом к творчеству: «Талант и память неразрывны, как неразрывны причина и следствие. Причина – память, следствие – творчество. Память ищет выхода, и возникает желание писать» (с. 213).*

3. Осмысливая творчество как средство актуализации потенциала личности, Ю.В. Бондарев писал о том, что оно «продлевает человеку жизнь, добавляя к его духовному опыту чужой опыт, другое восприятие жизни, возможно, более углубленное воображением писателя» (с. 128-129). Это для реципиента, т.е. для воспринимающего творчество, а для самого художника: «Литература – это прежде всего попытка организовать стихию мышления и стихию чувств в мире... Шедевр возникает лишь тогда, когда происходит полное слияние слова и самой личности писателя... Творить – значит, выразив себя, создать свойственный единственному и неповторимому «я» живой (а не мёртвый) стиль, способный проявить всю сущность художника» (с. 319).

В заключение отметим следующее: рассмотрев творчество с разных сторон, Ю.В. Бондарев подчеркнул надвременную его значимость как универсального пути художественного познания действительности. Акт созидания художественного мира был осмыслен им как акт творчества. Иными словами, по Ю.В. Бондареву, художественный мир автора благодаря творчеству как виду деятельности получает воплощение, благодаря творчеству как социальному явлению бывает воспринят, благодаря творчеству как средству актуализации потенциала личности оказывает влияние и на реципиента, и на самого художника.

Примечания

¹ Разные стороны этой масштабной темы изучены в работах: Д.С. Лихачева «Очерки по философии художественного творчества» (СПб., 1999), М.А. Лукацкого «Философия культуры Л.Н. Толстого» (Тверь, 1996), Е.Б. Келебай «Философия творчества Иосифа Бродского» (Москва, 2001), Р.С. Спивак «Русская философская лирика, 1910-е годы: И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский» (М., 2005), О.Н. Ординой «Русская религиозная философия XIX века: И. Киреевский, К. Леонтьев, Ф. Достоевский, Л. Толстой» (Киров, 2008), В.А. Песоцкого «Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа» (М., 2009) и др.

² Здесь и далее текст цитируется по изданию: Бондарев Ю.В. Хранитель ценностей. М.: Правда, 1987. 384 с.

³ Под художественным миром писателя вслед за Н.С. Выгон понимаем «высокую степень эстетической завершенности отдельного произведения или творчества писателя в целом, создающую иллюзию реальности и одновременно раскрывающую в единичном и преходящем сущностное и вечное» [Выгон, 1992, с. 1].

⁴ В понимании Ю.В. Бондарева «стиль – это все способы образной системы автора. Это весь комплекс средств для наиболее полного выявления мысли: отражение сущего через страсть художника. Это действительность, преломленная через его сознание» («Стиль и слово», 1970, с. 59).

⁵ Диссертации: М.В. Крижевского «Феномен художественного творчества в научно-теоретической интерпретации Б.М. Энгельгардта» (М., 2012); В.В. Батеженко «Свобода и необходимость как онтологические основания творчества: философско-методологический анализ» (Магнитогорск, 2011); О.С. Гагариной «Творчество как сущностная характеристика личности» (М., 2008); А.А. Данчай-оол «Диалектическая интерпретация феномена творческой личности» (Омск, 2017) и др.

Литература

- Батеженко В.В.* Свобода и необходимость как онтологические основания творчества: философско-методологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2011. 22 с.
- Бондарев Ю.В.* Хранитель ценностей. М.: Правда, 1987. 384 с.
- Вавилова Е.Ю.* Диалектика добра и зла: социально-философский аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2008. 25 с.
- Воронина Е.А.* Мировоззренческое знание в литературно-художественном творчестве: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2008. 23 с.
- Выгон Н.С.* Художественный мир прозы Фазиля Искандера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 17 с.
- Вяткина А.Г.* Воображение как основа творчества: автореф. дис.... канд. филос. наук. Воронеж, 2011. 26 с.
- Гагарина О.С.* Творчество как сущностная характеристика личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. 28 с.
- Данчай-оол А.А.* Диалектическая интерпретация феномена творческой личности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2017. 27 с.
- Долгий А.Г.* Антропологический смысл полемики о природе добра и зла в русской духовно-философской традиции (Л.Н. Толстой, И.А. Ильин, Н.О. Лосский): автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2009. 23 с.
- Келебай Е.Б.* Философия творчества Иосифа Бродского: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2001. 44 с.
- Крижевский М.В.* Феномен художественного творчества в научно-теоретической интерпретации Б.М. Энгельгардта: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2012. 26 с.
- Кузнецова М.А.* Творчество как атрибут человеческого бытия: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2012. 43 с.
- Лихачев Д.С.* Очерки по философии художественного творчества. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. 190 с.
- Лукацкий М.А.* Философия культуры Л.Н. Толстого. Тверь: ТГУ, 1996. 118 с.
- Нестерова О.Ю.* Социально-философские аспекты концептуализации творчества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Кемерово, 2007. 24 с.
- Ордина О.Н.* Русская религиозная философия XIX века: И. Киреевский, К. Леонтьев, Ф. Достоевский, Л. Толстой. Киров: Старая Вятка, 2008. 67 с.
- Песоцкий В.А.* Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2009. 48 с.
- Свинцова С.М.* Произведение как субъектная форма бытия: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Киров, 2006. 19 с.
- Стивак Р.С.* Русская философская лирика, 1910-е годы: И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский. М.: Флинта: Наука, 2005. 407 с.

References

- Batezhenko V.V. *Svoboda i neobkhodimost' kak ontologicheskiye osnovaniya tvorchestva: filosofsko-metodologicheskiiy analiz: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk.* Magnitogorsk, 2011. 22 p. (In Russian).
- Bondar'ev Yu.V. *Khranitel' tsennostey.* M., Pravda, 1987. 384 p. (In Russian).
- Vavilova E.Y. *Dialektika dobra i zla: sotsial'no-filosofskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk.* Ivanovo, 2008. 25 p. (In Russian).
- Voronina E.A. *Mirovozzrencheskoye znaniye v literaturno-khudozhestvennom tvorchestve: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk.* Nizhniy Novgorod, 2008. 23 p. (In Russian).

Vygon N.S. *Khudozhestvennyy mir prozy Fazilya Iskandera: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* M., 1992. 17 p. (In Russian).

Vyatkina A.G. *Voobrazheniye kak osnovaya tvorchestva: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk.* Voronezh, 2011. 26 p. (In Russian).

Gagarina O.S. *Tvorchestvo kak sushchnostnaya kharakteristika lichnosti: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk.* Moscow, 2008. 28 p. (In Russian).

Danchay-ool A.A. *Dialekticheskaya interpretatsiya fenomena tvorcheskoy lichnosti: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk.* Omsk, 2017. 27 p. (In Russian).

Dolgiy A.G. *Antropologicheskiy smysl polemiki o prirode dobra i zla v russkoy dukhovno-filosofskoy traditsii (L.N. Tolstoy, I.A. Il'in, N.O. Losskiy): avtoref. dis. ... kand. filos. nauk.* SPb., 2009. 23 p. (In Russian).

Kelebay E.B. *Filosofiya tvorchestva Iosifa Brodskogo: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk.* M., 2001. 44 p. (In Russian).

Krizhevskiy M.V. *Fenomen khudozhestvennogo tvorchestva v nauchno-teoreticheskoy interpretatsii B.M. Engel'gardta: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya.* M., 2012. 26 p. (In Russian).

Kuznetsova M.A. *Tvorchestvo kak atribut chelovecheskogo bytiya: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk.* Volgograd, 2012. 43 p. (In Russian).

Likhachev D.S. *Ocherki po filosofii khudozhestvennogo tvorchestva.* SPb.: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLITS, 1999. 190 p. (In Russian).

Lukatskiy M.A. *Filosofiya kul'tury L.N. Tolstogo.* Tver': TGU, 1996. 118 p. (In Russian).

Nesterova O.U. *Sotsial'no-filosofskie aspekty kontseptualizatsii tvorchestva: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk.* Kemerovo, 2007. 24 p. (In Russian).

Ordina O.N. *Russkaya religioznaya filosofiya XIX veka: I. Kireyevskiy, K. Leont'yev, F. Dostoyevskiy, L. Tolstoy.* Kirov: Staraya Vyatka, 2008. 67 p. (In Russian).

Pesotskiy V.A. *Khudozhestvennaya literatura kak sotsial'noye yavleniye i predmet filosofskogo analiza: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk.* M., 2009. 48 p. (In Russian).

Svintsova S.M. *Proizvedeniye kak sub'yektnaya forma bytiya: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk.* Kirov, 2006. 19 p. (In Russian).

Spivak R.S. *Russkaya filosofskaya lirika, 1910-ye gody: I. Bunin, A. Blok, V. Mayakovskiy.* M., Flinta: Nauka, 2005. 407 p.

Dmitry A. Bestolkov (Michurinsk, Russian Federation)

Category of “Creativity” in Y.V. Bondarev’s Publicistic Writing: Interpretation and Experience of Philosophical Analysis

The paper is aimed at studying the approach to the interpretation of the category “creativity” presented in Y.V. Bondarev’s publicistic writing. Through the analysis of philosophical perceptions and aesthetic evaluations of the writer (with regard to the works of classic Russian literature and contemporary works) it has been foregrounded the link between Y.V. Bondarev’s heritage and modern philosophical knowledge, formulated the theses, explaining the conceptual character of the understanding of the artist “creativity”.

Key words: *creativity, artistic world, style, writer.*

Dmitry A. Bestolkov – Ph.D. of Philology, lecturer of history. Industrial and Technologic College. Michurinsk, Russian Federation. Phone: +7(47545)9-27-67, e-mail: dima7intellact@mail.ru

УДК 808.1; 82.08
ББК Ш5(2Рос=Рус)

М.А. Дударева

**О ФОЛЬКЛОРИЗМЕ
О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА:
ПОСТАНОВКА ВОПРОСА**

Статья посвящена почти не разработанной проблеме в литературоведении – фольклорной традиции в поэтике О.Э. Мандельштама. Ученые обращались к проявлению мифологической традиции в художественном мире поэта, выявляя разные архетипические модели, но почти не уделяли внимание фольклорным элементам. Опыт фольклористического комментария одного позднего стихотворения позволяет иначе понять образную структуру текста и выводит читателя на онтологический уровень содержания.

Ключевые слова: фольклор, литература, Мандельштам, «тот свет», Маяковский, образ рыбы.

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-98-105

Дударева Марианна Андреевна – канд. филол. наук, преподаватель кафедры русского языка № 2 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин Российского университета дружбы народов
Тел.: 8-919-777-21-86
E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

© Дударева М.А., 2019.

Вопрос о фольклорном начале в творчестве О.Э. Мандельштама основательно не поднимался, хотя его поэзию принято рассматривать в контексте традиций мировой литературы, античного наследия и мифов, преимущественно эсхатологической направленности – последнее наиболее близко к интересующей нас проблеме. О мифологической концепции его творчества писали не мало – она подробно разрабатывалась в исследованиях Л.Г. Кихней [Кихней, 2005], Е.Н. Костериной [Костерина, 2001], а также в диссертации Н.И. Петровой «Культурно-религиозная парадигма в творчестве Осипа Мандельштама», где исследователь упоминает фольклор как важный модус для творческой лаборатории акмеиста [Петрова, 2012]. Собственно этих исследователей и не стоит упрекать, потому что перед ними стояли иные цели и задачи. Только в последнее время стали появляться статьи, где вскользь упоминается о фольклорных элементах в творчестве поэта, и то это связывают, прежде всего, со стилизаторством, открытым типом фольклоризма [Пенкина, 2016; Шиндин, 2018]. Однако интерес к фольклорной составляющей в поэтике Мандельштама возник не столько в работах литературоведов, сколько в разысканиях фольклористов, посвященных, как ни странно на первый взгляд, детскому фольклору, причем детским играм о смерти.

Так, в статье Д.А. Несанелис и В.Э. Шарапова «Тема смерти в детских играх: опыт этносемиотического анализа (по материалам традиционной культуры коми)»

рассматривается сложная семантика детских игр «Кар туй», «Йома туй», основная суть которых состоит в путешествии в *иное царство*, в *преодолении порога* обыденного [Несанелис, Шарапов, 1994]. Кроме того, есть и игры с прямым значением – *игра в мертвяка, в покойника*. Цель этой статьи заключалась не только в описании детских игр, связанных со смертью, но и в размышлениях о лиминальной, т.е. переходной природе ребенка как единицы общества (*лиминальность* – понятие В. Тернера [Тернер, 1983, с. 169]). И проводя литературные параллели, ученые обращаются к Маркесу, Эко, Мандельштаму, цитируя интересующее нас стихотворение [Несанелис, Шарапов, 1994, с. 131]. Скорее всего, это единственный фольклористический комментарий к этому тексту, заслуживающему, безусловно, более пристального внимания.

В первой строфе сразу же проявляется *мортальный подтекст*, но смысл его раскрывается через противопоставление двух социальных категорий – «взрослого», зрелого человека и «ребенка»:

О, как мы любим лицемерить
И забываем без труда
То, что мы в детстве ближе к смерти,
Чем в наши зрелые года. (Мандельштам, с. 319)

Если не обращаться к фольклорной и архетипической составляющей, то возникает закономерный вопрос о *положении* ребенка. Почему «в детстве» ближе к смерти? Ребенок незащищен и подвержен опасности? Но эти ли посредственные вещи волнуют поэта? Видимо, речь идет все-таки не об этом. Исходя из народных представлений о статусе детей и стариков, обнаруживаем их *пограничное* положение между *этим* и *иным миром*. Это отразилось в разных жанрах фольклора и в дожанровых образованиях, обрядовой культуре (в сказках, играх) [Бернштам, 2011, с. 95].

В детстве ближе к смерти – потому что ребенок острее ощущает *онный мир*, даже стремится приподнять завесу, на что указывают описанные выше игры (рис. 1). Человек взрослый перестает верить в *чудо*, утрачивает *сакральное ощущение мира*.

Детский рисунок, изображающий представление ребенка о дороге (кривой, блуждающей) в «страну мертвых». Рисунок взят из упомянутой выше статьи этнографов, которые предложили детям нарисовать линию, дорогу, ведущую к Еме, т.е. в *иное царство*. Дорога извилистая и кривая – это вполне соотносится с «кривыми» невидимыми дорожками к кладбищу, заброшенным местам, топосами *того мира*.

Глагол «лицемерить» с яркой экспрессивной семантикой указывает именно на то, что взрослый человек даже намеренно забывает о существовании тайного мира, о том, что всех ожидает один конец.

Кроме того, эта парадигма «ребенок – взрослый» включена в *онтологический план* поэтики Мандельштама. Исследователи давно отметили, что в позднем творчестве поэта образ ребенка связан с темой Вселенной, философией жизни и смерти: «Образ ребенка в поэзии

Мандельштама устойчиво связан с бесконечностью» [Пороль, 2011, с. 41], а также «в поздних стихотворениях связь младенческого/детского состояния со смертью становится самостоятельным предметом рефлексии лирического героя» [Бурая, 2014, с. 84]. Значит, наша фольклористическая догадка подтверждается – речь идет не о социальном, а о *бытийном* статусе ребенка. Теперь обратимся ко второй строфе.

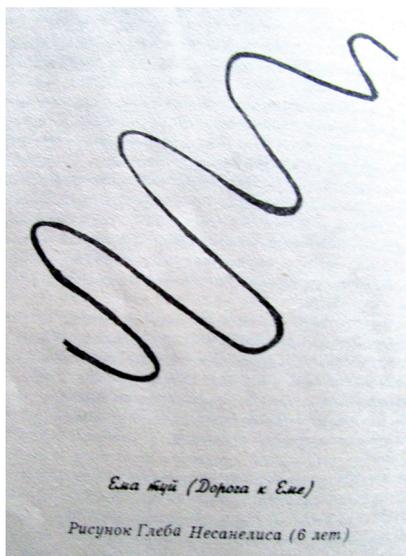

Рис. 1. «Дорога к Еме» – рисунок ребёнка

Во второй строфе также проявляется образ ребенка, но важно то, что на лексическом уровне этот образ включен во фразеологическую единицу: «обиду тянет с блюда невыспавшееся дитя»:

Еще *обиду тянет* с блюда
Невыспавшееся дитя,
А мне уж не на кого дуться
И я один на всех путях. (Мандельштам, с. 319)

О.В. Куманюк, исследующая идиомы в творчестве акмеистов, отмечает: «концепт "Время", объективированный фразеологизмами в поэзии О. Мандельштама, часто соотносим с историческим и культурным контекстом изображаемого:

Возгласы темно-зеленой хвои,
С глубиной колодезной венки
Тянут жизнь и время дорогое,
Опершись на смертные станки –
Обручи краснознаменной хвои,
Азбучные, крупные венки!
(Мандельштам О. «Не мучнистой бабочкою белой...»)
[Куманюк, 2008, с. 12]

В нашем случае фразеологическая единица изменена – «тянет с блюда» невыспавшееся дитя. С одной стороны, это можно понимать как замедление времени, нежелание выйти из состояния «обида», с другой стороны – дитя *невыспавшееся*, находящееся в положении между сном и явью. И снова это указывает на состояние «порога», границы между *тем* и *этим миром*. Однако лирический герой все-таки противопоставляет себя этому «дитя», но также и не отрешается от сакрального мира и не уходит в бытовое, как другие взрослые. На последнее указывает третья строфа.

Но не хочу уснуть, как рыба,
В глубоком обмороке вод,
И дорог мне свободный выбор
Моих страданий и забот. [Мандельштам, с. 319]

Эта часть стихотворения не менее интересная и семантически напряженная. Понятна ответственность за собственный путь: «дорог мне свободный выбор моих страданий и забот». Но почему вдруг в поэтическую ткань встраивается образ рыбы? Здесь вполне возможен и уместен, на наш взгляд, биографический и этнографический комментарий.

В 1930-е гг. поэт пребывает в Армении и не просто живет там с женою, а пропитывается духом Востока, много работает (поэтически). Эта увлеченность Арменией, по наблюдениям исследователей, началась давно, до реальной поездки [Кубатьян, 2012]. Она была книжной, но потом мечта поэта осуществилась, и он создал отдельный цикл стихов. Так, разбираемое стихотворение написано уже после поездки и хоть не содержит прямой отсылки к восточной тематике, но может быть связано с культурой Армении.

В Армении долгое время (вплоть до XX в.) был ярко представлен культ Матери-рыбы, выражавшийся физически в изваяниях божества, расположенных по берегам водоемов: «<...> культ исполинских каменных рыб, сохранившихся на территории Южной Грузии и Армении и относящихся к эпохе мегалитической культуры <...> Эти каменные стелы в форме рыб, достигающие иногда нескольких метров, стоят вертикально у источников рек и озер и именуются *вешапы* в Грузии и *вишапы* в Армении» [Вирсаладзе, 1973, с. 16]. Если говорить о мифологической традиции, то «в Армении, преимущественно в высокогорных районах, сохранились изваяния вишапов-рыб», а также «У армян сохранилась древнейшая легенда о Мировой Рыбе Лекеоне, которая вечно плавает в Космическом Океане <...>» [Мирзоян, 2013].

На типологическом уровне продуктивно обращение к поэтике В.В. Маяковского, поздней поэме «150000000», в образной ткани которой встречаем *людей в виде рыбы*:

Страшная буря на Тихом океане.
Сошли с ума муссоны и пассаты.
На Чикагском побережье выловлены рыбы.

Очень странные.

В шерстях.

Носатые. [Маяковский, т 2, с. 139–140]

Однако Маяковский «не следует» за фольклором, а *трансформирует фольклорную традицию* таким образом, что Иван лишь сравнивается с рыбой:

Насчет рыб ложь.

Рыбак стьяну местный.

Муссоны и пассаты на месте.

Но буря есть.

Даже еще страшней.

Причины неизвестны. [Маяковский, т. 2, с. 140]

Итак, рыба – мифологическое животное, соединяющее миры. Как же это соотносится у Мандельштама с предыдущими частями текста? Если провести параллели с образом ребенка, который возникает дважды в стихотворении, то можно образ рыбы как бы наложить на образ ребенка. Ребенок у Мандельштама – человек, чувствующий *границу* между бытовым и бытийным, но он еще непонимающее, с точки зрения рационального представления, дитя. Рыба – также пограничное существо, как ребенок. Кроме того, рыба в фольклоре не редко связана с *иным царством*, русская сказка знает сюжет о переносе культурного героя в теле рыбы [Пропц, 1986, с. 316]. Лирический же герой Мандельштама оказывается «один на всех путях» и чувствует ответственность за течение жизни. Таким образом, ни один из образов не выбивается из архитектоники и ритуальной логики стиха. Ребенок, рыба задают *архетипический и фольклорный план* в тексте. (рис. 2).

Рис. 2. Вишап – каменный идол большой рыбы, олицетворяющей древний культ. Кавказ

Итак, стихотворение Мандельштама представляет собой целый поэтический космос, где каждая деталь важна и создает свой план. Фольклористический комментарий, выявление архетипических построений, связанных с образом ребенка и рыбы (они вполне взаимозаменяемы) позволяет увидеть *онтологическое пространство* в тексте. Кроме того, необходим и биографический, а также этнографиче-

ский комментарий, так как, по тонкому наблюдению О. Лекманова, после поездки в Армению многое в «мироощущении и стихах поэта поменялось коренным образом» [Лекманов, 2003, с. 143]. Подобное целостное комментирование текста позволяет также поставить вопрос о латентной природе фольклоризма творчества Мандельштама, который ранее не ставился и нуждается в тщательной проработке – теоретической и практической. На примере одного стихотворения мы увидели, как взаимодействует литературная и фольклорная традиции в пределах одного текста. Также особо стоит обратить внимание на *внутренний характер* проявления фольклорной образности, что, видимо, усложняет задачу будущих исследователей, а иногда их и останавливает.

Литература

Бернштам Т.А. Герой и его женщины: образы предков в мифологии восточных славян. СПб.: МАЭ РАН, 2011. 372 с.

Бурая М.А. Восточные универсалии в творчестве О.Э. Мандельштама. Владивосток: Дальневост. федеральн. ун-т, 2014. 148 с.

Вирсаладзе Е.Б. Предисловие // Грузинские народные предания и легенды. М.: Наука, 1973. С. 5 – 44.

Кихней Л.Г. Эсхатологический миф в позднем творчестве Мандельштама // Вестн. Моск. гос. ун-та. Серия 9. Филология. М. 2005. № 6. С. 108 – 122.

Костерина Е.Н. Художественный мифологизм творчества Осипа Мандельштама: дис. ... канд. фил. наук. Нерюнгри, 2001. 179 с.

Кубатьян Г. Бегство в Армению и другие этюды о Мандельштаме // Вопросы литературы. 2012. № 3. С. 65 – 99.

Куманюк О.В. Идиоматика поэзии акмеистов (когнитивно-дискурсивный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2008. 19 с.

Лекманов О. Жизнь Осипа Мандельштама. Документальное повествование. СПб.: Изд-во журн. «Звезда», 2003. 240 с.

Мандельштам О.Э. О, как мы любим лицемерить // *Мандельштам О.Э.* Избранное. М.: Интерпринт, 1991.

Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: в 13 т. / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Гослитиздат, 1955–1961.

Мирзоян Э.А. Древнейшие армянские мистерии и их трансформация (Электронный ресурс). // Грани эпохи. № 54. 2013. URL: <http://grani.agni-age.net/index.htm?issue=70&article=5407> (дата обращения 26.06.2018).

Несанелис Д.А., Шаранов В.Э. Тема смерти в детских играх: опыт этносемиотического анализа (по материалам традиционной культуры коми) // Смерть как феномен культуры: межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1994. С. 122 – 134.

Пенкина А.М. Народная песня в творчестве Осипа Мандельштама // Верхневолжский филол. вестн. 2016. № 3. С. 8 – 14.

Петрова Н.И. Культурно-религиозная парадигма в творчестве Осипа Мандельштама: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Пороль О.А. Онтологическое пространство в поэзии Мандельштама // Вестн. Оренбургского гос. ун-та. 2011. № 6. С. 38 – 43.

Пропт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с.

Тернер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура // Тернер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. С. 104 – 264.

Шиндин С. «Шишига Его смугил» [рец. на: Мандельштам О.Э. Собрание стихотворений 1906–1937 / сост. О.А. Лекманова, М.А. Амелина, коммент. и библиогр. О.А. Лекманова, Е.А. Глуховской, А.А. Чабан. М.: Рутения, 2017] // Волга. 2018. № 1-2. С. 229 – 232.

References

Bernshtam T.A. *Geroy i yego zhenshchiny: obrazy predkov v mifologii vostochnykh slavyan*. SPb., 2011. 372 p. (In Russian).

Buraya M.A. *Vostochnyye universalii v tvorchestve O.E. Mandel'shtama*. Vladivostok, 2014. 148 p. (In Russian).

Virsaladze E.B. Predisloviye. *Gruzinskiye narodnyye predaniya i legendy*. M., 1973. pp. 5-44. (In Russian).

Kikhney L.G. Eshkhatologicheskii mif v pozdnem tvorchestve Mandel'shtama. *Vestn. Mosk. gos. un-ta*. Seriya 9. Filologiya, 2005, no. 6, pp. 108-122. (In Russian).

Kosterina E.N. *Khudozhestvennyy mifologizm tvorchestva Osipa Mandel'shtama: dis. ... kand. filol. nauk*. Neryungri, 2001. 179 p. (In Russian).

Kubat'yan G. Begstvo v Armeniyu i drugie ehtyudy o Mandel'shtame. *Voprosy literatury*, 2012, no. 3, pp. 65-99. (In Russian).

Kumanyuk O.V. *Idiomatika poezii akmeistov (kognitivno-diskursivnyy aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Belgorod, 2008. 19 p. (In Russian).

Lekmanov O. *Zhizn' Osipa Mandel'shtama. Dokumental'noye povestvovaniye*. SPb., 2003. 240 p. (In Russian).

Mandel'shtam O.E. O, kak my lyubim litsemerit', *Mandel'shtam O.E. Izbrannoye*. M., 1991. (In Russian).

Mayakovskiy V.V. *Poln. sobr. soch.: v 13 t.* M., 1955–1961. (In Russian).

Mirzoyan Eh.A. Drevneyshiy armianskiy misterii i ikh transformatsiya, *Grani ehpokhi*, 2013, no. 54. Available at: <http://grani.agni-age.net/index.htm?issue=70&article=5407> (accessed 26.06.2018) (In Russian).

Nesanelis D.A., Sharapov V.Eh. Tema smerti v detskikh igrakh: opyt ehtnosemioticheskogo analiza (po materialam traditsionnoy kul'tury komi). *Smert' kak fenomen kul'tury. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Syktyvkar, 1994. pp. 122-134. (In Russian).

Penkina A.M. Narodnaya pesnya v tvorchestve Osipa Mandel'shtama. *Verkhnevolskiy filologicheskii vestn.*, 2016, no 3, pp. 8-14. (In Russian).

Petrova N.I. *Kul'turno-religioznaya paradigma v tvorchestve Osipa Mandel'shtama: dis. ... kand. filol. nauk*. M., 2012. (In Russian).

Porol' O.A. Ontologicheskoye prostranstvo v poezii Mandel'shtama. *Vestn. Orenburgskogo gos. un-ta*, 2011, no. 6, pp. 38-43.

Propp V.Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki*. Leningrad, 1986. 364 p. (In Russian).

Termer V. Ritual'nyy protsess. Struktura i antistruktura. *Simvol i ritual*. M., 1983. pp. 104-264. (In Russian).

Shindin S. «Shishiga Yego smutil» [rets. na: Mandel'shtam O.E. Sobraniye stikhotvoreniy 1906–1937, sost. O.A. Lekmanova, M.A. Amelina, komment. i bibliogr. O.A. Lekmanova, E.A. Glukhovskoy, A.A. Chaban. M.: Ruteniya, 2017], *Volga*, 2018, no. 1-2, pp. 229-232. (In Russian).

Marianna A. Dudareva (Moscow, Russian Federation)
About the Folklorism of O. Mandelstam: Statement of the Issue

The article deals with the under examined problem in literary studies: a folklore tradition in O. Mandelstam's poetry. The researchers studied manifestation of mythological tradition in the poet's artistic world and revealed different archetypal models but they paid no attention to folklore elements. The folklore commentary of one of the poems makes it possible to understand an image structure of the text in the other way and brings a reader to the ontological level of the content.

Key words: *folklore, literature, Mandelstam, "ideal topos", Mayakovsky, image of fish.*

Marianna A. Dudareva – Ph.D. of Philology, lecturer. Peoples' Friendship University of Russia, Faculty of Russian language and general educational disciplines. E-mail: marianna.galieva@yandex.ru

УДК 83.3 (4)
ББК 83.

М.А. Родина

**«ПРИСТАЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ»
И ЕГО РОЛЬ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
РОМАНОВ Э. БОУЭН
«THE LAST SEPTEMBER»
И «TO THE NORTH»**

Англо-ирландская писательница Элизабет Боуэн (1899 – 1973) – признанный стилист, поэтому формальный анализ фрагментов ее романов представляет большой интерес. Наряду с возможностью выделить особенности стиля писательницы, «пристальное чтение» позволяет обнаружить в образах героев черты, эксплицитно не описанные, а также заполнить «лакуны» на сюжетном уровне.

Ключевые слова: «пристальное чтение», стиль, троп, денотация, коннотация, образ, сюжет, фабула.

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-106-114

Родина Мария Алексеевна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета, преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
Тел.: +7-926-361-18-82
E-mail: rodina-ma@outlook.com

© Родина М.А., 2019.

Элизабет Боуэн (1899 – 1973) – автор малоизученный и по большому счету недооцененный отечественными литературоведами. Между тем наследие этой писательницы и обширно, и интересно. Большинство исследователей творчества Боуэн (например, В. Глендиннинг, Н. Коркоран, Г. Ли) в своих работах большое внимание уделяют стилю ее произведений, который, заимствуя многое у таких мастеров, как Флобер и Генри Джеймс, имеет также и свои неповторимые особенности. Чтобы выделить их, мы рассмотрим несколько фрагментов из романов Боуэн методом «пристального чтения».

Необходимо специально оговорить, что, хотя изначально метод «пристального чтения», разработанный в XX в. «новыми критиками», подразумевает исключительно формальный анализ текста, полностью исключаящий апелляцию к историческому контексту и фактам окружающей действительности, осуществить это на практике, анализируя фрагмент иноязычного произведения большой формы, не удастся. Даже сами «новые критики» отмечают, что на пути формального анализа порой стоит простое отсутствие необходимого знания. А.А. Ричардс в своей книге *Practical Criticism* (1929) пишет: «...mention may perhaps be expected of ignorance, lack of acquaintance with the sense of unfamiliar words, the absence of the necessary intellectual contexts, defective scholarship, in short, as a source of error» [Richards, 1928, p. 192]. Мы не вправе требовать от русскоязычного читателя того

же уровня знания контекста и английской лексики, которого мы ожидали бы от носителя языка, поэтому, наряду с «пристальным чтением» как таковым, нам приходится в ряде случаев прибегнуть к комментированию, т. е., к толкованию «темных» мест.

Действие романа *The Last September* разворачивается в Ирландии в графстве Корк в 1920 г., во времена начала борьбы за независимость. Нейлоры – потомки англо-ирландских аристократов. Как и многие другие англо-ирландцы, они оказываются в трудной ситуации: общественное положение и земли дала им Британия, но по существу они ирландцы. Не в силах преодолеть сложности национального самоопределения, они дистанцируются от происходящего, игнорируют тот факт, что вокруг разгорается гражданская война. Лоис – племянница Нейлоров – главная героиня романа. В рассматриваемом фрагменте ее поклонник, молодой английский офицер Джеральд, ждет ее в гостиной и, чтобы скрасить ожидание, читает статью, посвященную ирландскому вопросу:

«He took up the Spectator, read an article on Unrest and thought of the Empire. Mechanically his hand went up to his tie. He looked ahead to a time when it all should be accurately, finally fenced about and all racked over. Then there should be a fixed leisured glow, and relaxation, as on coming in to tea from an afternoon's gardening with his mother in autumn. He turned in thought to confident English country, days like the look in a dog's eyes, rooms small in the scope of firelight, neighbourly lights through trees. He thought of a woman, kind and palpable, who should never produce this ache, this absence... A door dragged forward its portière; Lois came in from the dining-room, brushing rain from her frieze coat. He stood for a moment in a kind of despair at her agitation, as though he were trying to take her photograph. Then he stepped forward and kissed her, his hands on her wet shoulders.

' – Oh, but look here – ' cried Lois.

But she was his lovely woman: kissed» (Bowen, 1998, p. 87 – 88).

Первый троп в этом отрывке – перифраз – использование «Empire» вместо «Britain». Даже в мыслях Джеральд называет Британию Империей, и это говорит о том, что он преданный солдат, не сомневающийся, что дело его страны – правое. Слово «империя» окрашено идеологически, имеет коннотации силы, власти, господства. Хотя герой влюблен в девушку из англо-ирландской семьи, его деление на «мы» и «они» от этого, очевидно, не пошатнулось.

В слове «tie» во втором предложении рассматриваемого фрагмента реализуются три денотативных значения. Самое очевидное – «галстук», но даже и оно не совсем нейтрально, здесь заложена коннотация официальности, строгости, дресс-кода. Другое денотативное значение, которое реализуется в данном тексте, – «связь». Джеральд связан с Британской Империей, его узы с ней крепки, там его семья, друзья (словосочетания «family ties», «ties of friendship» прочно вошли в английский язык). Наконец, «tie» может означать «ограничение», что-то, что связывает, ограничивает свободу действий. Джеральд – солдат, все его действия строго регламентированы, он подчиняется приказам. Но

не только это: его идеи, мысли, даже чувства лишены свободы, связаны пропагандой.

Той же цели – создать образ неразмышляющего солдата, машины Империи – служит использование автором наречия «mechanically» («автоматически»). Подчинение Джеральда приказам – отработанное, механическое, бессознательное. Подчеркивается, что не он поднимает руку к галстуку, а рука сама поднимается, как у заводного игрушечного человечка.

Глаголы «to fence about» и «to rack over» не зарегистрированы ни в одном из известных нам словарей в качестве фразовых, и современные носители английского языка утверждают, что не встречали их ранее и не используют в повседневной речи. Можно, таким образом, предположить, что это не устаревшие фразовые глаголы, а нестандартные случаи использования глагола с предлогом (точнее, с послелогом). «To fence» в современном английском языке имеет значение «огораживать», «разграничивать». В сочетании с предлогом «about» глагол «to fence» приобретает дополнительный оттенок значения – ограничить, запретить. Коннотации, которые возникают в связи с этим глаголом, связаны с фермерством, загоном для скота. Автор, по-видимому, имеет в виду, что англичане хотят «усмирить» взбунтовавшееся «стадо» (ирландцев).

Та же функция и у «to rack over». Существительное «rack» часто используется в сложных существительных типа «luggage rack» (багажная полка), «plate rack» (сушилка для посуды), «vegetable rack» (корзинка для овощей). То, что объединяет все предметы, которые можно назвать «rack» – это ряд металлических или деревянных реек. Такие рейки ассоциируются с клеткой для животных. С этой точки зрения, «to rack over» повторяет образ, уже созданный с помощью глагола «to fence about» – образ пойманного и укрощенного зверя.

В рассматриваемом фрагменте реализуется антитеза «свое – чужое», а в рамках ее «стабильность – нестабильность». После того, как Империя (свое, стабильное) победит и «окружит забором» Ирландию (чужое, нестабильное), все будет как раньше, не о чем больше будет беспокоиться. Такие слова, как «leisured», «relaxation» эту идею стабильности и покоя выражают денотативно. К теме стабильности ведут нас и слова «finally», «accurately». Слово «finally» можно перевести как «наконец», и смысл фразы в таком случае будет «...когда это все наконец-то закончится». Наречие «accurately» несет в себе идею правильности, точности. В данном контексте имеется в виду, что англичане восстановят порядок, «разложат все по полочкам». Удовлетворение имперских интересов означает для героя стабильность.

Радость и облегчение от того, что все закончилось, сравниваются с удовольствием от чая с мамой осенью после работы в саду. «Tea» и «gardening» – слова с очень яркой коннотацией «английскости», выражающие стереотипные представления об англичанах. То же вытекает и из следующего предложения.

Английская сельская местность здесь характеризуется как нечто прочное и неизменное, безопасное («confident»). «English country» – это

неотъемлемый атрибут «доброй старой Англии», превратившийся в клише, место, куда англичане стремятся переехать из больших городов, символ благополучия. Идиллический образ родного края, который рисует в мыслях Джеральд, должен восприниматься читателем с долей иронии, о чем говорит слишком настойчивое использование клише с коннотацией «английскости» («tea», «gardening», «country») и забавное сравнение: «days like the look in a dog's eyes». Здесь реализуется еще один стереотип об англичанах – их любовь к домашним животным. Слово «dog», как и во многих других языках, в английском имеет коннотацию преданности и дружбы. Очевидно, имеется в виду, что, как собака верна своему хозяину, так и дни, которые англичанин проводит за городом, «верны» ему, не преподносят никаких сюрпризов. «Firelight» – слово с коннотацией тепла и уюта, то же относится и к «neighbourly».

Далее Джеральд рисует образ идеальной женщины и, довольно неожиданно, он не имеет ничего общего с Лоис. Во-первых, используется слово «woman», а не «girl», хотя и Лоис, и Джеральд очень молоды. У слова «woman» есть коннотация дома, домашнего очага, хозяйства и, опять же, стабильности, которая отсутствует у слова «girl». Во-вторых, Джеральд наделяет свой идеал определением «palpable». Лоис – быстрая, неуловимая, то появляется, то исчезает. Идеальная женщина Джеральда должна быть всегда рядом, должна быть физически осязаема. Она никогда не станет, как Лоис, причиной «боли» («ache») и не будет его мучить своим отсутствием. Таким образом, здесь опять прослеживается антитеза «стабильность – нестабильность» в рамках антитезы «свое – чужое» (идеальная английская жена Джеральда – своя, ирландка Лоис – чужая).

Появление Лоис, стряхивающей капли дождя с пальто, слишком явно контрастирует с мечтами Джеральда об уюте, тепле и покое, на что указывают его «отчаяние» («despair») от ее «смятения» («agitation») – верная подруга из мечты Джеральда встретила бы его со спокойной радостью. Эффектное сравнение довершает картину: Джеральд будто хотел сфотографировать Лоис, но не смог, потому что она вся – движение (читай – нестабильность, непостоянство).

Все меняет поцелуй. Поцелуй в европейской культуре – часть сюжета волшебной сказки. Он развеивает чары: будит Спящую Красавицу, превращает лягушку в царевну, воскрешает Белоснежку. В этом эпизоде *The Last September* поцелуй играет ту же роль: он превращает «чужую» Лоис в «свою». Как только Джеральд целует ее, что бы Лоис ни говорила (и это подчеркнуто союзом «но» («but»)), она теперь «его» («his»), «милая» («lovely») и, что немаловажно, «женщина» («woman»). Символическое значение поцелуя состоит в сглаживании антитезы, даже упразднении ее.

Из представленного фрагмента видно, что Джеральд – убежденный солдат империи, преданно служащий делу подавления восстания и не сомневающийся в победе Британии. Однако без «пристального чтения» вряд ли об этом можно было бы говорить так уверенно. Точка зрения

Джеральда в романе почти не представлена, а фрагменты, в которых она есть, подобно тому, который мы рассмотрели, нуждаются в интерпретации. Внутренних монологов в *The Last September* нет; диалогов на политические темы почти никто не ведет, так как в усадьбе Нейлоров, где протекает основное действие романа, стараются их не касаться. Таким образом, «пристальное чтение» отдельных эпизодов становится единственным методом, позволяющим найти ключ к образу героя.

Второй эпизод, который мы рассматриваем, относится к последней, двадцать восьмой главе романа *To the North* (1932). Главная героиня романа Эммелин предлагает подвезти Марки, своего бывшего любовника, разбившего ей сердце, до дома. Отрывок, выбранный для анализа, изображает чувства Эммелин, пока она на большой скорости ведет автомобиль.

“Like a shout from the top of a bank, like a loud chord struck on the dark, she saw “TO THE NORTH” written black on white, with a long black immovably flying arrow.

Something gave way.

An immense idea of departure – expresses getting steam up and crashing from termini, liners clearing the docks, the shadows of planes rising, caravans winding out into the first dip of the desert – possessed her spirit, now launched like the long arrow. The traveller solitary with his uncertainties, with apprehensions he cannot communicate, seeing the strands of the unknown snap like paper ribbons, is sustained and more than himself on a great impetus: the faint pain of parting sets free the heart. Blind with the new light she was like somebody suddenly not blind, or, after a miracle, somebody moving perplexed by the absence of pain. Like earth shrinking and sinking, irrelevant, under the rising wings of a plane, love with its unseen plan, its constrictions and urgencies, dropped to a depth below Emmeline, who now looked down unmoved at the shadowy map of her pain. For this levitation a total loss of her faculties, of every sense of his presence, the car and herself driving were very little to pay. She was lost to her own identity, a confining husk. Calmly, exaltedly rising and balancing in this ignorance she looked at her hands on the wheel, the silver hem of her dress and asked herself who she was: turning his way, with one unmeasured swerve of the wheel, she tried to recall Markie” (Bowen, 1979, p. 257 – 258).

Фрагмент начинается с двух красочных сравнений: указатель «НА СЕВЕР», который видит героиня, сравнивается с криком с высокого берега и громким аккордом, прозвучавшим во тьме. «To the North» – это название романа; в первой главе Сесилия, золовка Эммелин, едет на север, домой из Италии, и вот в конце уже другая героиня (но тот же герой – Сесилия познакомилась с Марки в поезде) направляется также на север. Роман, таким образом, приобретает кольцевую композицию. «North» имеет, само собой, коннотации холода, зимы, ночи, смерти; север ассоциируется с тяжелыми условиями жизни, суровой природой, с закаленными, не слишком эмоциональными людьми. Для Эммелин указатель «на север» иллюстрирует их с Марки холод в отношениях. Крик с высокого берега и аккорд во тьме имеют одинаковое свойство

резкости, внезапности. Однако два звука различны по степени приближенности к слушающему: аккорд, очевидно, ближе (в противном случае, он звучал бы тише). Можно говорить о нарастании эффекта, о крещендо. Очевидно, сравнения с внезапным громким звуком даны здесь автором, чтобы проиллюстрировать внезапность осознания Эммелин чего-то, какой-то новой идеи, возникшей в ее голове. Что это за идея – пока не ясно.

Цвета, в которых выдержан указатель, – белый и черный – это две противоположности, антитеза, отражающее вечное противостояние света и тьмы, добра и зла, жизни и смерти, а также мужчины и женщины. Стрелка на указателе черная, и именно она вызывает у героини дальнейшие ассоциации. Стрела «неподвижно летит» – этот оксюморон не только логически обоснован, но также нужен в тексте для характеристики того, как Эммелин физически ощущает себя в автомобиле. Неподвижно летящая стрела на указателе метафорически изображает несущийся на огромной скорости автомобиль с Эммелин и Марки внутри.

Предложение «Something gave way» в контексте этого эпизода можно прочитать двояко. Фразовый глагол «to give way» означает «ломаться» или «падать». Когда Эммелин увидела указатель «на север», что-то в ней оборвалось. С другой стороны, Эммелин ведет машину очень быстро, следовательно, другим транспортным средствам приходится уступать ей дорогу («to give way to somebody/something» – уступать дорогу, не препятствовать), и в этот момент «что-то» (из-за скорости и погруженности в себя героиня, конечно, не разобрала, что именно) действительно могло пропустить неосторожного водителя.

Почти весь фрагмент представляет собой развернутую метафору. Черная стрела заставляет Эммелин думать о поездах, лайнерах, самолетах и караванах, отправляющихся в путь. В этот момент ее дух, которым владеют эти образы, сравнивается со стрелой. Слово «launch» – начинать, отчаливать, запускать – встраивается в образный ряд, связанный с дорогой, началом путешествия. Одинокий «путешественник», о котором говорится дальше, – это сама героиня.

Фраза «blind with the new light» читается двояко. На героиню нисходит некое просветление, настолько ошеломительное, что оно ослепляет ее. Однако можно это прочесть и в том смысле, что дальний свет фар встречных машин ослепляет Эммелин. Особый художественный эффект от парадоксального сравнения («ослепшая... она была словно тот, кто внезапно прозрел») достигается именно за счет его парадоксальности.

Далее продолжает развиваться метафора путешествия. Героиня словно оказывается внутри самолета, из которого она смотрит вниз на туманную карту своей боли. Любовь сравнивается с земной поверхностью, которая сжимается и постепенно исчезает, по мере того как самолет удаляется от нее. Эммелин удается (с ее точки зрения) взглянуть на свою жизнь, любовь и боль в ином масштабе, отстраненно, безразлично. Об этом говорят слова «irrelevant» (несущественная – о земле под крылом самолета) и «unmoved» (безразличная – об Эммелин).

Однако, дистанцируясь от своих чувств, героиня теряет себя. Ее личность названа «сдерживающей оболочкой» («a confining husk»), она сбрасывает эту оболочку, или скорлупу, и окончательно теряет связь с собой. Создается впечатление (этому способствуют слова «levitation» (парение), «rising» (поднимаясь) и «balancing» (балансируя)), что душа героини отделилась от тела и смотрит сверху на происходящее. С точки зрения героини, это приятное состояние, о чем говорят слова «calmly» (спокойно) и «exaltedly» (радостно), но фраза «a total loss of her faculties» (полная потеря способностей) говорит об опасности, угрозе.

Весь этот фрагмент подготавливает развязку романа: аварию, в которую попадают герои. Авария описана: визг тормозов, отчаянный поворот руля, совершенный Марки, осознание Эммелин неотвратимости происходящего («*Someone, shrieking, wrenched at a brake ahead: the great car, bounding, swerved on its impetus. Markie dragged their wheel left: like gnats the two hung in the glare with unmoving faces. Shocked back by the moment, Emmeline saw what was past averting.*» (Bowen, 1979, p. 260)). Однако прямо о том, что герои в этой аварии гибнут, не сказано. К этой мысли нас подводит все описание их пути, включая рассмотренный нами фрагмент. Метафора путешествия, в процессе которого героиня отрывается от земли и, безразличная, парит над своей болью, использована автором, очевидно, для того, чтобы дать читателю понять, что она скоро простится с жизнью. Более того, «пристальное чтение» этого фрагмента дает повод думать, что авария была не случайностью, а самоубийством. Именно как решение покончить с жизнью можно трактовать внезапное озарение, которое нисходит на Эммелин, когда она видит черную стрелу указателя «на север», и авторское сравнение героини с «прозревшим» человеком. Без «пристального чтения» непонятен не только сам этот фрагмент, но и финал всего романа.

Элизабет Боуэн – автор, чьи произведения «закодированы» таким образом, что при беглом или даже вдумчивом, но «обыкновенном» прочтении всегда присутствует опасность пропустить нечто важное, не проникнуть в самую суть событий, образов, идей. Только такой метод как «пристальное чтение» дает возможность глубокой и правильной интерпретации этих произведений. В одних случаях, как в романе *The Last September*, «пристальное чтение» необходимо для понимания образа героя: так, вещи, которые ассоциируются у Джеральда с родной страной и с Ирландией, дают нам представление о его политической ориентации. В других случаях, как в романе *To the North*, только «пристальное чтение» может дать ответы на вопросы, на которые обычно мы можем дать ответ безо всякого труда: «что произошло?» и «почему это случилось?». Задача «считывания» упрощенного «сюжетного» плана текста, о которой упоминает О.А. Джумайло, описывая три стадии «пристального чтения» [Джумайло, 2010, с. 193], здесь усложняется, и, только пройдя семантическую и даже концептуальную стадии анализа, мы можем вновь к ней вернуться и найти ключ к толкованию сюжета.

Мы находим, что «пристальное чтение» является необходимым этапом при работе с текстами Боуэн и что только оно позволяет адекватно трактовать романы этой писательницы. Фрагменты, прочитанные таким образом, не только дают представление о мастерстве Боуэн в использовании тропов и подборе слов, не только объясняют то эстетическое воздействие, которое романы оказывают на читателя, но и существенно влияют на трактовку образов и даже сюжета. Некоторые «неопределенности» в характерах героев проясняются, а «лакуны» в сюжете заполняются только при «пристальном чтении».

Литература и источники

Джумайло О.А. Пристальное чтение: между молитвой и толкованием // Пристальное прочтение Бродского: сб. статей. Ростов н/Д.: Логос, 2010. С. 189 – 197.

Bowen, Elizabeth. *The Last September.* L.: Vintage, 1998. 206p.

Bowen, Elizabeth. *To the North.* N.Y.: Avon, 1979. 260p.

Corcoran, Neil. *Elizabeth Bowen: The Enforced Return.* Oxford: Oxford University Press, 2004. 218 p.

Glendinning, Victoria. *Elizabeth Bowen. Portrait of a Writer.* L., Weidenfeld and Nicolson, 1977. 261 p.

Lee, Hermione. *Elizabeth Bowen.* N.Y.: Vintage, 1999. 272p.

Richards, I.A. *Practical Criticism.* L., Routledge & Kegan Paul, 1929. 370 p.

References

Dzhumaylo O.A. Pristalnoye chteniye: mezhdou molitvoy i tolkovaniyem, *Pristalnoye prochteniye Brodskogo*, Rostov n/D., Logos, 2010, p. 189-197 (In Russian).

Bowen, Elizabeth. *The Last September.* L., Vintage, 1998, 206 p.

Bowen, Elizabeth. *To the North.* NY, Avon, 1979, 260 p.

Corcoran, Neil. *Elizabeth Bowen: The Enforced Return.* Oxford, Oxford University Press, 2004. 218p.

Glendinning, Victoria. *Elizabeth Bowen. Portrait of a Writer.* L., Weidenfeld and Nicolson, 1977. 261p.

Lee, Hermione. *Elizabeth Bowen.* NY, Vintage, 1999. 272p.

Richards, I.A. *Practical Criticism.* L., Routledge & Kegan Paul, 1929, 370p.

Maria A. Rodina (Moscow, Russian Federation)

‘Close-Reading’ and its Role for the Interpretation of E. Bowen’s Novels *The Last September* and *To The North*

The Anglo-Irish twentieth century writer Elizabeth Bowen is a well-known stylist, that is why the formal analysis of the fragments of the novels is of great interest. ‘Close-reading’, invented and brought into light by the “new critics” in the XX century, gives us an opportunity to research the peculiarities of Bowen’s style and understand the source of the artistic effect it produces. However it turns out that as far as Bowen’s novels are concerned ‘close-reading’ also gives us a deeper understanding of the characters and makes for the ‘lacunae’ in the plot. Only through ‘close-reading’ of at least one abstract from the novel *The Last September* it becomes evident that the young soldier

Gerald is a devoted imperialist, as there are no inner monologues in the novel and the dialogues are usually not about politics, this topic being carefully avoided by most of the characters. Similarly, only through ‘close-reading’ of a fragment from *To The North* we realize that the characters are rushing forward to their deaths and, moreover, that the catastrophe is, most probably, designed by the free will of the driver. Thus, we argue that the seemingly “simple” questions such as ‘what happened?’ and ‘why?’ in Bowen’s prose are sometimes so complicated that to answer them we have to go through the whole process of the formal analysis and only this process can provide the answers. In case with the characters and their psychology there is a similar case: a character’s mind is described by the author in a series of visual images and associations which can only be ‘deciphered’ with the help of ‘close-reading’.

Key words: *‘close-reading’, style, denotation, connotation, character, plot.*

Maria A. Rodina – post-graduate student of the World Literature Department of the Faculty of Philology, Moscow State Lomonosov University. Phone: +7-926-361-18-82, e-mail: rodina-ma@outlook.com

УДК 821.51
ББК 83.3

В.Б. Бакула

ПЕРВАЯ ПОВЕСТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ КОЛЬСКИХ СААМОВ

Литература российских саамов является одной из самых малоисследованных литератур, ее появление относится ко второй половине XX в. и связано с творчеством русскоязычного писателя А. Бажанова. Повесть «Белый олень» не была еще предметом литературоведческого анализа. В результате исследования удалось определить художественное своеобразие произведения, которое проявляется в сочетании устно-поэтических саамских традиций и традиций русской литературы.

Ключевые слова: *кольские саамы, русскоязычный писатель, первая повесть, этнические традиции, национальный характер.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-115-123

Бакула Виктория Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и массовых коммуникаций Социально-гуманитарного института Мурманского арктического государственного университета
Тел.: +7-921-281-65-15
E-mail: museum-vs@yandex.ru

© Бакула В.Б., 2019.

Литература кольских (российских) саамов относится к литературам малочисленных уральских народов, ее рождение приходится на вторую половину XX в., это одна из малоизвестных в научном мире литератур [Домокош, 2003, с. 296]. Хотя в 60-80-гг. XX в. литературы народов Севера были представлены уже всеми жанрами [Хайруллин, 2009, с. 9], литература российских саамов заявила о себе стихами А. Бажанова на русском языке (1983). В 1986 г. на страницах районной газеты «Ловозерская правда» начинает публиковаться его повесть «Белый олень», которая в литературной критике осталась незамеченной. Данное исследование является первым опытом литературоведческого анализа произведения саамского классика. Цель статьи – определить художественное своеобразие повести.

Аскольд Бажанов (1934 – 2012) родился в семье оленеводов и рыбаков, учился в школе-интернате, что было связано с политической переводом кочевников на оседлый образ жизни. Это привело к коренной ломке многовековых устоев, разрушению традиционного образа жизни, забвению родного языка [Богданов, 2002; Гуцол, Виноградова, Саморукова, 2007, с. 55, 57]. После семилетки учился на подготовительном факультете северного отделения Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена¹, поступил на физико-математический факультет, на 3 курсе оставил учёбу и вернулся на Кольский полуостров, взрослым поступил заочно в Литературный институт им. Горького, однако окончить его не удалось.

Истоки творчества А. Бажанова находятся в детстве, в саамской культуре: это знакомство с обычаями предков и с народным поэтическим творчеством. Русская культура вошла в сознание мальчика вместе со сказками и стихами Пушкина, которые услышал в детстве от бабушки. Советское образование предполагало обстоятельное знакомство с русскими и советскими классиками литературы, интерес к чтению определил круг его любимых писателей – Б. Окуджава, Ф. Достоевский, П. Явтысый, В. Ледков, О. де Бальзак. Влияние саамского устного народного творчества и русской литературы прослеживается в повести А. Бажанова «Белый олень», где он впервые открыл широкому кругу читателей и литературоведов мир тундрового народа, познакомил с его этническими ценностями.

Национальное своеобразие повести проявляется в выборе темы и отборе материала произведения, в образной системе, авторской позиции, использовании фольклорно-этнографического контекста.

Основу сюжетного повествования произведения составляет рассказ о подготовке саамского подростка Данилки к участию в областном Празднике Севера, который является национальным саамским праздником и имеет статус Полярной Олимпиады, его визитная карточка – олени гонки.

Повесть начинается с описания оленьих бегов на районном Празднике Севера. Начало повести динамично, что достигается использованием слов со значением движения: *взмах, срывается, бежит, быстрая* и др., междометий, с помощью которых гонщики подгоняют оленя: «*Э-эй!*», «*Э-э-эй!*», «*Э-х!*», коротких, неполных и назывных предложений: «*Но вот – алый взмах!*», «*Разгон взят!*», «*Яснее, ближе!*», восклицательных предложений, подчеркивающих эмоциональное состояние героя. Максимальное психологическое напряжение усиливается приемом оксюморона: «*Медленно тянулись секунды!*» [Бажанов, 2007, с. 3, 4; далее при цитатах из этого произведения указываются страницы в круглых скобках].

Данилка занял 3-е место в беге на оленьих упряжках, хотя участвовал в соревнованиях впервые. Победа окрылила подростка, и он загорелся желанием попасть на 52 Областной Праздник Севера. Для этого необходимо было хорошо подготовиться физически, найти и приручить оленя, в чем ему помогает старший брат Григорий.

Главный герой в некоторой степени автобиографически и духовно близок писателю. К детству А. Бажанова можно отнести такие строчки: «*Дошкольниками кочевали вместе с родителями в широких просторах тундры. Однако пришло время идти в школу. Отвезли их в село, отправили в интернат на учебу. С первого класса по восьмой каждое лето выезжали они в стада!*» (с. 16). Данилка так же, как и писатель в детстве, все каникулы проводил в стаде с оленеводами. Мальчик пишет стихи, начиная с начальной школы, и стихи, представленные в повести, – это стихи самого А. Бажанова. Духовно близким писателю делает героя отношение к природе, которую он тонко чувствует, поэтический талант. В то же

время близость автору угадывается и в образе друга Данилки Кольки, который мечтает поступить в военное училище, «изменив», по мнению главного героя, традициям оленеводов.

Образ Данилки дан в развитии, художественное время в произведении растянуто на один год, за который писатель проводит своего героя через этапы внутреннего взросления. Вначале интерес к занятию старших как семейному делу, мечта выиграть в оленьих бегах, затем работа во время отела в стаде, ощущение единения с пастухами, наконец, чувство ответственности за сохранение традиций. Это был процесс формирования подростка в пастуха-оленевода, высшая оценка которого звучит из уст старого деда Захара: «*Настоящий саамский парень!*» (с. 39).

Для повести А. Бажанова характерен фольклорно-этнографический контекст, который вслед за У. Б. Далгат понимается нами как все то, что связывает произведение с фольклорно-этнографической реальностью [Далгат, 1981, с. 6, 14].

В народной концепции саамов отражается «одна из высших нравственных ценностей, признаваемых любым народом, – ценность труда и отношение к труду как к своему предназначению, как условию существования для людей и одновременно тем самым – для себя» [Бережнова, 2008, с. 169]. В задачу пастуха входила не только охрана стада от зверей, но и клеймение, умение кастрировать самцов, познания в ветеринарных вопросах, хорошее знание режима ухода за новорожденным теленком в период отела [Волков, 1996, с. 17]. Труд оленеводов требовал полной самоотдачи, «*порой невероятной – почти собачьей выносливости, рискованного расчета, борцовской ловкости*» (с. 10). Всем этим, по мнению Данилки, обладал его старший брат Григорий, который был образцом для Данилки, что не раз подчеркивает автор, используя повтор: «*Сейчас бы Григория увидеть, что он скажет?*» (с. 5), «*ему очень хотелось походить на брата*» (с. 7, 10). Образ Григория близок образу фольклорного персонажа Ляйне – сильного, смелого победителя врагов и защитника свободы саамов. Григорий всегда весел, умеет поддержать Данилку в нужный момент, он надежный оленевод. Данилка восхищен легкостью, с которой, по его мнению, Григорий на лыжах одолевает расстояние в шестьдесят километров за полдня, чтобы привезти врача для сломавшего ногу оленевода. Подростка удивляет отношение к «подвигу» брата членов бригады и отца: «*никто не восторгался, не благодарил Григория*» (с. 9). В этом эпизоде – характер саамского оленевода, сдержанного в проявлениях внешних эмоций, но способного на глубокую и искреннюю благодарность. Уклад жизни пастухов не располагал к сентиментальности, но и не ожесточил сердца людей. Это почувствовал подросток, когда впервые прочел перед старейшими оленеводами свои стихи. Он понял их волнение, в котором «*было что-то сильное и глубокое*» (с. 22).

Знание жизни оленеводов изнутри позволило писателю обозначить одну из главных социальных проблем – утрату традиционных ценностей своего народа. Вопрос о том, кто будет сменять отцов в тради-

ционном занятии оленеводством, был отнюдь не праздный, корень его лежал в «отрыве саамской молодежи от своих истоков, от традиционных занятий» [Гуцол, Виноградова, Саморукова, 2007, с. 57]. Это тревожит отца главного героя: *«нам, старым оленеводам, нужна надежная сме-на»* (с. 21). Саамские парни все больше выбирали другие профессии: шофера, тракториста, плотника, вездеходчика, слесаря. Это было то время, когда *«древний уклад жизни саамского народа претерпевал внутреннюю ломку»* (с. 21). Новая реальность – перестройка и ускорение – казались тогда еще крепкими, обнадеживали, осознание слома старых традиций и причины этого придет позже. Но уже в то время не всем, кто работал в стаде, можно было доверить свои знания. Таким пустым и ничемным оказался Ленька, сын пастуха Кондратия – *«несобранный какой-то, все нехотя, все со смешком»*. Глубокое неуважение к труду оленеводов сквозит в словах Леньки *«сойдет для тундры»*, а самовольная отлучка из стада в самый ответственный момент отела, когда пастухи не спят сутками и каждый человек на счету, психологически подкосила его отца: *«Тяжело пережил позор сына. Месяц лечился в областной больнице»* (с. 21). Переживает Данилка из-за того, что друг Колька, с которым с малолетства были близки, изменил оленеводческим традициям и решил поступать в военное училище: *«Кто оленей будет пасти? Старики? Разве у них две жизни?»* (с. 16). Главный герой не представляет себе будущего без оленей, поэтому выдерживает все испытания. Первая июньская неделя, тяжелейшая в его пастушьей жизни, стала проверкой на верность своему предназначению: *«Поле этой недели, схожей с фронтовой, Данилка или навсегда уйдет из стада, или, оставшись, будет настоящим пастухом»* (с. 13), – заметил отец. Данилка остался в стаде.

В народной концепции саамов важное место занимает взаимоотношение поколений. Мудрость этнопедагогики в традиционном обществе состояла в ненавязывании правил, а в воспитании на положительных примерах, что не вызывало сопротивления и ощущения ущемления личной свободы [Бережнова, 2008, с. 171]. Примером такой народной этики является поведение отца героя в тот момент, когда он сообщает о своем решении отправить на соревнования только Григория: *«Данилка, ты огорчен, – сочувственно произнес отец. – Поднимись выше личных интересов, тогда жизнь станет яркой, полной. Будет, что вспомнить и рассказать своим детям. Ты думаешь, отец всегда делал то, что хотел»* (с. 34). Слово старших, их жизненный опыт всегда много значили в саамском обществе, авторитет их был непререкаем. В основе регламентации поведения лежали запреты, а не «положительные предписания» [Бережнова, 2008, с. 170]. Система табу (запретов) призвана была сохранять равновесие в природе, быть залогом жизни человека. Нарушение этих запретов приносило человеку вред [Чарнолуский, 1965, с. 75, 79, 135]. Позже система табу трансформировалась в неписаный свод правил поведения оленеводов: *«Пастухи не тревожат, не стреляют живность вблизи маршрута»* (с. 18); *«Кормящееся стадо пугать не принято»* (с. 20). Особые законы касались взаимоотношения спортсмена и живот-

ного: «Воспитывая оленя, нельзя полностью подавлять его волю»; «Не разрушь достигнутой близости. Не ударь оленя. Он должен постоянно чувствовать доброту»; «Не гневайся, будь справедливым» (с. 30). Знания и умения передавались по наследству, поэтому Данилка полностью доверяет отцу: «В молодости отец был хорошим спортсменом, увлекался буксировкой, а учил его этому сложному искусству дед Илья» (с. 30).

Основу саамской народной концепции составляло особое отношение к природе: саамы тонко чувствовали изменения в погоде, умели читать по звездам, ориентироваться на местности, чем удивляли путешественников, склонных объяснять такие умения способностью к волшебству. Отец Данилки предупреждал: «Снег в этот год придет рано» или: «Весна будет затяжной», и «правильность отцовских прогнозов не вызвала сомнений у пастухов», оленеводы понимали: «Опыт целой жизни был залогом его уверенности» (с. 21).

Особое место в повести занимают образы оленя и собаки. Собака выполняла роль пастуха при стаде, от нее требовались особые качества и умения, за хорошую оленегонную собаку давали лучшего передового быка [Волков, 1996 с. 15, 17]. Такими собаками в повести являются Чап и Пальма. В художественную ткань повествования включен эпизод о том, как собака спасла отца Аскольда во время войны. Олени, собаки, кошки – любимые животные самого писателя. Он всю жизнь не расставался с собакой, оленю посвящал самые проникновенные строки. О тонкой наблюдательности, художественной точности А. Бажанова говорят развернутые метафоры: «живая теплая река спокойно пасущихся оленей», «живая река <...> текла, колебалась то влево, то вправо» (с. 15), «напуганное стадо заварило смятением, вскипело» (с. 20).

Знакомству с бытовым укладом оленеводов, их обычаями помогает упоминание деталей, создающих этнографический контекст произведения: названия саамского жилища – *кувакса*, приспособления для управления упряжкой – *игна*, *хорей*, аркан для ловли оленя – *няртало*, повозка для передвижений – *нарты*, *кережи*, национальная саамская обувь – *тоборки*, *тимы*, название оленихи – *важенка*. В тексте используется оленеводческая терминология: *выбраковка*, *просчет стада*, *буксировщик*, *гонщик*, *кочевание*, *передовой*, *загонные*.

Не случайно название повести А. Бажанова, в основе которого лежит архетипический образ оленя, тотемного животного саамов. От него они вели свое происхождение [Чарнолуский, 1972, с. 21]. Управлять оленем учились с детства и управляли одинаково искусно и мужчины, и женщины. Показать умение можно было на соревнованиях, поэтому победа в них считалась престижной.

Особенно ценились у саамов белые олени, что было связано с сакральностью белого цвета в саамской культуре [Чарнолуский, 1965, с. 74, 84; Большакова, 2005, с. 192, 204, 246]. Образ Белого оленя символизирует в повести «гордые надежды» главного героя на победу на соревнованиях (с. 17, 23). Имя оленя несет в себе отпечаток саамской устнопоэтической традиции. Как и в мифологии, олень связан с мотивом

летучести: *«гордо подняв голову, мчался, нет, стремительно летел Белый олень!»* (с. 18), *«Белый олень, как песня саама, она не ходит, летает!»* (с. 31). В то же время Белый олень – символ воплощения мечты саамов о сохранении традиционных ценностей, символ счастья. Победа Беяка на соревнованиях символизирует победу саамских традиций, жизнеспособность саамского этноса.

Влияние русской литературы прослеживается в повести на уровне композиции, жанра, приемов создания образа.

Данилка изображен психологически точно и жизненно через поступки, внешнюю и внутреннюю речь, авторское описание эмоционального состояния героя. Увидев, наконец, Белого оленя, Данилка переживает так, что у него *«пропал голос»*. Высшее эмоциональное напряжение испытывает герой перед стартом: он *«ничего не слышал и не видел»*, *«не справился с охватившим его волнением»*, а узнав о 3-м месте в забеге, *«едва сдержал себя, чтобы не подпрыгнуть от радости, усилием воли подавил готовый вырваться наружу крик»* (с. 5). Узнав, что брат поймал белого оленя, он чувствует, как *«сердце возбужденно забилося, радость перехватила горло»*; не в силах сдержать эмоций, подросток *«подскочил к горделивому гордецу, обхватил его за шею руками»* (с. 22). Переживая по поводу того, что отец не доверил ему выехать Беяка, *«он не знал, куда себя деть. Выйдя из куваксы², принялся рубить дрова, крепко пахнувшие смолой. Скоро появился целый ворох. Присел на толстый комель сосны: что бы еще поделать? Наверно, нет воды»* (с. 24). Наибольшего психологизма достигает автор в эпизоде, когда отец сообщил Данилке о своем решении не пускать его на областные соревнования: *«Данилка был так ошеломлен услышанным, что не разобрал, о чем дальше говорил отец»*, *«сморкнул, в горле у него сделалось предательски сухо, захотелось прокашляться... Справился с ярым натиском охватившего его волнения»*, *«выталил»* в прыжке (с. 34).

Психологизм характерен и для описания эмоционального состояния других героев произведения. Старые оленеводы, прослушав стихи подростка, испытывают состояние искренней благодарности и глубокого сопереживания: *«Кое у кого при этом на глазах блестели слезы...»* (с. 22). Нелегко дается отцу сообщение не отпустить сына на Праздник Севера. Он медлит, общаясь с оленем, потом *«не торопясь объясняет причину своего решения»*, ведет неторопливый разговор за ужином о делах в стаде. Психологическое напряжение усиливается за счет приема антитезы: состояние Данилки – *«ошеломлен услышанным»* и нарочитая медлительность отца – *«глубоко затянулся, кашлянул»*. Наконец отец находит самые нужные слова в этот момент: некому в стаде остаться, людей нет, а значит, на него, Данилку, надежда как на настоящего пастуха и взрослого парня *«выполнять главную заботу оленевода»* (с. 34).

Этот разговор является кульминационным моментом в повести. Глубокие переживания увели героя в лес, где обращение к истокам народной мудрости помогает ему восстановить психологическое состояние. Писатель вводит в художественную ткань произведения саамскую

легенду, в которой повествуется о том, как саамского юношу за нарушение запрета предков – не свистеть в полярную ночь во время северного сияния – северное сияние забрало к себе в небо. Из уст столетней акки³ звучит неписанный древний закон: «Сияние наказывает саамских парней за пренебрежение к давним обычаям» (с. 35). Этому же учит совет отца: «Неправильным было бы разрешать всем поступать так, как им хочется» (с. 34). В легенде заключен глубокий смысл всей повести и авторской концепции – необходимость сохранения традиций народа.

Действие в произведении разворачивается на фоне пейзажа, который дан в мифопоэтических традициях: природа одухотворена, ей приписаны живые чувства и действия. А. Бажанов пользуется эпитетами: «бесчувственный снег», «безжалостный снег», олицетворением: «снег забивает зарю», «горы ласково глянут», развернутой метафорой: «октябрь заморозил короткое северное лето, дохнув на тундру холодом суровой Арктики» (с. 10), «весна уверенно занимала сдавшие в недавней схватке позиции», Данилка любит тундру, «уже одетой в зеленое платьице с голубым воротничком озер» (с. 14). Образ хрупкой, ранимой природы создается использованием ласкательно-уменьшительных суффиксов, что характерно для русской устной традиции: «березки, листочки, лепестки, бугорок, платьице, воротничок». Пейзаж является не только фоном для происходящих действий, но и раскрывает эмоциональное состояние героя: «*Душа наполнилась и вылилась рифмой*» (с. 14). Природа вдохновляет: «*Здесь явились ему прекрасные образы*» (с. 38).

Кольцевая композиция помогает замыслу писателя раскрыть этапы взросления главного героя: действие начинается с описания районного и заканчивается областным Праздником Севера, укладываясь в один год. Прием ретроспекции возвращает к событиям прошлого: «А в прошлый год...», «В тот год», «Данилка помнит, как в первую зиму его работы...», помогает нам вместе с героем пережить его внутренние чувства, душевные порывы, усиливает драматизм кульминации. Саамская сказка в конце произведения, играя роль вставного эпизода, подчеркивает основную мысль произведения, усиливая этнопедагогический смысл повести.

Таким образом, художественное своеобразие произведения А. Бажанова проявляется в сочетании устно-поэтических саамских традиций и традиций русской литературы, этнографического контекста, который знакомит с жизненным укладом и культурными ценностями оленеводов, помогает понять идею произведения. А. Бажанов затрагивает проблему утраты этнических ценностей, причину которого видит в нарушении законов этнопедагогики. Следование традициям русской литературы позволило изобразить внутренний мир героев, их чувства, переживания при помощи тонкого психологизма, проявилось в выборе жанра, в композиции произведения.

А. Бажанов положил начало саамской литературе на русском языке, обозначив ее главные темы и основные направления: мемуарно-автобиографическое и фольклорно-этнографическое. Впервые в саамской

литературе был создан обобщенный образ саамского мужчины, пастуха-оленевода. Синкретизм саамской устнопоэтической и русской литературной традиций в творчестве А. Бажанова свидетельствовал о художественном познании национального мира и национального характера.

Примечания

¹ В результате слияния северного отделения Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена и северного факультета Ленинградского государственного университета в 1953 г. возник факультет народов Крайнего Севера ЛГПИ, с 2001 г. преобразованный в Институт народов Севера.

² Кувакса – переносное жилище саамов в виде чума.

³ Акка – бабушка, старушка.

Литература и источники

Бажанов А. Белый олень. Мурманск: Север, 2007. 40 с.

Бережнова Л.Н. Этнопедагогика: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 240 с.

Богданов Н.В. История становления системы образования Кольских саамов (или этапы становления саамской педагогики), 2002. [Электронный ресурс] URL: <http://saami.su/biblioteka/stati/152-istoriya-stanovleniya-sistemy-obrazovaniya-kolskikh-saamov-ili-etapy-stanovleniya-saamskoj-pedagogiki.html> (дата обращения 02.08.2018).

Большакова Н.П. Жизнь, обычаи и мифы Кольских саамов в прошлом и настоящем. Мурманск: Кн. изд-во, 2005. 416 с.

Волков Н.Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Каутокейно, СПб.: Саамский Институт, 1996. № 1. 106 с.

Гуцол Н.Н., Виноградова С.Н., Саморукова А.Г. Переселенные группы кольских саамов. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2007. 86 с.

Далгат У. Б. Литература и фольклор. М.: Наука, 1981. 304 с.

Домокош П. Этот удивительный мир // Ненецкая литература: сб. / составитель Вячеслав Огрызко. М.: Литературная Россия, 2003. С. 290 – 303.

Хайруллин Р.З. Литература народов России: учеб. пособие для вузов. М.: Дрофа, 2009. 299, [5] с.

Чарнолуцкий, В.В. В краю летучего камня. М.: Мысль, 1972. 271 с.

Чарнолуцкий В.В. Легенда об олене-человеке. М.: Наука, 1965. 139 с.

References

Bazhanov A. *Belyy olen'*. Murmansk: Sever, 2007. 40 p. (In Russian).

Berezhnova L.N. *Ehtnopedagogika: ucheb. posobiye dlya stud. vuzov*. M.: Izd. centr «Akademiya», 2008. 240 p. (In Russian).

Bogdanov N.V. *Istoriya stanovleniya sistemy obrazovaniya Kol'skikh saamov (ili etapy stanovleniya saamskoj pedagogiki)*. Kola, 2002. Available at: <http://saami.su/biblioteka/stati/152-istoriya-stanovleniya-sistemy-obrazovaniya-kolskikh-saamov-ili-etapy-stanovleniya-saamskoj-pedagogiki.html> (accessed 02.08.2018) (In Russian).

Bol'shakova N.P. *Zhizn', obychai i mify Kol'skikh saamov v proshlom i nastoyashchem*. Murmansk: Kn. izd-vo, 2005. 416 p. (In Russian).

Volkov N.N. *Rossiyskiye saamy. Istoriko-ethnograficheskiye ocherki*. Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossiyskoy akademii nauk. Kautokeyno, SPb.: Saamskiy Institut, 1996. no 1. 106 p. (In Russian).

- Gutsol N.N., Vinogradova S.N., Samorukova A.G. *Pereselennyye gruppy kol'skih saamov*. Apatity: Izd-vo Kol'skogo nauch. tsentra RAN, 2007. 86 p. (In Russian).
- Dalgat U. B. *Literatura i fol'klor*. M.: Nauka, 1981. 304 p. (In Russian).
- Domokosh P. Ehtot udivitel'nyy mir. *Nenetskaya literatura: Sbornik*. Sostavitel' Vyacheslav Ogryzko. M.: Literaturnaya Rossiya, 2003. pp. 290-303. (In Russian).
- Hayrullin R.Z. *Literatura narodov Rossii: ucheb. posobiye dlya vuzov*. M.: Drofa, 2009. 299 p. (In Russian).
- Charnoluskiy V.V. *Legenda ob olene-cheloveke*. M.: Nauka, 1965. 139 p. (In Russian).
- Charnoluskiy, V.V. *V krayu letuchego kamnya*. M.: Mysl', 1972. 271 p. (In Russian).

Viktoriya B. Bakula (Murmansk, Russian Federation)

The First Narrative In The Literature Of The Kola Saami

The literature of the Russian Saami is still one of the most underexamined literature, its appearance dates back to the second half of the XX century and is associated with the work of the Russian-speaking writer A. Bazhanov. The narrative "White deer" has not been the subject of literary analysis yet. Due to the study it has become possible to determine the artistic originality of the work, which is manifested in the combination of oral and poetic Sami traditions and traditions of Russian literature.

Key words: *Kola Saami, Russian-speaking writer, first novel, ethnic traditions, national character.*

Viktoriya B. Bakula – Ph.D. of Philology, associate professor. Russian language and mass communications dpt. Murmansk Arctic State University. Phone: +7-921-281-65-15, e-mail: museum-vs@yandex.ru

УДК 821.161.1
ББК 83.3

Е.В. Суровцева

**Л. Н. ТОЛСТОЙ
И П. А. СТОЛЫПИН:
ИСТОРИЯ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
И ПОЛЕМИКИ
В СВЕТЕ ПЕРЕПИСКИ**

В контексте обширной переписки Л.Н.Толстого и, в частности, эпистолярных обращений писателя к властям, рассматриваются обращения Толстого министру внутренних дел П.А.Столыпину. Всего насчитывается 3 письма-декларации и 2 письма-просьбы. Основной пункт расхождений Толстого и Столыпина заключается в отношении к частной земельной собственности. В письмах Толстой обосновывает гибельность земельной политики Столыпина; Столыпин же в ответном письме отстаивает проводимую им политику.

Ключевые слова: *эпистолярная литература, «письмо царю», письмо-просьба, письмо-декларация, русская литература, цензура, литература и власть, Л.Н.Толстой, П.А.Столыпин.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-124-129

Суровцева Екатерина Владимировна – канд. филол. наук, старший научный сотрудник, профессор Российской академии естествознания, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, филологический факультет, лаборатория общей и компьютерной лексикологии и лексикографии
Тел.: +7 (910) 471-89-00,
E-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

© Суровцева Е.В., 2019.

Среди обширнейшей переписки Л. Н. Толстого, в том числе его обращений во власть, особое место занимает эпистолярное общение писателя с министром внутренних дел и председателем совета министров Российской империи (с 1906 г.) П. А. Столыпиным (см. также [Зырянов, 1990]).

«Вот один из великих людей России, судьба которого переплеталась со столыпинским родом. Лев Толстой, который считал премьер-министра своим идейным противником, дружил с его отцом Аркадием Дмитриевичем, был с ним на “ты”. Они принадлежали к одному поколению. Оба участвовали в Крымской войне, пережили унижение России, подъём патриотизма, эпоху Великих реформ. Аркадий Дмитриевич дослужился до чина генерала от артиллерии, участвовал в освобождении Болгарии от турецкого ига. Побывала на той войне и его жена Наталия Михайловна, ей пришлось под огнём ухаживать за ранеными, она была награждена медалью. Наверное, когда генерал гостил в Ясной Поляне, беседовал с Толстым о судьбе России, они не подозревали о том, что оба – прошлое, невозвратное прошлое и любимая ими великая дворянская Россия – на краю пропасти. Не ведали они и того, что младший Столыпин почти спасёт Россию от надвигающейся катастрофы» [Рыбас, 1991, с. 20].

13 июля 1907 г. Толстой записывает в записной книжке: «Вчера задумал написать письмо Столыпину». 22 июля в той же записной книжке читаем: «Вчера, 21-го, писал письмо Столыпину порядочно». 22-го Толстой «по-

правлял письмо Столыпину» [Переписка Толстого с А. А. Столыпиным, 1939, с. 324]. В этом письме-декларации, законченном 26 июля 1907 г. [Толстой, т. 77, с. 164 – 170], писатель высказывает убеждение, что одна из причин революционного напряжения в стране – неправильное распределение земли, что всё революционное раздражение держится на недовольстве крестьян земельным устройством. Он пишет, что земля не может быть достоянием одного человека, что следует уничтожить право собственности на землю и установить возможность равного для всех пользования ею. «Несправедливость эта – совершенно подобная на моей памяти уничтоженной несправедливости права владения человеком, крепостного права, и столь же противная основным законам добра, – несправедливость эта, так называемое право земельной собственности, чувствуется теперь всеми людьми христианского мира, но особенно живо русскими людьми. Если и не одно сознание этой несправедливости породило русскую революцию, то поддерживает и дает ей главную силу именно эта смутно сознаваемая и большей частью ложно понимаемая несправедливость.

Несправедливость состоит в том, что как не может существовать права одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать права одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землей как собственностью.

Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею» [Толстой, т. 77, с. 164 – 165]. Толстой ссылается на книгу Генри Джорджа «Единый налог». Примечательно, что в самом начале письма писатель упоминает дружбу с отцом министра и определяет своё отношение к адресату: «Пишу Вам не как министру, не как сыну моего друга, пишу Вам как брату, как человеку, назначение которого, хочет он этого или не хочет, есть только одно: прожить свою жизнь согласно той воле, которая послала его в жизнь» [Толстой, т. 77, с. 164].

Писатель долго не получал ответа на своё письмо. 24 августа 1907 г. он напомнил о своём письме через брата министра, журналиста, сотрудника «Нового Времени», А. А. Столыпина [Толстой, т. 77, с. 180 – 182]. Он сообщил писателю, что П. Столыпин ещё не ответил на его письмо и мысль об уничтожении частной собственности считает несбыточной. В письме брату от 1 сентября 1907 г. П. Столыпин пишет: «Милый Саша. Если будешь отвечать Л. Н. Толстому, напиши ему, пожалуйста, что я не невежа, что я не хотел наскоро отвечать на его письмо, которое меня, конечно, заинтересовало и взволновало, и что я напишу ему, когда мне станет физически возможно сделать это продуманно» [Переписка Толстого с А. А. Столыпиным, 1939, с. 328].

Далее на имя Столыпина Толстым было написано письмо-просьба от 18 октября 1907 г. [Толстой, т. 77, с. 228]. Это ходатайство за А. М. Бодянского, арестованного за издание сборника «Духоборцы», в котором содержались высказывания против правительства. Здесь же Толстой упоминает о своём письме П. А. Столыпину от 26 июля 1907 г.

Столыпин ответил Толстому 23 октября 1907 г. Он сообщил писателю о пересмотре дела Бодянского. Здесь же он ответил на письмо

Толстого от 26 июля 1907 г. – он возражал Толстому и писал в защиту частной собственности [Лев Николаевич Толстой, 1928, с. 91 – 92]: «Вы считаете злом то, что я считаю для России благом. Мне кажется, что отсутствие “собственности” на землю у крестьян создаёт всё наше неустройство.

Природа вложила в человека некоторые врождённые инстинкты, как то: чувство голода, половое чувство и т.п. и одно из самых сильных чувств этого порядка – чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею.

Искусственное в этом отношении оскопление нашего крестьянина, уничтожение врождённого в нём чувства собственности ведёт ко многому дурному и, главное, к бедности.

А бедность, по мне, худшее из рабств.

Смешно говорить этим людям о свободе или свободах. Сначала доведите уровень их благосостояния до той по крайней мере наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным» [Лев Николаевич Толстой, 1928, с. 91; Рыбас, Тараканова, 1991, с. 115].

Небезынтересно сравнить мысли Столыпина, высказанные в частном письме Толстому, с его речью, произнесённой в Государственной Думе 16 ноября 1907 г. в ответ на выступление члена Государственной Думы В. Маклакова: «Нас тут упрекали в том, что правительство желает в настоящее время обратить всю свою деятельность исключительно на репрессии, что оно не желает заняться работой созидательной, что оно не желает положить фундамент права... Мне кажется, что мысль правительства иная. Правительство, наряду с подавлением революции, задалось задачей поднять население до возможности на деле, в действительности воспользоваться дарованными ему благами. Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельною собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы... Поэтому правительство не могло не идти навстречу, не могло не дать удовлетворения тому врождённому у каждого человека, поэтому и у нашего крестьянина, чувству личной собственности, столь же естественному, как чувство голода, как влечение к продолжению рода, как всякое другое природное свойство человека. Вот почему раньше всего и прежде всего правительство облегчает крестьянам переустройство их хозяйственного быта и улучшении его и желает из совокупности надельных земель и земель, приобретённых в правительственный фонд, создать источник личной собственности. Мелкий земельный собственник, несомненно, явится ядром будущей мелкой земельной единицы...» (приводится по: [Рыбас, 1991, с. 301 – 302]). Можно заметить, что в письме и в выступлении совпадают мысли и перекликаются формулировки.

Следующее письмо-декларация Толстого Столыпину датируется 28 января 1908 г. [Толстой, т. 78, с. 41 – 45]. Писатель обеспокоен революционными настроениями в обществе. Он полагает, что Столыпин

совершил две ошибки – он борется с насилием при помощи насилия и пытается ввести частную собственность на землю. Всё письмо – попытка доказать, что не следует уничтожать крестьянскую общину и вводить частную собственность на землю. По мысли Толстого введение единого налога и сохранение общины выбьет почву из-под ног революционеров, так как крестьяне больше не будут их поддерживать. Впрочем, Столыпин придерживался противоположной точки зрения: «И настолько нужен для переустройства нашего царства, переустройства на крепких монархических устоях, крепкий личный собственник, настолько он является преградой для развития революционного движения, видно из трудов последнего съезда социалистов-революционеров, бывшего в Лондоне в сентябре настоящего года» (из речи о Земельном законопроекте и землеустройстве крестьян, произнесённой в Государственной Думе 5 декабря 1908 г.) (приводится по: [Рыбас, 1991, с. 335]). Упоминание министром съезда социал-демократов неслучайно. Земельный вопрос – один из основных пунктов революционной агитации. В. И. Ленин, назвавший Толстого «зеркалом русской революции», в своих статьях косвенно подтверждает неправоту писателя: так, в статье «Новая аграрная политика» («Пролетарий», 19 февраля 1908 г.) он пишет: «Окончательный переход правительства царя, помещиков и крупной буржуазии (октябристов) на сторону новой аграрной политики имеет огромное историческое значение. Судьбы буржуазной революции в России, – не только настоящей революции, но и возможных в дальнейшем демократических революций, – зависят **больше всего** от успеха или неуспеха этой политики... (Выделено автором цитируемого текста. – Е. С.) И вот правительство контрреволюции поняло это положение. Столыпин правильно осознал дело: без ломки старого землевладения нельзя обеспечить хозяйственного развития России. Столыпин и помещики (упомянув в данном контексте помещиков, Ленин допустил преувеличение. – Е. С.) вступили смело на революционный путь, ломая самым беспощадным образом старые порядки, отдавая всецело на поток и разграбление помещикам и кулакам крестьянские массы» [Ленин, т. 16, с. 423]. А вот цитата того же автора из другой его работы – «По торной дорожке» («Пролетарий», 16 апреля 1908 г.): «Что, если столыпинская политика продержится долго... Тогда добросовестные марксисты прямо и открыто выкинут во все всякую “аграрную политику”... ибо **после** “решения” (выделено автором цитируемого текста. – Е. С.) аграрного вопроса в столыпинском духе никакой иной революции, способной изменить серьёзно экономические условия жизни крестьянских масс, быть не может. Вот в каком соотношении стоит вопрос о соотношении буржуазной и социалистической революции в России» [Ленин, т. 17, с. 32].

В письме-просьбе П. А. Столыпину от 21 августа 1908 г. Толстой заступает за крестьян, арестованных по подозрению в принадлежности к Крестьянскому Союзу. [Толстой, т. 78, с. 209 – 210]. Вскоре крестьяне были выпущены.

Последнее письмо-декларация Толстого Столыпину, датированное 30 августа 1909 г. [Толстой, т. 80, с. 79 – 82], очень личное, полное тревоги, что неправильная деятельность министра (т. е. неверная аграрная реформа и то, что он борется с насилием при помощи насилия) могут погубить его самого (тем более что на Столыпина уже было совершенно покушение – 12 августа 1906 г.). Это письмо – развитие наброска, сделанного Толстым в Записной книжке 20 июля 1909 г. [Толстой, т. 57, с. 227 – 228] (отметим, что в дневниках Толстой писал о «сострадательном отвращении к П. Столыпину»). Это письмо человека, обеспокоенного судьбой сына своего друга (отца П. А. Столыпина, А. Д. Столыпина). Это попытка вразумить П. Столыпина, заставить его признать свои ошибки.

Окончание письма Столыпина Толстому говорит о многом: «Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения. Меня вынесла наверх волна событий – вероятно, на один миг! Я хочу всё же этот миг использовать по мере моих сил, пониманий и чувств на благо людей и моей Родины, которую люблю, как любили её в старину. Как же я буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и, главное, греха. Поверьте, что ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путём. Сознаю, что всё это я пишу Вам напрасно, – это и было причиной, что я Вам не отвечал... Простите...» [Лев Николаевич Толстой, 1928, с. 92; Рыбас, Тараканова, 1991, с. 116].

Как вспоминала старшая дочь Столыпина М. П. фон Бок, Толстой в своих письмах её отцу «то упрекал его в излишней строгости, то давал советы, то просил за кого-нибудь. Рассказывая об этих письмах, мой отец лишь руками разводил, говоря, что отказывается понять, как человек, которому была дана прозорливость Толстого, его знания души человеческой и глубокое понимание жизни, как мог этот гений лепетать детски-беспомощные фразы этих якобы “политических” писем. Папа ещё прибавлял, до чего ему тяжело не иметь возможности удовлетворить Льва Николаевича, но исполнение его просьб почти всегда должно было повести за собой неминуемое зло» [Бок, 1953].

«Они (Толстой и Столыпин. – Е. С.) были людьми одного круга, одной веры и культуры, одинаково любили Россию.

И что же?

Они стояли по разные стороны» [Рыбас, 1991, с. 142].

Литература

Бок М. П. Воспоминания о моём отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953.

Зырянов П. Лев Толстой – Петру Столыпину: «Ваша деятельность губит Вашу душу» // Неделя. 1990. № 46. 12 – 18 ноября.

Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник. М.; Л., 1928 [1929].

Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Политиздат, 1958 – 1966.

Переписка Толстого с А. А. Столыпиным / Публикация Н. Гусева // Литературное наследство. Т. 37 – 38. Л. Н. Толстой. II. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 324 – 329.

Рыбас С. Ю. Столыпин. М.: Молодая гвардия, 2014. (Серия «Жизнь замечательных людей»).

Рыбас С., Тараканова Л. Реформатор. Жизнь и смерть Петра Столыпина. М.: Недра, 1991.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Академическое юбилейное издание. М.: Гослитиздат, 1928 – 1958.

References

Bok M. P. *Vospominaniya o moyom ottse P. A. Stolypine*. N'yu-York: Izd-vo imeni Chekhova, 1953. (In Russian).

Zyryanov P. Lev Tolstoy – Petru Stolypinu: «Vasha deyatelnost' gubit Vashu dushu» // *Nedelya*. 1990. № 46. 12 – 18 noyabrya. (In Russian).

Lev Nikolayevich Tolstoy. Yubileinyy sbornik. M.; L., 1928 [1929]. (In Russian).

Lenin V. I. *Polnoye sobraniye sochineniy v 55 tomakh*. M.: Politizdat, 1958 – 1966. (In Russian).

Perepiska Tolstogo s A.A. Stolypinym. Publikatsiya N. Guseva // *Literaturnoye nasledstvo, vol. 37-38. L. N. Tolstoy. II*. M.: Izd-vo AN SSSR, 1939, pp. 324-329. (In Russian).

Rybas S. Yu. *Stolypin*. M.: Molodaya gvardiya, 2014. (Seriya «Zhizn' zamechatel'nykh lyudey»).

Rybas S., Tarakanova L. *Reformator. Zhizn' i smert' Petra Stolypina*. M.: Nedra, 1991.

Tolstoy L. N. *Polnoye sobraniye sochineniy v 90 tomakh. Akademicheskoye yubileynoye izdaniye*. M.: Goslitizdat, 1928 – 1958.

Ekaterina V. Surovtseva (Moscow, Russian Federation)

L.N. Tolstoy and P.A. Stolypin: History of Relations and Polemics in the Light of Correspondence

In the context of extensive correspondence of L.N.Tolstoy and, in particular, epistolary appeals of the writer to the authorities, it is considered L.N.Tolstoy's appeals to the Minister of internal Affairs P.A. Stolypin. In total there are 3 letters-declarations and 2 letters-requests. The main point of divergences between L.N. Tolstoy and P.A. Stolypin is in relation to private land ownership. In letters L.N. Tolstoy justifies the banefulness of the land policy by P.A. Stolypin; P.A. Stolypin in response to the letter defends this policy.

Key words: *epistolary literature, «letter to the tsar», letter-request, letter-declaration, Russian literature, censorship, literature and power, L.N.Tolstoy, P.A.Stolypin.*

Ekaterina V. Surovtseva – Ph.D. of Philology, professor of the Russian Academy of Natural Sciences, senior researcher. Moscow State University of M.V. Lomonosov. Phone: +7 (910) 471-89-00, e-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

УДК 82.311.6. (470.64)
ББК 83.3 (2 Рос = Каба)

А.Х. Мусукаева, И.В. Гязов

КАБАРДИНСКИЙ РОМАН В АСПЕКТЕ ЭВОЛЮЦИИ ЖАНРОВЫХ ФОРМ

Анализируются основные этапы эволюции жанра романа в кабардинской литературе. В молодой кабардинской литературе, зародившейся в 20-х гг. XX столетия, первый роман появился в 1953 г. – «Горцы» А. Шортанова. В статье рассматриваются наиболее значительные произведения периода 1950 – 1990-х гг. Жанр романа исследуется в аспекте соотношения устного народного творчества кабардинцев и этапов развития национальной литературы. Особое внимание уделяется прозе А. Кешокова, как основоположника жанра социально-психологического и философского романа.

Ключевые слова: *фольклор, роман, история и современность, эволюция, типология, художественное своеобразие.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-130-139

Мусукаева Анджелла Хамитовна – докт. филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета
Тел.: 8(8662)40-07-40

Гязов Ислам Витальевич – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Социально-гуманитарного института Кабардино-Балкарского государственного университета
Тел.: 8-909-492-52-44

© Мусукаева А.Х.,
Гязов И.В., 2019.

Проблема жанра романа в его эволюционном развитии в современном литературоведении является актуальной. Кабардинский роман, пройдя сложный и неоднозначный путь развития, уже к середине XX в. стал одной из значительных жанровых форм словесного искусства. Нашу мысль подтверждают романы «Горцы» (1953) А. Шортанова; «Вершины не спят» (1970), «Сломанная подкова» (1976), «Корни» (1990) А. Кешокова; «Страшен путь на Ошхамахо» (1980) М. Эльберда; «Щит Тибарда» (1982) Т. Адыгова; «Каменный век» (1985) Х. Бештокова и др.

Кабардинский роман в своём общем и целом достаточно изучен. Художественный конфликт и образная система, эволюция и поэтика – таков далеко не полный перечень проблем, рассматриваемых, в частности, в работах, начиная с 1950-х гг. Именно тогда кабардинский роман оформился в своём бытии как объективная реальность и с этого периода начинается его интенсивное изучение. Назовём в хронологическом порядке наиболее значительные труды: Х. Теунов «Литература и писатели Кабарды» (1958); Л. Кашежева «Кабардинская советская проза» (1962); Х. Хапсироков «Пути развития адыгских литератур» (1968); Л. Бекизова «От богатырского эпоса к роману» (1974); А. Мусукаева «Поиски и свершения» (1978); К. Шаззо «Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах» (1978); Ю. Тхагазитов «Адыгский роман» (1987); К. Султанов «Динамика жанра (особое и общее

в опыте современного романа)» (1989); М. Хачемизова «Художественный мир Тембота Керашева» (2005); Л. Бекизова «Литература в потоке времени» (2008); А. Мусукаева, Ю. Тхагазитов «Эволюция жанра романа в кабардинской литературе 1960-1980-х гг.» (2010) и др.

Кабардинский роман прочно связан с национальной традицией и с народным мировосприятием, что, как известно, свойственно всей многонациональной литературе страны. Именно поэтому процесс формирования и развития жанра романа, нового для молодых северокавказских литератур, следует изучать в контексте преемственности национального художественно-эстетического мышления и историко-литературных взаимовлияний.

Одной из актуальных проблем современного литературоведения является также изучение истории национальных литератур в тесной связи с историческими условиями жизни народа, а также в широком этногенетическом, литературном, историко-культурном контексте. Это положение остаётся основным и при конкретно-историческом подходе исследования основных этапов эволюции жанра романа в кабардинской литературе: 1930 – 1950-е, 1960 – 1980-е и 1990-2000-е гг.

Многие исследователи справедливо считают, что литературы народов Северного Кавказа, в частности, адыгские литературы (адыгейская, кабардинская, черкесская), имели свои литературные традиции и своих просветителей до 1917 г.: Ш. Ногмов, С. Хан-Гирей, С. Казы-Гирей, Адыль-Гирей Кешев (Каламбий) и другие. Известный исследователь К. Султанов отмечает: «Наследование повествовательной культуры фольклора, опыта рассказывания и описания, завещанного просветителями, остро воспринималось как необходимое условие главной задачи: открыть внутренние ресурсы художественной выразительности прозы как самостоятельного суверенного рода искусства» [Султанов, 2001, с. 98].

Первые адыгские романы появляются в период 1930-х гг.; «На берегах Зеленчука» (1930) Х. Абукова и «Зарево» (1934) М. Дышекова – в черкесской; «Камбот и Ляца» (1936) А. Шогенцукова – в кабардинской; «Шамбуль» (1937) Т. Керашева – в адыгейской. Периодом расцвета жанра романа в кабардинской литературе исследователи справедливо называют 1960 – 1980-е гг.

Особое место в процессе исследования молодых литератур, в частности кабардинского романа, занимают проблемы взаимосвязи и взаимовлияния фольклора и литературы на различных этапах развития литератур.

Связь романа с фольклором в кабардинской литературе пережила сложную эволюцию: от прямых заимствований до глубокого и плодотворного переосмысления фольклорной художественности. Безусловно, учёба носила в целом творческий характер, хотя порой встречались и издержки: механический перенос в молодую литературу образов, ситуаций из фольклора и более развитых литератур. Реальность могла подменяться фактографией, и тогда создавались схемы и штампы, за-

держивающие естественный процесс освоения писателями мастерства психологического анализа и создания многомерного, развивающегося литературного характера. В то же время относить все трудности в создании национального характера к фольклорному диктату не стоит, так как все молодые литературы вышли из фольклора и в первые периоды развития находились под его влиянием в той или иной степени.

Прежде всего, вероятно, следует говорить о болезнях роста самой национальной литературы, и, в данном случае, о первых национальных романах. Исследуя проблему взаимосвязи и взаимовлияния фольклора и литературы в «молодых» литературах Кавказа, У. Далгат приходит к выводу, что «генетическая идентификация литературных и фольклорных образов приобрела концептуальное значение, став общим явлением литератур народов Кавказа» [Далгат, 1981, с. 211].

Первые периоды формирования литературы были временем подражания русской литературе, учеба у которой принимала именно подобную форму. Но данное явление имело и свою положительную сторону, так как оно ориентировало писателей в выборе тем, событий, в сюжетно-композиционном построении произведения. С другой стороны, одно только подражание не могло способствовать возникновению полноценной национальной художественной прозы и национальной литературы, и писателям понадобилось время, чтобы учеба приобрела творческий характер. Таким образом, писателям, придерживающимся фольклорных традиций, следовало преодолеть их механическое воздействие, ибо их сдерживал не только фольклор, а желание использовать его в первоизданном виде, что придавало произведениям псевдо-романтический и иллюстративный характер.

Исследуя процесс формирования и развития национальной литературы начала XX в., следует помнить, что «рождение национальной литературы связано с процессом активного изучения общезначимого художественного опыта» [Арутюнов, 1972, с. 34].

Для кабардинской литературы этот процесс обогащается за счёт восприятия художественного опыта русской литературы, а также традиций восточной культуры и литературы. Следовательно, только на уровне взаимодействия и взаимообогащения национальных литератур могут быть поняты судьбы её ведущих творческих представителей.

Истории многих национальных литератур представляют процесс их становления как движение от нартского эпоса к роману. Таким образом, формирование литературы рассматривается как уход от фольклорной поэтики, от его эстетической системы и переход к литературе письменной. На самом деле, процесс этот гораздо сложнее и продолжительнее. И лишь когда сформируется новый тип писателей в период 1920 – 1930-х гг., литература уже будет иметь индивидуально-художественный характер.

Как известно, кабардинская литература не могла, как и другие национальные литературы, формироваться только на основе фольклорных традиций.

Опираясь на художественный опыт развитых литератур, она в небольшой степени учитывает и творчество русскоязычного просветительства адыгов. Постепенно, в процессе развития, будет осваиваться принцип синтеза различных ориентаций в литературном процессе.

Относительно жанра романа можно отметить целый комплекс черт историко-культурного характера, но в то же время доминантной основой жанра было и остаётся сегодня художественное познание единства диалектики объективного и субъективного, социального и личного. Современный кабардинский роман исследует пути и сущность развития художественного сознания народа, особенностей формирования личности, даёт углублённое изображение национальной картины мира. М. Бахтин отмечает: «Роман – единственно становящийся жанр, поэтому более глубоко, существенно, чутко и быстро отражает становление самой действительности. Только становящийся сам может понять становление» [Бахтин, 1986, с. 451]. Здесь отмечены те особенности формирования и развития жанровой системы романа, которые отчасти характерны для этапов эволюции романа в кабардинской литературе 1950, а затем и 1960 – 80-х гг.

Следует подчеркнуть, что эпическое мышление играет значительную роль в процессе формирования жанра романа как системно структурной целостности. К примеру, благодаря ориентиру на поэтику фольклора, А. Кешокову, использовавшему также современный литературный опыт, в романе «Вершины не спят» удалось воспроизвести эпически целостную картину мира кабардинского народа.

Основоположник кабардинской литературы Али Шогенцуков первым осознал важность и недостаточность роли фольклора или ориентации только на жанровую систему фольклора в национальной литературе.

От творчества Али Шогенцукова берёт своё начало поиск единства двух типов художественного сознания: лучших традиций фольклора и опыта русской поэтической культуры. Али Шогенцуков в «Камботе и Ляце» по-своему ставит и решает данную проблему, он продолжает художественное исследование и познание национальной истории. Он возвращается к её истокам, к кульминационным моментам, к социальной и духовной структуре адыгского общества, стремится к осмыслению и преодолению трагических потрясений.

Основой, способствующей обретению кабардинской литературой полноты художественного восприятия национального бытия, явилось воссоздание подробностей быта, вековых народных традиций и обычаев.

Первый кабардинский роман «Горцы» (1953) А. Шортанова занимает особое место в истории кабардинской литературы. Обращённый к далёкому прошлому в истории народов Кавказа (начало XIX в.) роман решает значительные проблемы художественного обобщения, связанные с политическими, военными событиями этого периода, при этом уделяя особое внимание традициям, обычаям, быту народов Дагестана, Осетии, Черкесии, Кабарды и Балкарии.

Роман А. Шортанова явился свидетельством не только творческой зрелости самого писателя, но и готовности всей национальной прозы к творческому освоению фольклора, эпических традиций кабардинской литературы и опыта русской классической литературы.

Первый кабардинский исторический роман интересен своей масштабностью, многоплановостью, воссозданием широкой картины изображаемой действительности. Особое место в романе занимают этнофольклорные мотивы, значительно дополняющие и обогащающие художественную ткань произведения. Вместе с тем писателем уделяется большое внимание конкретному анализу развития характеров в романе, который богат как историческими личностями (Шора Ногмов, Шамиль, Ермолов и другие), так и образами, рождёнными авторским замыслом.

В связи с авторским решением образа исторической личности Шоры Ногмова было высказано немало критических замечаний. Так, Х. Теунов, относя к неудачам романа «вольное обращение автора с рядом героев, которые действуют и совершают поступки не в силу событий или характера, а по авторскому диктату» [Теунов, 1958, с. 81], в сущности подчеркнул характерную черту всей северокавказской прозы 1950-х гг.: неумение совладать с обилием материала и, как результат, возникновение в повествовании авторского диалекта, во многом противоречащего естественной логике развития характера. Вероятно, в романе встречается некоторая несбалансированность, несоразмерность исторических фактов и художественного вымысла. На наш взгляд, речь может идти не о незнании А. Шортановым подробностей биографии Ш. Ногмова, а о художественной необходимости введения в повествование этих «несоответствий».

И в этом смысле прав, пожалуй К. Шаззо, который отмечал, что решение «приподнять» этот образ, связать его с идеями народного движение, было вызвано самой же действительностью» [Шаззо, 1978, с. 89].

Для более полной характеристики синтеза двух типов художественного сознания (фольклорного и литературного) – наиболее удачными являются романы «Род Шогемоковых» Х. Теунова, «Вершины не спят» и «Сломанная подкова» А. Кешокова. В этих произведениях обнаруживается глубинное взаимодействие двух художественных систем – фольклора и литературы – в сюжетостроении, композиции, символических мотивах, в образной системе.

Воздействие фольклорно-мифологического мышления обнаруживается в кабардинском романе через его структуру, авторскую позицию на протяжении всей истории его развития. В то время как первые романы использовали фольклор и его жанровую систему несколько прямолинейно, целенаправленно, художественные открытия Х. Теунова, А. Кешокова явились новым шагом в развитии жанра романа в кабардинской литературе.

Название романа Х. Теунова «Род Шогемоковых» уже определяет его жанрово-композиционную особенность: история жизни и борьбы рода Шогемоковых воссоздаётся писателем на фоне исторических со-

бытий Зольского восстания кабардинских крестьян и крупных исторических событий в России начала XX в.

Основной конфликт – непримиримая вражда между родами Шогемоковых и Бороковых, возникшая на основе кровной мести. Но мы бы значительно обеднили содержание произведения, сведя всю проблематику романа только к поступательному изображению жизни и борьбы трёх представителей одного рода по принципу известных семейных хроник. На наш взгляд, задача автора стояла шире: через историю борьбы и возрождения одного рода показать полную драматических перипетий жизнь всего народа на рубеже XIX и XX столетий.

Вместе с «родовой», семейно-бытовой проблематикой в романе «Род Шогемоковых» зримо проводится нарастающая линия повествования: от частного протеста народа к глубокому пониманию социальных проблем, к психологическому исследованию внутреннего мира личности героя. На примере судеб различных поколений рода Шогемоковых писатель воссоздаёт исторические события эпохи, соединяя таким образом в художественное целое историю народа и судьбу отдельной личности.

В романе «Род Шогемоковых» Х. Теунов впервые в кабардинском романе ставит одну из самых трудных проблем литературы: органическое единство исторических, социальных проблем и художественно-психологической мотивированности национального характера. Н. Надъярных, исследуя литературный процесс в целом, отмечает: «Постоянно, на наших глазах совершается двуединое действие, без которого невозможна жизнь словесности. Новая историческая ситуация каждый раз определяет свой круг интересов к традиции, к духовному опыту нации. В свою очередь и сама традиция в новых условиях обнаруживает те стороны и грани, которые до этого либо не были заметными, либо никак не проявлялись» [Надъярных, 2008, с. 18].

Х. Теунов, посвятив роман событиям и людям одного из кабардинских сёл, сумел убедительно показать в рамках развития жанра воздействие глобальных исторических событий на процесс формирования национального характера и личностного сознания.

На новый уровень тема эта поднята А. Кешоковым в романе «Вершины не спят» – исторически обоснованным и эстетически плодотворным сочетанием традиций фольклорно-мифологического мышления с развитым художественным сознанием. Преодолев зависимость от схем героического эпоса, адыгский роман 1960-х гг. преодолел тем самым, с одной стороны, прямолинейное противопоставление прошлого и настоящего, с другой – «притяжение абсолютной эпической дистанции» [Бахтин, 1986].

Не будет преувеличением сказать, что роман «Вершины не спят» стал значительным явлением в кабардинской литературе. Художественно исследуя поворотные этапы истории кабардинского и балкарского народов революционной и послереволюционной эпох, А. Кешоков анализирует закономерности исторического движения, связывая воедино

большие исторические события с судьбами своих героев. Народ и революция, становление национальной интеллигенции, формирование характера – таков далеко не полный перечень проблем, решение которых нашло своё место на страницах романа. Данное явление во многом характерно для развития романа во многих национальных литературах, к примеру, в период 1950-х гг. в казахской литературе появляется роман-эпопея М. Ауэзова «Путь Абая», определивший этапы развития прозы всех среднеазиатских республик.

«Вершины не спят» А. Кешокова типологически близки историко-революционным романам, тяготеющим к эпопее и появившимся в литературе народов СССР в период 1950 – 1960-х гг.: А. Нурпенсов «Кровь и пот», Г. Ходжер «Амур широкий», С. Курилов «Ханидо и Халерха» и другие. Такой роман-эпопея уже стремится к единству коллективного и личного опыта, чем и определяется синтез двух типов фольклорной ориентации. Поиски жанровой формы у А. Кешокова начинаются с внимания к эпическому сознанию народа и к русской классической литературе. Одним из значительных слагаемых успеха романа «Вершины не спят» является интерес писателя к творчеству первых черкесских романистов Х. Абукова и М. Дышекова, к развитию сюжетно-композиционных особенностей романа, определившихся в их произведениях «На берегах Зеленчука» и «Зарево». К примеру, в романе «Чудесное мгновение» жанровые особенности близки к устному народному повествованию. Эпопея состоит из отдельных новелл (хабаров), «но это не только своеобразная стилизация народной манеры повествования» (А. Алиева), но и специфические особенности трудностей формирования романного жанра, с которым столкнулись первые адыгские романисты.

«Вершины не спят» образуют художественную целостность, акцентируют важность нравственного выбора отдельной личности и народа в экстремальной ситуации.

Эта кардинальная для кабардинской литературы тема была продолжена следующим этапом – романом А. Кешокова «Сломанная подкова». Появление в национальной литературе такого романа стало возможным в результате предшествующего развития художественной литературы и вызвано необходимостью осмысления героического этапа в жизни народа. Сравнительно узкие временные и пространственные рамки повествования концентрировали событийность, социально и психологически «уплотнили» сюжет, в котором основное место занимает полемика непримиримых идеологических противников, и как итог – углублённое художественное исследование нравственных ценностей, в конечном итоге предопределивших победу над фашизмом. Сам писатель отмечал: «Роман “Сломанная подкова” появился спустя почти три десятилетия после войны. Но не написать его я не мог, ибо я – живой свидетель тех трагических событий в истории народа, правдивое изображение которых поможет будущему поколению воздать должное бессмертному подвигу отцов» [Кешоков, 1976, с. 168].

Сюжетную основу романа «Сломанная подкова» составляют события, развернувшиеся в Кабардино-Балкарии осенью 1942 г., когда фашистские танковые дивизии рвались к Ростову-на-Дону. Кроме исторических, политических, хозяйственных проблем сложнейшего времени, А. Кешоков решает актуальную для романа XX в. проблему нравственного выбора, встающую перед целым народом, при этом нередко обращаясь к глубинным структурам фольклорного мышления.

На наш взгляд, роман «Сломанная подкова» явился новой ступенью в совершенствовании художественного мастерства писателя, тому подтверждение – изображение героизма народа в борьбе с врагом, батальных масштабных сцен (которых не было в дилогии «Вершины не спят»), создание глубоких национальных образов сельчан и образов рядовых бойцов национальной дивизии. Не менее значительно и другое: в романе «Сломанная подкова» А. Кешоков остаётся признанным мастером в живописании народного, деревенского быта. Художественное мастерство писателя обретает особый колорит, когда он повествует об односельчанах, об их сопротивлении и героизме, о каждодневных заботах.

В романе исследуемого периода тема современности не развивается столь интенсивно, как в повести. Несмотря на появление в кабардинской литературе таких значительных произведений, как «Подари красоту души» Х. Теунова, «Всё остаётся в памяти» Х. Шекихачева, «А тополя всё растут» М. Кармокова, тема сложной и противоречивой современности в кабардинском романе 1960 – 1980-х гг. остаётся неразработанной. В то же время, если современность не «внедряется» в чистом виде в жанр романа, то это не говорит об отсутствии её структурообразующих возможностей. Современность влияет и на жанровую трансформацию романа, и на его образную систему, на создание характера.

Поэтому важно акцентировать особое внимание на преемственности жанрового развития и уже имеющиеся собственно литературные традиции. Последнее интересно в свете появления в кабардинской литературе 1980 – 1990-х гг. таких произведений как «Страшен путь на Ошхамахо» М. Эльберда; «Щит Тибарда» Т. Адыгова; «А тополя всё растут» М. Кармокова; «Всё остаётся в памяти» Х. Шекихачева; «Ошибка» К. Эльгарова; «Каменный век» Х. Бештокова; «Корни» А. Кешокова и другие.

Если анализировать кабардинский роман в аспекте эволюции жанровых форм, то определяется путь национальной литературы. Этот путь обозначен движением от эпопеи А. Кешокова «Вершины не спят» к историческим романам М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» и «Ищи, где не прятал»; Т. Адыгова «Щит Тибарда» и Х. Бештокова «Каменный век». Подобное движение национальной литературы характеризует прежде всего становление собственного романного мышления.

Когда на основе эпического состояния действительности возрождается к новой жизни жанр эпопеи, бывший первым литературным жанром, в котором выразился мифопоэтический тип художественного мыш-

ления, то литература для воссоздания целостной картины бытия вновь обращается к жанру, для которого «эпическая полнота объекта» (Гегель) является структурообразующим принципом, от которого, собственно, начинается художественное освоение мира, начинается литература.

Исследуя кабардинскую литературу через традиционные жанровые дефиниции, мы рассматриваем их в типологических соотношениях с этапным произведением кабардинской литературы – эпопеей «Вершины не спят», которая даёт начало ряду романских структур: семейно-бытовой роман («Род Шогемоковых» Х. Теунова), эпичность которого определяется изображаемой эпохой; историко-философский роман (М. Эльберд, Х. Бештоков); «Щит Тибарда» Т. Адыгова; «Ошибка» К. Эльгара, продолжающие процесс лиризации жанра. Становление жанра романа в литературах – процесс диалектически сложный и противоречивый. Невозможно однозначно определить отношение кабардинского романа к своим истокам и к традициям русской литературы. Именно этим объясняется попытка аргументировать концепцию фольклора и романа на разных уровнях (временных и художественных), которые проявляются как в содержательной стороне произведения, так и в поэтике – от символических лейтмотивов до жанровых особенностей. В связи с этим рассмотрение жанра романа в его становлении и развитии требует широкого контекста, так как его закономерности характерны для многих «молодых» литератур.

Литература

Арутюнов Л.Н. Взаимодействие литератур и проблема новаторства // Единство, рождённое в борьбе и труде. М.: Известия, 1972. 441 с.

Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Худ. литература, 1986. 543 с.

Далгат У.Б. Литература и фольклор. М.: Наука, 1981. 304 p.

Кешоков А. Знак мастера // Лауреаты России. М.: Современник, 1976. 395 с.

Надъярных Н.С. Аксиология перечтений. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 335 с.

Султанов К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: Наследие, 2001. 194 с.

Теунов Х.И. Литература и писатели Кабарды. М.: Сов. писатель, 1958. 382 с.

Шаззо К.Г. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. Тбилиси: Мецниереба, 1978. 237 с.

References

Arutyunov L.N. Vzaimodeystviye literatur i problema novatorstva. *Yedinstvo, rozhdennoye v bor'be i trude*. M., Izvestiya, 1972. 441 p. (In Russian).

Bakhtin M.M. *Literaturno-kriticheskiye stat'i*. M., Khud. literatura, 1986. 543 p. (In Russian).

Dalgat U.B. *Literatura i fol'klor*. M., Nauka, 1981. 304 p. (In Russian).

Keshokov A. Znak mastera. *Laureaty Rossii*. M., Sovremennik, 1976. 395 p.

Nad'yarnykh N.S. *Aksiologiya perechteniy*. M., IMLI RAN, 2008. 335 p. (In Russian).

Sultanov K. *Natsional'noye samosoznaniye i tsemnostnyye oriyentatsii literatury*. M., Naslediye, 2001. 194 p. (In Russian).

Teunov Kh.I. *Literatura i pisateli Kabardy*. M., Sov. pisatel, 1958. 382 p. (In Russia).

Shazzo K.G. *Khudozhestvennyy konflikt i ehvolyutsiya zhanrov v adygsikh literaturakh*. Tbilisi, Metsniyereba, 1978. 237 p. (In Russia).

Andzhella Kh. Musukaeva, Islam V. Gyazov (Nalchik, Kabardino-Balkaria, Russian Federation)

Kabardian Novel through the Evolution of Genre Forms

The article analyzes the main stages of the evolution of the novel genre in Kabardian literature. In the early Kabardian literature, which originated in the 1920s, the first novel appeared in 1953 – “Highlanders” by A. Shortanov. The article discusses the most significant works of the period of the 1950s-1990s. The genre of the novel is studied in the aspect of the correlation of oral folk art of the Kabardians and the stages of development of national literature. Special attention is paid to the prose of A. Keshokov, as the founder of the genre of socio-psychological and philosophical novel.

Key words: *folklore, novel, history and modernity, evolution, typology, artistic originality.*

Andzhella Kh. Musukaeva – grand Ph.D. of Philology, professor of Russian and Foreign literature dpt. Kabardino-Balkaria State University. Phone: 8-938-692-73-43

Islam V. Gyazov – post-graduate student of Russian and Foreign literature dpt. Kabardino-Balkaria State University. Phone: 8-909-492-52-44

УДК 821.161.1(091)
ББК 83.3(4Рос)

О.Б. Заславский

**«УТЕС»
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА:
МОТИВ ОДИНОЧЕСТВА
В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА**

Показано, что в стихотворении значим ряд фольклорных и мифологических (в том числе общемировых) образов и сюжетов – мировое древо, сказка о жар-птице, миф об Амуре и Психее. Во всех случаях стандартная схема значимо деформирована, так что в противоречии с оригиналом доминирует мотив одиночества и невозможность встречи. Также выявлены иконические элементы внутренней структуры текста, воплощающие основные мотивы произведения.

Ключевые слова: *мотив; структура; сюжет; подтекст; мировое древо.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-140-145

Заславский Олег Борисович – докт. физ.-мат. наук, ведущий научный сотрудник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина
E-mail: zaslav@ukr.net

© Заславский О.Б., 2019.

*Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;*

*Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.*

М.Ю. Лермонтов

Стихотворение «Утес» неоднократно становилось предметом специальных разборов. Однако в их заметной части доминирует импрессионистический стиль, из-за чего анализ во многом подменяется общими рассуждениями о сильном эмоциональном впечатлении, производимом данным произведением. Цель настоящей заметки состоит в том, чтобы указать несколько аспектов, где, как нам представляется, можно продвинуться в понимании художественной структуры данного произведения, не прибегая к трудно проверяемым субъективным утверждениям.

Образ мирового древа

Художественное пространство стихотворения распадается на три основных зоны. Это – небо («лазурь», по которой умчалась тучка), земля, представленная пустыней, и утес, их соединяющий. Такая трехчленная структура типична для картины мира, в которой мировое древо (функцию которого в данном случае выполняет громадный утес) выполняет срединную объединительную функцию [Мифы народов мира, 1987, с. 398 – 400]. Причем антропоморфная тучка, нашедшая временное пристанище, оказывается как

раз в срединной зоне (на груди утеса-великана), где обычно на мировом древе находятся земные существа.

Тем самым, номинально утес выполняет, казалось бы, объединительную функцию. Но именно соотнесение с таким универсальным образом позволяет увидеть принципиальное отклонение от него, так как утес воплощает здесь тему одиночества, причем вдвойне – это относится как к статической норме (он находится в пустыне), так и случайной динамической «флуктуации» (эпизоду с тучкой).

В поэзии Лермонтова образ мирового древа неявным образом возникал в стихотворении «Выхожу один я на дорогу», которое занимает принципиальное место в эволюции позднего Лермонтова. В нем первоначальная разорванность и противопоставление полярных начал, характерные для Лермонтова, заменяется объединением [Лотман, 1988, с. 234]. Однако, как мы видим, примерно в то же время тот же образ возникает у Лермонтова и в принципиально другом контексте, указывая, наоборот, на невозможность достижения гармонии. Ранее нам уже приходилось указывать на сложность эволюции позднего Лермонтова и вносить коррективы в эти наблюдения Лотмана [Заславский, 2016, с. 15]. Представленные выше соображения представляют собой еще один пример такого рода.

Фольклорный и мифологический сюжеты: жар-птица, Амур и Психея

Сюжет стихотворения может быть описан, в общих словах, следующим образом. Некоторое существо проводит ночь любви, а затем исчезает, причем на одном из влюбленных остается след. Но это – не что иное, как ситуация мифа об Амуре и Психее, и вместе с тем – данного стихотворения (вместо капли масла – здесь влажный след, оставленный тучкой). Дополнительно, здесь значим мотив летучести (улетающая тучка – улетающий Амур). Однако в данном случае миф трансформирован: исчезает не мужской персонаж (Амур или Купидон в мифе), а женский (тучка). Причем оставшийся, в отличие от мифа (где Амур и Психея воссоединяются), не имеет шансов найти исчезнувшего, поскольку является воплощением неподвижности. И здесь (как и в случае с образом мирового древа) проекция на общеевропейскую стандартную культурную схему только подчеркивает безнадежность положения.

Кроме того, в стихотворении можно видеть и преломление сказочного сюжета о жар-птице, которая оставляет золотое перо (свой след) и улетает. С этим согласуется и эпитет «золотая». Но и в данном случае, по контрасту со сказочным сюжетом об успешном добывании невесты – жар-птицы, персонаж (утес) остается в состоянии полного и вечного одиночества.

«Утес» и «Анчар»

Мы хотим также обратить внимание на литературный подтекст, связанный с данным стихотворением мотивом полного одиночества. Это – пушкинский «Анчар». Утес остается один в пустыне, Анчар –

«один во всей вселенной» – отделен от нормального мира. Пушкинское стихотворение начинается со слов «в пустыне», а лермонтовское ими как раз заканчивается. Упоминается в «Анчаре» и туча, оставляющая след: «И если туча оросит, // Блуждая, лист его дремучий, // С его ветвей уж ядовит // Стекает дождь в песок горячий.» Источник смерти из пушкинского стихотворения превратился у Лермонтова в страдающего субъекта.

Оставленный след

Тучка названа золотой. Можно понимать это как результат освещения солнечными лучами. Однако этот эпитет возникает еще до того, как сказано о наступлении утра, – в 1-й строке, где говорится о ночлеге тучки. Получается, что воздействие солнца оказалось неотчуждаемым отпечатком, идентифицирующим персонаж. Этот отпечаток остается даже при отсутствии фактора, который его вызывает. Так и утес хранит след тучки, хотя она уже улетела. Тем самым, мотив следа, который оставляет внешний агент, в стихотворении удвоен.

Персонажи и их звуковые лейтмотивы

Слова, обозначающие персонажей («тучка» и «утес»), имеют общий фрагмент из двух элементов. В 1-й строфе (в основном связанной с тучкой) встречается наименование ТУчка, а также 3 слова УТеса, УТром, ПУТЬ. Во 2-й строфе, в основном посвященной утесу, 4 раза повторяются звуки (буквы) его имени и эпитета «старый»: СТАрого УТеСа, СТойт, ПУСТыне. Таким образом, наблюдается почти полная симметрия: 4 наименования в 1-й строфе (одно, связанное с именем тучки, и три – с именем утеса) и 4 во 2-й (все – относящиеся к утесу). Суммарно, получается только 1 сочетание рассматриваемого типа, относящееся к имени тучки, и 7 – к имени утеса. Тучка представляет собой персонаж с противоположным (относительно утеса) порядком следования ключевых букв, который нигде больше не повторяется. Тем самым при помощи имен, метонимически воплощающих самих персонажей, показана невозможность единения.

След в морщине и след в структуре

Стихотворение, как известно, написано хореем. Но на его фоне значение приобретают мельчайшие вариации из-за присутствия пиррихий. В 1-й строфе, в которой описаны действия тучки, 1-я, 2-я и 4-я строки имеют полностью одинаковую структуру – – + – + – – – + – (где «–» относится к безударному слогу, а «+» – к ударному). Во 2-й строфе, где описан результат этих действий для утеса, такую же структуру имеет 3-я строка. В этом смысле ее можно считать «следом», оставшимся от тучки.

Еще одним способом воплощения «следа» служит графика. Длина строк в 1-й строфе сначала увеличивается (от 1-й строки к 3-й), затем в 4-й строке уменьшается. Во 2-й строфе – сначала уменьшается (от 1-й ко 2-й), потом в 3-й и 4-й строках растет. Если присмотреться к геометрическим фигурам, образованным концами строк, то в 1-й и во 2-й строках они дополнительно друг другу. В 1-й строфе (посвя-

щенной тучке) эта фигура имеет вид наконечника стрелы, направленного наружу, а во 2-й (посвященной утесу) – вовнутрь, как если бы это представляло собой след, оставленный в утесе тучкой.

Переносы

Как заметил Д. Секе [Секе, 1966, с. 40], у Лермонтова в трех стихотворениях («Утес», «На севере диком», «Парус») слово «одинок» стоит в конце строки и поэтому, по мнению исследователя, само называется «одиноким», тем самым иконически воплощая идею в структуре. Наблюдения Секе по поводу места этого слова в строке, а также его утверждение о том, что такие вещи нагружены семантически, представляются безусловно верными и важными. Однако конкретная реализация этих принципов, как они изложены в работе Д. Секе, по нашему мнению, неубедительна. Сам по себе тот факт, что слово стоит в конце строки, еще недостаточен для воплощения мотива одиночества – иначе пришлось бы считать таковыми последние слова всех строк, а также все первые (поскольку в той же строке у них нет соседей с одной из сторон).

Содержательность, по нашему мнению, этот прием приобретает по другой причине. Дело здесь заключается в сочетании слова «одинок» с переносом (о чем Секе упоминает, не делая вывода). Фраза не обрывается, а продолжается в следующей строке, где продолжается и рассказ об одиночестве. Тем самым само свойство одиночества как бы переносится из одной строки в другую, получает длительность и не заканчивается. Причем это тем более содержательно, что сам по себе переход в следующую строку (т.е. воссоединение с другими словами), казалось бы, должен противостоять одиночеству.

В данном контексте стоит еще обратить внимание на место, которое занимает слово «пустыня». Оно завершает не только стихотворение, но и сам по себе мотив одиночества. Если его мысленно убрать, получится просто метафора неудавшейся любовной истории. Однако появление этого слова переводит ситуацию в другой регистр и делает одиночество экзистенциально значимым фактором. Пустыня – воплощенное ничто, зона отсутствия, окружающая единственный персонаж – утес, который после ухода тучки остается в абсолютном одиночестве. Неслучайно слово «пУСТыня» анаграмматически воплощает основные звуки слова «утес». И это слово, стоящее в конце текста, соседствует с полным отсутствием слов, в результате чего семантизируется его пространственное положение. Причем значимость именно пространственной категории усиливается тем, что само слово «пустыня» указывает на тип пространства. Дополнительно эффект усиливается графически: маленькое стихотворение оказывается на фоне большого пустого поля страницы (ср. с ролью пустого пространства в тетради, в которой был написан «Штосс» [Заславский, 2012, с. 55]).

Характер длительности

Если подходить к делу реалистически, то следовало бы признать, что «плач» утеса будет длиться недолго – пока под солнцем пустыни

не высохнет вода, конденсировавшаяся в результате пребывания тучки. Однако все в стихотворении говорит, что поэтическое здесь решительно расходится с физическим. Уже само противопоставление с противительным союзом «но» в начале 2-й строфы указывает на то, что этот след противопоставлен мимолетному пребыванию тучки и потому реализует оппозицию «мимолетное – вечное». Об этом же говорит и «остановленное» настоящее время, указывающее на процесс, в котором не видно никакого конца. Также, впечатление и эмоции, доставшиеся на долю утеса, не определяются одним лишь водным следом и продолжают без окончания. Все это вписывается в общую поэтику Лермонтова, в которой важную роль играет мотив вечного, никогда не заканчивающегося одиночества [Заславский, 2015, 2016].

Заключение

Идея одиночества и невозможности встречи воплощена в стихотворении целым рядом способов. В том числе это относится к использованию стандартных и универсальных сюжетов и образов. Их переосмысление приобретает трагическое звучание, отсутствовавшее в оригиналах.

Литература

Заславский О. Б. Закончен ли «Штосс»? // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71, № 4. С. 52 – 59.

Заславский О. Б. Парадоксы вечности в поэтике Лермонтова // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75, № 1. С. 5 – 16.

Заславский О. Б. Тема и структура стихотворения «На севере диком...» // Тарханский вестн. 2015. Вып. 27. С. 51 – 57.

Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954 – 1957. Т. 2: Стихотворения, 1832 – 1841. 1954

Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988.

Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987.

Секе Д. О структуре стихотворения Лермонтова «Утес» // *Dissertationes Slavicae, Slavistische mitteilungen, Материалы и сообщения по славяноведению*. IV, Szeged, 1966. С. 39 - 40.

References

Zaslavskiy O. B. Zakonchen li “Shtoss”? *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2012, vol. 71, no. 4. pp. 52-59 (In Russian).

Zaslavskiy O. B. Tema i struktura stikhotvoreniya «Na severe dikom...». *Tarkhanskiy vestn.*, 2015, vol. 27, pp. 51-57. (In Russian).

Zaslavskiy O. B. Paradoksy vechnosti v poehtike Lermontova. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. Т. 75. 2016, no. 1, pp. 5-16. (In Russian).

Lermontov M. Yu. *Sochineniya: v 6 t.* М.; Л., Izd-vo AN SSSR, 1954-1957, vol. 2: Stikhotvoreniya, 1832-1841. 1954. (In Russian).

Lotman Yu. M. *V shkole poehticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol’*. М. 1988. (In Russian).

Seke D. O strukture stikhotvoreniya Lermontova “Utyos”, *Dissertationes Slavicae, Slavistische mitteilungen, Materialy i soobshcheniya po slavyanovedeniyu*. IV, Szeged, 1966. Pp 39-40.

Oleg B. Zaslavsky (Kharkiv, Ukraine)

M. Yu. Lermontov's "The Cliff": Motive of Loneliness in the Structure of the Text

It is shown that in the poem a number of folklore and mythological (including universal) images and plots are significant – the world tree, the tale of the firebird, the myth of Cupid and Psyche. In all cases, the standard scheme is significantly deformed, so that the motive of loneliness and the impossibility of meeting dominate in contradiction with the original. Also it is identified the iconic elements of the internal structure of the text, embodying the main motives of the work.

Key words: *motive, structure, plot, subtext, world tree.*

Oleg B. Zaslavsky – grand Ph.D. of Physical and Mathematical Sciences, senior scientific researcher. Kharkiv National University of V.N. Karazin.

E-mail: zaslav@ukr.net

УДК 82-1/- 9
ББК 83.0

С.В. Минасян

**ПАСТИШ КАК ПРИЕМ
ГРОТЕСКНОГО
КОНСТРУИРОВАНИЯ
РОМАНА БОРИСА ВИАНА
«РАЗБОРКИ
ПО-АНДЕЙСКИ»**

Рассматриваются особенности гротескного конструирования романа Б. Виана «Разборки по-андейски». Показано, что одним из доминирующих приемов создания гротескного пространства произведения выступает пастиш в постмодернистском смысле наполнении. Доказывается, что уже первый роман Виана являет себя предвестником будущей постмодернистской рефлексии. Экспериментируя с разнообразными жанровыми системами, синтезируя их и размывая границы, Виан утверждает принцип «патафизического» мира в своем главном стремлении – шокировать и удивлять читателя неожиданными поворотами сюжета и действиями персонажей, целенаправленно, на протяжении всего произведения разрушать горизонт ожидания читателя, вовлекая его в игровое пространство романа. Первый роман писателя знаменует собой рождение особого виановского стиля, который становится основой всего его последующего творчества.

Ключевые слова: *Борис Виан, первый роман, пастиш, комический гротеск, патафизика.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-146-153

Минасян София Витальевна – канд. филол. наук, доцент кафедры «Мировые языки и культуры» Донского государственного технического университета
Тел.: 8-950-840-80-08
E-mail: suffi@mail.ru

© Минасян С.В., 2019.

Обращение в настоящей статье к первому роману Бориса Виана «Разборки по-андейски» продиктовано стремлением эксплицировать начало рождения особого виановского мира, уникальную манеру писателя, которая становится основой всего его последующего творчества. Обращение к первому роману Бориса Виана позволит также установить влияние разных художественных направлений, смешение которых образует неповторимый виановский стиль, предопределивший основные черты литературного постмодерна. Можно предположить, что в одной из первых проб пера автор сознательно конструирует патафизическое пространство художественного произведения, претворяя на его страницах основные литературные открытия патафизики, заявленные Альфредом Жарри в пьесе «Король Убю» [Жарри, 1995] и в романе «Деяния и суждения доктора Фаустролля, патафизика» [Жарри, 1911]. Основная цель романа Виана – идея литературной свободы, вызов, брошенный устоявшимся литературным канонам. Отсюда и любовь к эмоционально окрашенному, гротескному изображению реальных личностей, страсть к мистификациям, ирония и жестокость, окрашенные в карнавальные тона. Велико влияние на творчество Виана идей Раймона Кено с его требованием свободы литературного языка, смешения на страницах произведений низкой и высокой культуры, литературного и разговорного языка, сленга, конструирования неологизмов. Иными словами, провозглашается приоритет игры автора

с читателем с использованием всех возможностей – игры слов, игры сюжетов, игры стилей. Подобная стратегия в достижении заявленной цели требует вполне определенных приемов – использование пастиша, аллюзий и гротескного конструирования реальности.

«Разборки по-андейски» – это осознанная автором проба воссоздания патафизического мира, написанный для узкого круга семьи и друзей литературный «развлекательный» эксперимент. В нашей работе [Минасян, 2013] говорится о том, что сам Виан «вел отсчет своего романного творчества от произведения “Пена дней”, сегодня многие отечественные и зарубежные литературоведы считают “Разборки по-андейски” первым романом Бориса Виана. Уже здесь достигает определенности основополагающая черта виановского творчества – преобладание виртуального над реальным и гротескная доминантность» [Минасян, 2013, с. 63]. Благодаря тому что Виан не рассчитывал на широкий круг читателей, ему удалось театрализовать действие не только на уровне изображения персонажей, напоминающих площадных кукол, но и с помощью хода и манеры изложения действия.

Одним из доминирующих приемов в романе выступает пастиш, который, по мнению многих авторов, приходит на смену пародии в модернизме и закрепляет себя в постмодернизме. Пародия служит отрицанию пародируемого, неся в себе при этом скрытый мотив, «что еще существует нечто нормальное на фоне изображаемого в комическом свете» [Jameson, 1984, p. 114]. Пастиш же рассматривается идеологами постмодернистского направления в качестве альтернативы пародии. Пастиш – это создание сознательно деформируемой литературной копии, своеобразная интертекстуальная игра, которая хотя и отсылает к первоисточнику или серии первоисточников, требуя определенной эрудиции читателя (приглашая читателя включиться в игру с автором), при этом не пародирующая, а расставляющая определенные акценты на чертах оригинала. Как отметили писатели Даниэль Натан и Манфред Ли (выступавшие под псевдонимом Элери Куин), пастиш – серьезная и искренняя имитация в точной манере оригинального автора [Что такое пастиш, 2018]. Ф. Джеймсон отмечает, поскольку пародия «стала невозможной «из-за потери веры в “лингвистическую норму” или норму верифицируемого дискурса, то в противовес ей пастиш выступает одновременно и как “изнашивание стилистической маски” (т. е. в традиционной функции пародии), и как нейтральная практика стилистической мимикрии» [Jameson, 1984, p. 114].

Уже первый роман Виана может рассматриваться как предвестник постмодернистской рефлексии. Автор «сшивает» роман из всевозможных стилистических, образных и сюжетных форм, совершая экскурс по литературе разных эпох и жанров, демонстрируя эрудированность утонченного интеллектуала. Экспериментируя с разнообразными жанровыми системами, синтезируя их и размывая их границы, Виан утверждает принцип своего «патафизического» мира, нащупывает его за границами метафизического [Казакова, 2004].

В «Разборках по-андейски» превалирует самопародийное смешение жанров детектива и сказки. Жанр сказки в традиционном прочтении предполагает победу добра над злом, сама идея которой полностью устраняется автором из контекста произведения как несущественная. Здесь отсутствует прямая пародия на какую-либо известную миру сказку, сказочные элементы в модифицированных вариантах участвуют в конструировании Вианом патафизического мира произведения.

Этой же цели служит и детективная основа романа. Прежде всего, отсутствует общепринятая для жанра детективного романа завязка – криминальная интрига, вовлекающая читателя в расследование преступления. Первые главы произведения вообще не предвещают последующего детективного развития сюжета, которое начинается лишь с десятой главы. Предыдущие девять глав – это своеобразные интерлюдии, «не случившийся» пастиш на романы других жанров (фрагментарное пастиширование жанрово-стилистической специфики философского, исторического и психологического романов).

Первая глава – приготовления графа Адельфина де Нуващье к великосветскому приему приправлено осмеянием традиции детального описания внешнего вида и одежды героев литературных произведений прошлых веков, усиливаемое используемым писателем смешением литературного языка и сленга. Вторая глава романа свидетельствует о знакомстве автора с произведением Платона «Государство», с платоновской аллегорией – пещерой, в которой находятся люди в оковах, что не позволяет им обернуться к свету. Этой аллегорией Платон пытается показать, что чувственный мир человека позволяет ему составить представление лишь о тенях, познание же истинного смысла предметов требует огромных усилий. Виан не лишает себя удовольствия в создании памфлетной конструкции на философский роман, во многих из которых под прикрытием великих имен происходит искажение сути учений мыслителей. Так, и Адельфин в выборе *цвета ботинок* отталкивается как бы от Платона: «Исходя из аналогичной идеи, Адельфин сказал себе: а отчего бы башмакам не быть желтыми, коль скоро я выезжаю в свет в потемках?» [Виан, 1999] («pourquoi pas des souliers jaunes si je ne me montre qu'à contre-jour?» [Vian, 2010, p. 44]).

Третья глава – очередной памфлет уже на психолого-философские изыскания современной автору науки, представленные анализом мотивов поступка Адельфина при поднятии из-под кровати оторвавшейся от воротника пуговицы: «На самом деле подлинной причиной его непреднамеренного жеста явился сложный внутренний феномен, основанный на ненормальном, где-то даже извращенном процессе, который великие философы окрестили ассоциацией идей... факта пропажи оказалось достаточно, чтобы пролить ярчайший свет на источник жеста, разумность коего – без блистательного анализа, ставшего предметом рассмотрения настоящей главы единственно, благодаря применению науки философии, – несомненно, осталась бы покрытой мраком неизвестности и подверглась флуктуациям разного рода со стороны непосвященных с мани-

акально-депрессивным расстройством психики» [Виан, 1999] («C'est à la suite d'un phénomène, bien connu des philosophes, et communément appelé association d'idées... Il n'en faut pas plus pour remonter à la source d'une manifestation d'activité, dont la raison, pour paraître mystérieuse au premier abord, ne s'en éclaire par moins d'un jour aveuglant à la lueur de brillante analyse qui fait l'objet de ce chapitre» [Vian, 2010, p. 45]).

Виан сознательно деформирует и кодирует на протяжении всего романа исторические имена и события. Главного персонажа романа, появляющегося в четвертой главе в сопровождении пастишированного описания его портрета, автор наделяет именем царя Мессинии (Греция, VIII в. до нашей эры) – Антиохом. Известен исторический факт противостояния Антиоха своему брату Андроклу и последующего убийства сторонниками Антиоха Андрокла. И только имя героя может дать сведущему читателю намек, что в романе будет-таки детективная подоплека: где-то должен обнаружиться брат Антиоха, который погибнет от руки того же Антиоха.

В VI главе читателю представляется друг Адельфина Серафимьо. Дальнейшие главы посвящены пребыванию друзей на рауте, как вдруг в десятой главе в комнате, где поочередно отключаются электрические лампочки и друзья оказываются «во тьме» (так что упоминание в предыдущей главе пещеры Платона оказывается, как нельзя, кстати), обнаруживается, что из кармана Адельфина похищен «двухголовый трахтрахфей». Вот тут-то с включением в тот же момент света и разворачивается детективное движение романа в поисках трахтрахфея. К XIV-XV главам вскрывается еще одна уловка-интрига писателя, читатель вдруг понимает, что главными действующими лицами в этих поисках выступают другие персонажи – Майор и Антиох. Подобная игра автора не может не вызвать недоумение читателя, которого на протяжении значительной части романа попросту «водили за нос», когда воспринимаемые им первоначально в качестве главных героев персонажи оказываются всего лишь подручными помощниками истинных искателей трахтрахфея.

Варьирование тональностями первых глав произведения с использованием смыслового подobia и переплетения различных фрагментов, смещение пространственно-временных континуумов позволяют автору создать особенный игровой фон, благодаря которому на последующих страницах будет проявлена закодированная сюжетная линия в пастишированном переплетении жанров сказки и детектива. Это позволяет писателю целенаправленно, на протяжении всего произведения, разрушать горизонт ожидания читателя, вовлекая его в игровое пространство романа. Роман оказывается самопародией, в котором нарушены все основные каноны различных литературных жанров.

Банальность избранного автором сюжета свидетельствует об истинном замысле Виана – использовать все возможные способы для разрушения правил и норм традиционной литературы. Одним из таких приемов становится чтение манускрипта, которое растягивается на девять глав, комично озаглавленных: «Манускрипт», «Чтение манускрипта»,

«Продолжение манускрипта», «Продолжение продолжения манускрипта», «Опять этот манускрипт», «Все тот же манускрипт», «Манускрипт еще не кончился», «Еще несколько страничек», «Еще восемь страниц». Следует подчеркнуть, что объем манускрипта невелик, стиль его написания говорит о том, что это страницы какого-то другого произведения. Таким образом, Виан пастиширует литературный прием «роман в романе», «текст в тексте».

Эффект «обманутого ожидания» читателя писатель усиливает постоянным отвлечением от сюжетной линии, используя особые перерывы, наподобие антрактов театрализованных постановок. Так, отправляясь за лодкой с целью поиска отца Антиоха, герои вдруг решают отдохнуть, позагорать, что ослабляет сам накал предпринятого ими путешествия. Следующим перепадом между важностью намерения персонажей, соответствующего детективной линии сюжета, и их поведением становится «обмен исключительно тонкими афоризмами насчет женщин и любви», когда перед ними стоит задача выбраться из опутавших их струн пианино. Использование подобных остановок в повествовании деформирует время повествования и напоминает эффект стоп-кадра, используемого в кино. Таким образом, писатель вносит в ткань романа заимствованные из другого вида искусства приемы, что дополнительно подчеркивает эклектичность романа на уровне формы.

Особенностью стиля писателя становится игра контрастов, двойственность, создающая комический эффект. Марк Лапшранд назвал роман «Разборки по-андейски» «романом-фельетоном... комическим вымыслом, приправленным ингредиентами приключенческого и шпионского романов» [Vian, 2010, p. 1132]. В работе С.В.Минасян доказывается, что комическое используется в первых романах Виана как формообразующий прием для возникновения гротескного пространства и проявляет себя именно как зависимая часть гротеска [Минасян, 2013].

Гротескная реальность конструируется Вианом на платформе двойственного отношения к любой ситуации, основой становится амбивалентность, присутствующая на уровне сюжета, персонажа, слова. Так, для писателя главные герои романа безоговорочно положительны, ведь их образы списаны с его личных друзей, потому они могут вести себя каким угодно неблагоприятным образом, совершая ужасные поступки вплоть до убийства, но при этом они всегда правы. Так, Антиох без особого смысла убивает своего брата. Чтобы «отомстить англичанам за те оскорбительные выпады, которые они позволили себе по отношению к Наполеону во время его заточения в Эйфелевой башне / башне Нэсль» [Виан, 1999] («Ils voulaient se venger des insultes subies par Napoléon, du fait des Anglais, pendant son exil à la tour de Nesle» [Vian, 2010, p. 93]). Майор и Антиох выбрасывают за борт судового дилера по имени Саломон Пац, принимая его за истинного англичанина, хотя читатель не сомневается в его не английском происхождении.

Виан восхищается своим главным героем – Майором, прообразом своего личного друга Жака Лустало. Развитие сюжета служит главной

цели (если вспомнить, что роман-таки писался для личных друзей) – представить Майора супергероем, совершающим подвиги без страданий и угрозы для жизни, выходящим из перипетий победителем всегда и во всем. Конструированный писателем гротескный мир, несмотря на черный юмор, наполнен смехом и дружбой, имеет комическую направленность с чертами карнавальности. Необоснованность для развития сюжета жестокости и убийств выглядят ирреально, а смерть приобретает комический оттенок. Трагизм здесь отсутствует. «Персонажи умирают как будто “понарошку”, находясь в тайном сговоре со своими “убийцами”» [Минасян, 2013, с. 103].

Игра контрастов, нарочитая алогичность фактов, ведущая к потере смысла и абсурду, разворачиваются в романе в немотивированном движении сюжета, в бессвязном наборе нелепых событий. Так, обретая ценный трахтрахфей, ради которого затевалось авантюрное приключение, совершались подвиги, приправленные погоней и убийствами, в последнем эпизоде романа попросту выкидывается в океан. Абсурдным выставляется и отношение Антиоха к отцу, владельцу трахтрахфея, которого Антиох вначале спасает, а затем непредсказуемо убивает.

Вкрапленные в ткань произведения исторические фрагменты сознательно кодируются и деформируются. В приведенной выше цитате абсурдно смешивается различный ряд исторических фактов: башня Нэсль была разрушена задолго до рождения Наполеона. Писатель пытается поймать читателя на незнании того или иного исторического факта. В четвертой главе романа он упоминает древнеримских богинь судьбы (Парки), связывая необходимость придания пропорциональной формы тараканьим усам Адельфина со взмахом ножниц одной из прищурившихся парок [Vian, 2010, p. 45]). Или описание хрустальной вазы в восьмой главе романа, «где воспроизводилась в мельчайших деталях и художественных подробностях левая грудь Пентиселеи, та самая, каковую она себе удалила, чтобы сподручнее было пускать стрелы из лука» [Виан, 1999] («reproduisant avec tous ses moindres détails le sein gauche de Penthésilée, celui qu'elle s'était fait couper pour tirer des coups avec son arc») [Vian, 2010, p. 49 – 50]. Хотя в мифах о древнегреческой царице амазонок Пентиселеи есть упоминание о ранении ее в правую грудь. Автор постоянно расставляет подобные ловушки для читателя. Так, говоря о стакане томатного сока, имеющего высокий градус со времен «взятия галльской Алезии Иудой Маккавеем» [Виан, 1999] («d'avant la prise d'Alésia par Judas Macchabée» [Vian, 2010, p. 84]), писатель позволяет себе полное пренебрежение исторической правдой: Иуда Маккавей погиб в 160 г. до нашей эры, возглавив восстание евреев против Антиоха Эпифана. Взятие галльской Алезии римской армией под командованием Гая Юлия Цезаря, явившееся завершением восьмилетней галльской войны, датируется 52 годом нашей эры. Подобными несуразницами писатель стремится не только вызвать в читателе недоумение, но и привлечь его внимание к более глубокому знанию исторических фактов.

Серьезный тон сохраняется автором и при гротескно комическом обращении его к сфере искусств и к сфере науки, особое звучание при-

обретает бравада писателя антинаучными высказываниями. Так, в пещере, куда попадает Антиох, на ее сводах сохранились «рисунки Дюзера (Duzob), знаменитого художника-троглодита, сочетавшего в своем творчестве классический пещерный и нео-палеолитический стили и оставшегося непризнанным современниками» [Виан, 1999] («La voûte mêlait le style caverne classique au néo-paléolithique inventé par Duzob, le célèbre troglodyte, incompris de son temps» [Vian, 2010, p. 92]).

Или: «Фабр в своих трудах, столь часто охаянных и так превратно подчас истолкованных, приводит красочное описание насекомого таракан: “Эта мерзопакостная тварь откладывает яйца по весне и размножается в трубах для стока нечистот. И он по-своему прав» [Виан, 1999] («Fabre, dans ses ouvrages si souvent décriés, et tant jamais bien compris, peint le cancrelat en ces termes: “C`est un sale bestiau qui pond au printemps et se reproduit dans les égouts.” Il n`a pas tort» [Vian, 2010, p., 53]). Используя научный стиль, автор непременно разбавляет его словечками из арго или сленга, конструирует неологизмы, о чем подробно сказано в работе А.В.Канеевой и С.В.Минасян [Канеева, Минасян, 2016]. В качестве примера приведем следующее высказывание: «Чтоб твоя прямая кишка намоталась на толстую одиннадцать раз! Чтоб тебя шакалы сожрали с вонючими потрохами! И не подавились костями! Оставь в покое несчастного ветерана!» [Виан, 1999] («Que tes entrailles se nouent onze fois et que le chacals dévorent tes fragments putrides! Tu vas y trouver un os! Laisse en paix ce malheureux vieillard!» [Vian, 2010, p. 100 – 101]).

Гротеск – главный конструкт пастиша Виана. Именно на гротескной основе удастся столкнуть в одном интертекстуальном пространстве фрагменты различных текстуальных миров, порождающих абсурдистскую ситуацию. Пастиш, по-постмодернистски, строящийся на гротеске, становится одним из основных приемов творчества Виана.

Литература

Виан Б. Разборки по-андейски / пер. с фр. А. Маркевича // *Виан Б.* Пена дней: романы. Ростов н/Д.: Феникс; Харьков: Фолио, 1999. С. 9 – 78.

Казакова И.А. Художественный мир ранней прозы Бориса Виана: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2004. 288 с.

Канеева А.В., Минасян С.В. Неологизм как основная единица языковой игры в романном творчестве Бориса Виана // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 4. С. 91 – 104.

Минасян С.В. Формы гротеска в прозе Бориса Виана: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 380 с.

Что такое «пастиш». [Электронный ресурс] URL: https://studwood.ru/936173/literatura/takoe_pastish (дата обращения: 11.01.2019).

Jameson F. Postmodernism and consumer society // *Jameson F.* The antiaesthetic: Essays on postmodern culture. Port Townsend / Ed. by Forster H., 1984. P. 111 – 126.

Jarry A. Gestes et opinions du Docteur Faustroll, pataphysicien. 1911. (Электронный ресурс) URL: <https://www.babelio.com/livres/Jarry-Gestes-et-opinions-du-Docteur-Faustroll-pataphys/268568> (дата обращения 11.01.2019).

Jarry A. Ubu Roi. Bookking International, 1995. 96 с. [Электронный ресурс] URL: <http://bookfi.net/book/1627258>. 1896, 128 p. (дата обращения 11.01.2019).

Vian B. Œuvres romanesques complètes. (Bibliothèque de la Pléiade). Paris: Gallimard, 2010. Vol. I. 1309 p.

References

Vian B. Razborki po-andeyski / per. s fr. A. Markevicha. *Vian B. Pena dnevy: romany*. Rostov-na-Donu: Feniks; Khar'kov: Folio, 1999, pp. 9-78. (In Russian).

Kazakova I.A. *Khudozhestvennyy mir ranney prozy Borisa Viana: dis.... kand. filol. nauk*. Ivanovo, 2004. 288 p. (In Russian).

Kaneeva A.V., Minasyan S.V. Neologizm kak osnovnaya yedinitca yazykovoy igry v romannom tvorchestve Borisa Viana. *Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki*, 2016, no. 4, pp. 91-104. (In Russian).

Minasyan S.V. *Formy groteska v proze Borisa Viana: dis. ... kand. filol. nauk*. M., 2013. 380 p. (In Russian).

Chto takoye «pastish». Available at: https://studwood.ru/936173/literatura/takoe_pastish (accessed 11.01.2019). (In Russian).

Jameson F. Postmodernism and consumer society. *Jameson F. The antiaesthetic: Essays on postmodern culture. Port Townsend*. Ed. by Forster H., 1984. P. 111-126.

Jarry A. Gestes et opinions du Docteur Faustroll, pataphysicien. 1911. Available at: <https://www.babelio.com/livres/Jarry-Gestes-et-opinions-du-Docteur-Faustroll-pataphys/268568> (accessed 11.01.2019).

Jarry A. Ubu Roi. Bookking International, 1995. 96 с. Available at: <http://bookfi.net/book/1627258>. 1896, 128 p. (accessed 11.01.2019).

Vian B. Œuvres romanesques complètes. (Bibliothèque de la Pléiade). Paris: Gallimard, 2010. V. I. 1309 p.

Sofia V. Minasyan (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Pastiche as a Reception of the Grotesque Construction of Boris Vian's Novel "Turmoil in the Swaths"

The article discusses the features of the grotesque construction of the first novel by Boris Vian "Turmoil in the Swaths". It is shown that one of the dominant methods of creating the grotesque space of the work is pastiche in postmodern semantic content. It is proved that already the first novel by Vian is a harbinger of future postmodern reflection. Experimenting with various genre systems, synthesizing them and blurring the boundaries, Vian states the principle of the "pataphysical" world in his main desire – to shock and surprise the reader with unexpected plot twists and actions of the characters, purposefully, throughout the work to destroy the reader's waiting horizon, involving in the game novel space. The first novel of the writer marks the birth of a special Vian style, which becomes the basis of all his subsequent work.

Key words: *Boris Vian, first novel, pastiche, comic grotesque, pataphysics.*

Sofia V. Minasyan – Ph.D. of Philology. Don State Technical University, Phone: 8-950-840-80-08, e-mail: suffi@mail.ru

ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 372.881.161.1
ББК 74.489

**Е.Н. Бекасова,
Е.А. Миронова**

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ
ПОДХОДЫ
В ПРЕПОДАВАНИИ КУРСА
«ИСТОРИЯ РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА»
В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

Курс «История русского литературного языка» является не столько заключительной историко-лингвистической, сколько концептуально-мировоззренческой вузовской дисциплиной по сумме тех сведений, которые определяют оценку основных тенденций и закономерностей изменения языка. Анализ проблем теории истории русского литературного языка позволяет выстроить основные направления преподавания курса, в том числе в представлении всего спектра научного осмысления этапов развития литературного языка и реального его воплощения во всём разнообразии литературных текстов.

Ключевые слова: *теория истории русского литературного языка, литературный язык, лингвистическая дисциплина, учебное пособие.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-156-166

Бекасова Елена Николаевна – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета
Тел.: +7-922-552-93-29
E-mail: bekasova@mail.ru

Миронова Екатерина Александровна – ассистент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета
Тел.: +7-912-343-44-15
E-mail: mironova_k_a@mail.ru

© **Бекасова Е.Н.,
Миронова Е.А., 2019.**

История русского литературного языка представляет собой один из самых сложных и значимых курсов преподавания русского языка в вузе по целому ряду явлений, в том числе по объекту и предмету изучения. Относясь к комплексу лингвистических дисциплин, исследующих строй и функционирование языка в его динамике, история русского литературного языка тесно связана со всеми дисциплинами, изучающими русский язык как в его современном состоянии, так и в истории. Общепринятые и доказанные временные рамки существования русского литературного языка – с XI в. по настоящее время – включают разнообразный языковой материал, поэтому «не случайно лекции по истории русского литературного языка в университетах и педагогических институтах читаются на выпускных курсах: их усвоение требует серьёзной филологической подготовки» [Горшков, 1984, с. 15]. К этому прибавляется и сложность самого феномена *русский литературный язык*. С одной стороны, в вузах не изучается теория литературного языка, что приводит к достаточно негативным результатам не только на уровне бытового восприятия литературного языка, но и в его профессиональном понимании. В частности, студенты филологического факультета затрудняются определить статус того языка, на котором разговаривают в бытовой неофициальной сфере; не могут указать место диалекта и литературного языка в системе современного русского языка; жаргон рассматривают как особый русский язык. К сожалению

нию, учителя русского языка также не всегда верно представляют современную функциональную парадигму русского языка и – что весьма печально – очень низко оценивают качество современного русского литературного языка, поскольку не отделяют его от уровня владения русским литературным языком современных носителей [Бекасова, 2017 (б)].

С другой стороны, необычайно сложная история русского литературного языка определяет неоднозначность её осмысления в трудах учёных, вплоть до разнообразного метафорического восприятия и самого языка, и его развития [Бекасова, 2017 (а)]. В этом плане достаточно показательны оценки истории русского литературного языка как «сложной картины жизни языка», которую невозможно объять «и поневоле приходится ограничиваться только рассмотрением отдельных её частей» [Трубецкой, 1990 (а), с. 123], а каждый из исследователей может держать в голове только «небольшой обломок целого», который даёт ему возможность создать «менее или более точную картину языковой жизни вообще» [Бодуэн де Куртене, 1963, с. 206]. Следует подчеркнуть, что в настоящее время не только актуальны данные высказывания почти столетней давности, но и более поздние оценки состояния изучения истории русского литературного языка. В частности, к современному состоянию истории русского литературного языка как отрасли языкознания и учебной дисциплины можно также отнести метафорическое её описание А.И. Горшковым как «огромного полотна, на котором должна быть изображена сложная, многоплановая, многофигурная живописная композиция. Но пока картина далека от завершения. На ней местами выписаны (и нередко тщательно, прекрасно, талантливо) отдельные детали, в то время как общий контур намечен неясно, зыбко, расплывчато... Дописать картину можно и нужно общими усилиями» [Горшков, 1983, с. 159].

К тому же следует отметить недостаточную разработанность и противоречивость самого понятия *литературный язык* и многообразие сопровождающих его становление и развитие экстра- и интерлингвистических факторов. История русского литературного языка в этом плане представляет собой особую область исследования в связи со спецификой формирования и становления литературной страты и соответствующего направления русистики, что было со всей определённой отмечено ещё Н.С. Трубецким: «Русский литературный язык в отношении использования преемства древней литературно-языковой традиции стоит, по-видимому, действительно особняком среди литературных языков мира» [Трубецкой, 1990 (б), с. 125–126]. При этом необходимо указать, что собственно лингвистические исследования постоянно сталкиваются с различными идеологическими корректировками, и более того – нередко ими регулируются. Всё это осложняется недостаточностью знаний по истории, литературоведению и культуре соответствующих периодов развития литературного языка.

Сложность освоения понятийного аппарата в историческом ретроспективе в совокупности с тысячелетними процессами, помноженными

на скудность учебных часов, требуют особого подхода к преподаванию истории русского литературного языка. Оставляя в стороне целый ряд спорных и нерешённых вопросов истории русского языка, в том числе дискуссионных гипотез и концепций происхождения русского литературного языка [Бекасова, 2008], считаем необходимым признать, что концептуальным для преподавания является максимальное использование источников изучения русского литературного языка, т. е. текстов литературного языка.

Впервые в истории русского литературного языка со всей определённой положением о значимости литературного текста «как феномена языкового употребления», ссылаясь на высказывания Л.В. Щербы, выдвинул А.И. Горшков (см. подробнее: [Горшков, 1982, 1983, 1984]). Текст в этом случае выступает объектом непосредственного наблюдения, в котором «можно наметить три уровня лингвистических исследований: 1) языковых единиц, 2) текста и 3) языка как системы подсистем. Первый из уровней находится в сфере языкового строя, два других – в сфере языкового употребления». При этом «тексты выступают не как языковой материал, из которого выводятся языковые единицы, а как самостоятельный объект исследования» [Горшков, 1984, с. 7].

Соглашаясь с А.И. Горшковым в определении литературного языка как литературной разновидности русского языка, В.В. Колесов также подчёркивает значимость изучения текста, поскольку «литературный язык к нам пришел в виде текста», и «все последующее развитие языка и литературы состоит в том, что постепенно из семантической определенности текстового воплощения слова воссоздается определенность и законченность языковой парадигмы» [Колесов, 1989, с. 9], поэтому «история русского литературного языка изучает текст как форму использования системы языка в создании функционально оправданных стилей» [Колесов, 1989, с. 12]. Исходя из данных основных положений изучения истории русского литературного языка следует определить объект исследования данной отрасли русистики – «язык на уровне текста и системы подсистем» [Горшков, 1984, с. 11].

В этих условиях возрастает роль учебных пособий, содержащих прежде всего различного типа литературные тексты от XI века и – по крайней мере – до XIX века. Считаем необходимым подчеркнуть важность анализа текстов не только донационального, но и национального периода развития русского литературного языка, которое обуславливается прежде всего тем, что системное представление специфики развития литературного языка XVIII – XXI вв. отсутствует в других вузовских дисциплинах. Более того, необходимо соответствующее рассмотрение основных тенденций развития литературного языка в XX – XXI вв., поскольку курс «Современный русский литературный язык» основное внимание уделяет изучению строя литературного языка, а не его системной организации и её динамики.

Возникшая лакунарность ведёт к появлению целого ряда сведений о языке, которые вслед за А.А. Зализняком следует назвать «любитель-

ской лингвистикой». Однако непрофессионализм и невежество «любителей», смыкаясь с потребностями носителей в знаниях о языке, нередко перерастает в различные версии «чрезвычайно сильных выводов о судьбе языков и целых народов, построенных на песчаном фундаменте вздорных утверждений любительской лингвистики» [Зализняк, 2009, с. 45]. Почвой для этого явления, по мнению А.А. Зализняка, служит то, что в школе обучают грамматике и орфографии родного языка и элементам иностранного, но не дают даже самых первоначальных представлений о том, как языки изменяются во времени. «Между тем именно к этой сфере относится множество вопросов, которые вызывают интерес у самых разных людей» [Зализняк, 2009, с. 8]. С этой стороны чрезвычайно уязвима и история русского литературного языка, особенно в условиях современной идеологической экспансии, которая способствует безапелляционным утверждениям «псаковского» типа: «Всем известно, что русский язык по происхождению старославянский», «русский литературный язык изобрёл/составил Пушкин» и под. [Бекасова, 2017 (в)]. Снять подобные неосознанные заблуждения и сознательные aberrации возможно лишь в условиях реального анализа литературного текста, причём на протяжении тысячелетней истории русского литературного языка, что позволит хотя бы в общих чертах представить основные направления его изменений и понять их суть.

Учитывая разногласия в решении проблемы генезиса русского литературного языка, считаем, что учебные пособия или хрестоматии по истории русского литературного языка должны содержать основательные фрагменты из трудов учёных, посвящённых разным аспектам осмысления особенностей развития русского литературного языка и его языковой природы. Необходимость создания такой предваряющей части изучения курса обусловлена в основном недоступностью целого ряда работ для учебных целей, в том числе и в электронном виде [Бекасова, 2006, с. 41 – 42]. Представление основных персоналий данного раздела русистики позволяет показать полный спектр мнений, в том числе и с учётом эволюции взглядов одного и того же учёного. К сожалению, в настоящее время сложился традиционно устоявшийся «цитатник», который неизменно перетекает из одного пособия в другое, одновременно множа мифы и заблуждения, сопровождающие предысторию и историю данной дисциплины и раздела русистики чуть ли не с трудов незабвенного А.С. Шишкова. Из-за хрестоматийной зашоренности и нежелания осмысливать новые факты искажается общий фон восприятия определённых этапов русского литературного языка, тенденциозно высвечиваются проблемы его изучения, отсекаются «нежелательные» исследователи, своеобразно решается генезис русского литературного языка, не учитываются новые исследования в области истории русского литературного языка (см., например, [Хрестоматия по истории..., 1991]).

В доказательство этому достаточно привести пример рассмотрения точек зрения А.А. Шахматова и С.П. Обнорского как диаметрально противоположных, а также закоряченное восприятие позиции А.А. Шах-

матова без учёта целого ряда, нередко противоречивых его подходов к оценке русского литературного языка, которые прежде всего связаны с тем, что А.А. Шахматов специально не занимался проблемами русского литературного языка, но в связи с основными своими научными интересами делал замечания, в ряде случаев диаметрально противоположные по поводу тех или иных аспектов развития литературного языка [Бекасова, 2006, с. 64 – 74; 2008, с. 34 – 51].

Основным условием для предлагаемого нами учебного пособия является полнота представления взглядов и исследований учёных (без схоластического «выдёргивания» фраз) и в ряде случаев их сопровождение имеющимися комментариями исследователей по поводу той или иной версии. В частности, для полноты восприятия студентами так называемой «концепции» А.А. Шахматова, которая в сильно редуцированном виде используется некоторыми учёными типа Б.О. Унбегауна, необходимо представить её достаточно аргументированное рассмотрение В.В. Виноградовым [Виноградов, 1978], А.И. Горшковым [Горшков, 1987] и В.В. Колесовым [Колесов, 1989, с. 3 – 5].

С учётом того, что до сих пор о генезисе русского литературного языка «гораздо больше высказано общих соображений, чем выполнено конкретных лингвистических разысканий» [Горшков, 1984, с. 58], пособие должно содержать реальные исследования, а не политические и идеологические дискуссии по поводу тех или иных моментов развития русского литературного языка, не говоря уже о разного толка спекулятивных мнениях. Студенты должны получить полное представление о научном поиске, накоплении и осмыслении новых фактов, выстраивании на их основе гипотез и версий, расширении и изменении понятийного аппарата вследствие эволюции научной парадигмы и пр. Такое включение студентов в научное исследование будет способствовать не только глубокому усвоению дисциплины, но и послужит достойной прививкой от целого ряда псевдоучений, а самое главное – активизирует собственные силы в изучении, описании и анализе развития русского литературного языка, в том числе и на современном его этапе.

Второй раздел современного учебного пособия должен содержать тексты литературного языка. При этом имеется настоятельная потребность в собрании текстов русского литературного языка, сопровождающихся сведениями о месте и роли соответствующего текста в истории русского литературного языка; вопросами, направляющими анализ текста; комментариями, содержащими фоновые знания как лингвистического, так и экстралингвистического характера (памятник, список, редакция, языковая ситуация, исторические реалии и т.д.). Культурно-просветительская значимость письменных текстов составляет одну из важнейших особенностей изучения текста в истории русского литературного языка. Так, В.В. Колесов, определяя различные проблемы в изучении русского литературного языка – «филологические, общекультурные и социологические», – подчёркивает, что «на долю собственно лингвистических проблем остаётся немного» [Колесов, 1989, с. 8]. К со-

жалению, посредственные знания русской истории, культуры и просвещения, а также слабое представление литературного процесса до XIX в., практически полное забвение значимости средневекового религиозного дискурса, отсутствие системных знаний по лексике и семантике древнерусского языка нередко становятся главным препятствием осмысления текста как феномена реализации литературной страты.

Содержательную часть учебного пособия по истории русского литературного языка целесообразно представлять в соответствии с общепринятой периодизацией: донациональный период (восточнославянский литературный язык и старорусский литературный язык) и национальный период (до н. XXI в.). Безусловно, доступность текстов, начиная с XIX в., а также их изучение в школе и вузе в плане языка и литературы даёт возможность не помещать их в учебное пособие, однако необходимо обратить на них внимание как реализацию русского литературного языка на современном этапе его развития, поскольку ещё В.В. Виноградов подчёркивал, что изучение «языка в движении» даёт «возможность определить масштаб проблемы литературного языка, раскрыть действительную природу этого явления показать, исторические изменения, происходящие в нём, установить влияние этих изменений на само существо литературного языка» [Виноградов, 1967, с. 37 – 38]. Следует также подчеркнуть, что в национальный период роль текста в развитии литературного языка сменяется значимостью языка как системы систем с определяющей ролью кодифицированной нормы, в том числе и в функциональном аспекте [Культура русской речи и эффективность общения, 1996, с. 7 – 39].

В соответствии с периодизацией каждый раздел пособия выстраивается в русле отбора соответствующих источников изучения русского литературного языка. Необходимо представить тексты, которые наиболее полно отразили особенности литературного языка определённого периода или повлияли на его развитие. Фрагменты текста должны быть не только типичными для определённой эпохи развития русского литературного языка, но и отражать языковое многообразие соответствующего памятника в целом.

В этом случае необходимо затронуть проблему лингвистических источников русского литературного языка, особенно сложную для донационального периода его развития. Опираясь на теоретическое осмысление А.И. Горшковым статуса древнерусских источников истории русского языка [Горшков, 1983, с. 60 – 70], следует показать типологию текстов различной временной, территориальной и жанровой принадлежности, что позволяет выстроить наиболее полное представление о литературном языке определённого этапа его развития, определить сходства и различия реализации системы литературного языка в зависимости от сферы употребления, назначения и традиций текста, а также его вхождения в состав древнерусских памятников. Немаловажным представляется учёт текстологических особенностей и специфики существования памятника (протограф, списки, редакции) с опорой прежде

всего на научные исследования и научные издания рукописей, что позволяет студенту ориентироваться в сложных процессах бытования рукописи в средневековье – разночтений, редакторской правки текста при неизменности сохранения в той или иной степени его близости к оригиналу. В определённой степени это позволит понять лингвистические подходы к определению статуса спорных в языковом плане памятников, что в своё время было блестяще показано А.А. Зализняком в аргументации подлинности «Слова о полку Игореве» [Зализняк, 2004].

В этом плане следует отметить «Хрестоматию» А.М. Камчатнова, в которой отобраны, как справедливо отмечает составитель, «филологически достоверные» тексты памятников письменности восточнославянского периода по авторитетным изданиям, содержится «реально исторический и лингвистический комментарий» к текстам и словарь, а также материалы для распознавания многослойности текста поздних списков и выявления языка оригинала [Камчатнов, 2010, с. 6 – 7]. К сожалению следует уточнить, что в соответствии с воззрениями автора половина хрестоматии отведена текстам церковнославянского языка русской редакции.

Разноаспектное представление текста особенно важно для таких синкретичных по жанру памятников, как, например, летописные своды, где следует представить весь спектр составляющих его частей на фоне погодных записей. Аналогично могут быть представлены памятники, которые также нередко рассматриваются вне литературного языка («Поучение» Владимира Мономаха, «Домострой», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина и др.) на основании как расширенного понимания деловой письменности (Д.С. Лихачёв, Н.И. Толстой), так и концентрации внимания на соответствующих «деловых» фрагментах богатого и разнообразного в своей языковой представленности текста памятника. Однако ещё В.В. Виноградов отмечал, что летопись являлась «сочинением историческим, документом прошлого, иногда материалом для решения генеалогических споров в княжеской среде и т. п.»; в «Поучении» Владимира Мономаха развивается форма «духовных грамот»-завещаний, самим Мономахом названная «грамотицей», но при этом они имеют высокие литературные достоинства. В эти своеобразные и оригинальные по языку и жанру памятники В.В. Виноградов включал и «Хождение за три моря», также решающее определённые практические цели, но «неоспоримое в своей художественности, живости и богатстве языка, тонкой наблюдательности и большом человеческом содержании» [Виноградов, 1987, с. 116].

Широта представления языкового материала в этом случае станет предостережением от односторонней оценки всего произведения и определения в том числе его нелитературного статуса в координатах древнерусского языка. Показ отобранных фрагментов текста должен сопровождаться ссылками на произведение или памятник в целом, а их отбор должен обуславливаться, помимо чисто филологических задач, воспитательным потенциалом литературного текста и произведения

в целом. В определённой степени отобранные тексты должны коррелировать с теми, которые изучаются будущими учителями в курсе древнерусской литературы (ср, например, традиционный выбор текстов в соответствующих учебных пособиях и хрестоматиях [История русского литературного языка..., 1989; Хрестоматия по истории..., 1990; Хрестоматия по древней русской литературе..., 2003; Grominová, 2016] и др.).

Избранная концепция преподавания одной из сложнейших филологических дисциплин подготовки учителя-словесника позволяет не только представить широкое полотно развития русского литературного языка, но и показать неисчерпаемые возможности воспитательного потенциала и – шире – просвещенческой роли истории русского литературного языка во всех сферах человеческой жизни, прочно базирующихся на традиционных, тщательно отобранных общечеловеческих ценностях, вобравшего в себя достижения греческого литературного языка через богатство первого литературно-письменного языка славян. Такая основа знаний русского литературного языка позволит учителю отойти от во многом невежественных, но распространённых мнений по поводу русского литературного языка и даст необходимый филологический ресурс для оценки его современного состояния и роли русского литературного языка как языка межнационального, международного, мирового и государственного.

Литература

Бекасова Е.Н. Антропоморфная метафора в осмыслении генезиса языка // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2017а. № 6 (402). С. 18 – 21.

Бекасова Е.Н. Вопросы образования и развития русского литературного языка (синоптическая часть к курсу «История русского литературного языка»): учеб. пособие. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. 142 с.

Бекасова Е.Н. К вопросу о статусе русского литературного языка // Текст культуры и культура текста: Материалы IV Междунар. форума (Сочи, 16 – 17 октября 2017 г.) / ред. коллегия: Л.А. Вербицкая, С.И. Богданов, О.Е. Дроздова и др. (Электронный ресурс) СПб.: Об-во преподавателей русского языка и литературы, 2017 б. С. 125 – 130.

Бекасова Е.Н. К проблеме исторического изучения русского литературного языка // Язык и ментальность в диахронии. Материалы Всерос. науч. семинара с междунар. участием для молодых учёных (Владимир – Суздаль, 26 – 28 сентября 2017 г.). Владимир: Транзит-ИКС, 2017 в. С. 54–58.

Бекасова Е.Н. Проблема происхождения русского литературного языка. Очерк гипотез и концепций: монография. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. 100 с.

Бодуэн де Куртене И.А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // *Бодуэн де Куртене И.А.* Избр. труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 384 с.

Виноградов В.В. История русского литературного языка в изображении академика А.А. Шахматова // *Виноградов В.В.* История русских лингвистических учений. М.: Высш. шк., 1978. С. 252 – 271.

Виноградов В.В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // *Виноградов В.В.* Избр. труды. История русского литературного языка. М.: Высш. шк., 1987. С. 65 – 151.

Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М.: Наука, 1967. 134 с.

Горшков А.И. Литературный текст как объект историко-лингвистического исследования (К проблеме взаимодействия различных «ярусов» языковой структуры) // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1982. С. 209 – 214.

Горшков А.И. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М.: Наука, 1987. С. 7 – 30.

Горшков А.И. Теоретические основы истории русского литературного языка. М.: Наука, 1983. 160 с.

Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. М.: Высш. шк., 1984. 319 с.

Grominová Andrea. Обзор русских литературных памятников XI – XVII веков. Врно, Tribun EU, 2016. 205 с.

Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский миръ, 2009. 240 с.

Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. М.: Языки славянской культуры, 2004. 352 с.

История русского литературного языка: хрестоматия: учеб. пособие для студентов вузов по специальности «Русский язык и литература» /сост. А.Н. Кожин: 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 319 с.

Камчатнов А.М. Хрестоматия по истории русского литературного языка. Памятники X – XIV веков по рукописям X – XVII веков. М., 2010. 826 с.

Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 269 с.

Культура русской речи и эффективность общения / отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. М.: Наука, 1996. 441 с.

Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990 а. № 2. С. 122 – 139.

Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990 б. №3. С.114 – 134.

Хрестоматия по древней русской литературе XI – XVII вв. / сост. Н.К. Гудзий; коммент. А.М. Ранчина. М.: Аспект Пресс, 2004. 592 с.

Хрестоматия по истории русского литературного языка / сост. П.Д. Филкова, А.А. Градинарова, Цв. Ралева. София: «Св. Климент Охридски», 1991. 210 с.

Хрестоматия по истории русского языка / авт.-сост. В.В. Иванов, Т.А. Сумникова, Н.П. Панкратова. М.: Просвещение, 1990. 496 с.

References

Bekasova E.N. Antropomorfnaia metafora v osmyslenii genezisa yazyka. *Vestn. Chelyabinskogo gos. un-ta.*, 2017 a, no. 6 (402), pp. 18-21. (In Russian).

Bekasova E.N. *Voprosy obrazovaniya i razvitiya russkogo literaturnogo yazyka (sinopticheskaya chast' k kursu «Istoriya russkogo literaturnogo yazyka): ucheb. posobiye*. Orenburg, Izd-vo OGPU, 2006. 142 p. (In Russian).

Bekasova E.N. K voprosu o statuse russkogo literaturnogo yazyka. *Tekst kul'tury i kul'tura teksta: Materialy IV Mezhdunarodnogo foruma (Sochi, 16-17 oktyabrya 2017 goda)*. Redaktsionnaya kollegiya: L.A. Verbitskaya, S.I. Bogdanov, O.E. Drozdova

i dr. [Elektronnyy resurs], SPb., Ob-vo prepodavateley russkogo literaturnogo yazyka, 2017 b, pp. 125-130. (In Russian).

Bekasova E.N. K probleme istoricheskogo izucheniya russkogo literaturnogo yazyka. *Yazyk i mental'nost' v diakhronii. Materialy Vserossiyskogo nauchnogo seminar s mezhduнародnym uchastiyem dlya molodykh uchenykh* (Vladimir – Suzdal', 26 – 28 sentyabrya 2017 g.). Vladimir, Tranzit-IKS, 2017 v. Pp 54-58. (In Russian).

Bekasova E.N. *Problema proiskhozhdeniya russkogo literaturnogo yazyka. Ocherk gipotez i kontseptsii: monografiya*. Orenburg, Izd-vo OGPU, 2008. 100 p. (In Russian).

Boduen de Kurtene I.A. Nekotoryye obshchiye zamechaniya o yazykovedenii i yazyke. *Boduen de Kurtene I.A. Izbr. trudy po obshchemu yazykoznaniiyu*. Vol. 1. M., Izd-vo AN SSSR, 1963. 384 p. (In Russian).

Vinogradov V.V. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka v izobrazhenii akademika A.A. Shakhmatova. *Vinogradov V.V. Istoriya russkikh lingvisticheskikh ucheniy*. M., Vyssh. shk., 1978. Pp. 252-271. (In Russian).

Vinogradov V.V. Osnovnyye problemy izucheniya obrazovaniya i razvitiya drevnerusskogo literaturnogo yazyka. *Vinogradov V.V. Izbr. trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka*. M., Vyssh. shk., 1987. Pp. 65-151. (In Russian).

Vinogradov V.V. *Problemy literaturnykh yazykov i zakonmernostey ikh obrazovaniya i razvitiya*. M., Nauka, 1967. 134 p. (In Russian).

Gorshkov A.I. Literaturnyy tekst kak ob"ekt istoriko-lingvisticheskogo issledovaniya (K probleme vzaimodeistviya razlichnykh «yarusov» yazykovoy struktury). *Soveshchaniye po voprosam dialektologii i istorii yazyka*. Volgograd, Izd-vo Volgogr. gos. un-ta, 1982. Pp. 209-214.

Gorshkov A.I. Otechestvennyye filologi o staroslavlyanskom i drevnerusskom literaturnom yazyke. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk v yego otnoshenii k staroslavlyanskomu*. M., Nauka, 1987. Pp. 7-30.

Gorshkov A.I. *Teoreticheskiye osnovy istorii russkogo literaturnogo yazyka*. M., Nauka, 1983. 160 p.

Gorshkov A.I. *Teoriya i istoriya russkogo literaturnogo yazyka*. M., Vyssh. shk., 1984. 319 p. (In Russian).

Grominová Andrea. *Obzor russkikh literaturnykh pamyatnikov XI-XVII vekov*. Brno, Tribun EU, 2016. 205 p. (In Russian).

Zaliznyak A.A. *Iz zametok o lyubitel'skoy lingvistike*. M., Russkiy mir, 2009. 240 p. (In Russian).

Zaliznyak A.A. «Slovo o polku Igoreve»: *Vzglyad lingvista*. M., Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. 352 p.

Istoriya russkogo literaturnogo yazyka: Khrestomatiya: Ucheb. posobiye dlya studentov vuzov po spetsial'nosti «Russkiy yazyk i literatura». Sost. A.N. Kozhin: 2-e izd., ispr. i dop. M., Vyssh. shk., 1989. 319 p.

Kamchatnov A.M. *Khrestomatiya po istorii russkogo literaturnogo yazyka. Pamyatniki X-XIV vekov po rukopisyam X-XVII vekov*. M., 2010. 826 p. (In Russian).

Kolesov V.V. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk*. L., Izd-vo Leningr. un-ta, 1989. 269 p. (In Russian).

Kul'tura russkoy rechi i ehffektivnost' obshcheniya. Otv. red. L.K. Graudina, E.N. Shirayev. M., Nauka, 1996. 441 p. (In Russian).

Trubetskoy N.S. Obschleslavyanskiy ehlement v russkoy kul'ture. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1990 a, no. 2, pp. 122-139. (In Russian).

Trubetskoy N.S. Obschleslavyanskiy ehlement v russkoy kul'ture. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1990 b, no. 3, pp.114-134. (In Russian).

Khrestomatiya po drevney russkoy literature XI – XVII vv. Sost. N.K. Gudziy; komment. A.M. Ranchina. M., 2003. 592 p. (In Russian).

Khrestomatiya po istorii russkogo literaturnogo yazyka. Sost. P.D. Filkova, A.A. Gradinarova, Tsv. Raleva. Sofiya, 1991. 210 p. (In Russian).

Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka. Avt.-sost. V.V. Ivanov, T.A. Sumnikova, N.P. Pankratova. M., Prosveshcheniye, 1990. 496 p.

Elena N. Bekasova, Ekaterina A. Mironova (Orenburg, Russian Federation)

Conceptual Approaches in Teaching the Course «History of the Russian Literary Language» at the Pedagogical University

The course «History of the Russian Literary Language» is not a final historical and linguistic, but conceptual and world outlook discipline on the sum of those historical and philological data which define assessment of the main tendencies and regularities in the process of language change.

In this regard studying of problems of the theory of history of the Russian literary language which allows to reveal the main directions of teaching a course taking into account all range – quite often contradictory – scientific judgment of genesis and evolution of the Russian literary language is quite necessary.

However full judgment of features of development of the Russian literary language is possible only on condition of its real embodiment in all variety of literary texts of the pre-national and national periods. The definite analysis of the literary text as phenomenon of the language use demands not only careful selection of sources of the literary language, but also their reliable representation in a genre, temporary and territorial variety that has to be followed by the comments corresponding paleographic, philological, historical and cultural nature.

Key words: *theory of the history of the Russian literary language, literary language, linguistic discipline, textbook.*

Elena N. Bekasova – grand Ph. D. of Philology, professor of Russian Language and Methods of Teaching Russian Language dpt. Orenburg State Pedagogical University. Phone: +7-922-552-93-29, e-mail: bekasova@mail.ru

Ekaterina A. Mironova – assistant. Russian Language and Methods of Teaching Russian Language dpt. Orenburg State Pedagogical University. Phone: +7-912-343-44-15, e-mail: mironova_k.a@mail.ru

УДК 372.881.111.1
ББК: 81.2Англ-9

**О.В. Аверкова,
Е.В. Павлюк**

**ВЫЯВЛЕНИЕ
ПРОБЛЕМНЫХ ЗОН
ПРИ ИЗУЧЕНИИ
АНГЛИЙСКОЙ
ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ
У СТУДЕНТОВ
ТЕХНИЧЕСКИХ
СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ**

Выявляются проблемные зоны в области изучения английской грамматики и лексики у студентов 1 и 2 курсов бакалавриата и магистратуры по результатам входного тестирования, в котором приняли участие 90 человек, а также делается предположение о возможных причинах появления таких зон.

Ключевые слова: *высшее образование, тестирование, лексико-грамматический материал, обучение иностранному языку.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-167-173

Аверкова Ольга Владимировна – старший преподаватель УрФУ, УГГИ, г. Екатеринбург
E-mail: Olga_Averkova@urfu.ru

Павлюк Евгений Вячеславович – ассистент УрФУ, ИЕНиМ
E-mail: Evgeny.Pavluk@urfu.ru

© **Аверкова О.В.,
Павлюк Е.В., 2019.**

Отсутствие преемственности между школой и вузом, низкий уровень подготовки абитуриентов, изменение типа мышления у современного студента, неостребованность полученных знаний, отсутствие мотивации изучать иностранный язык, минимальное количество часов иностранного языка, сосредоточенное на младших курсах обучения, отсутствие вступительных экзаменов по этому предмету и некоторые другие проблемы чаще всего упоминаются преподавателями неязыковых вузов как основные причины несоответствия уровня владения иностранным языком студентом заявленному стандарту (см. работы О. А. Бубич, Д. В. Булатовой, Е. Г. Гилевич, А. Матушак, А. П. Руденко, Л. О. Сельверова, М. Сметаниной и др.), с чем нельзя не согласиться. Но решение многих из вышеперечисленных проблем находится за рамками компетенций преподавателя иностранного языка, в то время как результат ожидается именно от команды «преподаватель – студент». В сложившейся ситуации преподаватель вынужден переключать свое внимание с вышеупомянутых «внешних» проблем на «внутренние», которые он сможет преодолеть самостоятельно. В данной статье мы ограничимся лишь изучением «внутренних» проблем, а поиску их причин и возможных путей решения будут посвящены наши последующие работы.

Традиционно на первых занятиях для того, чтобы определить уровень студентов и объем изученной ими ранее информации, проводится входное тестирование

(placement test). Нередко международные издатели предлагают студентам пройти лексико-грамматический тест, согласно которому их распределяют по уровням владения языком по международной шкале. Умение пользоваться лексико-грамматическим материалом нередко является приоритетным при оценивании уровня владения языком студентом после прохождения курса обучения, поэтому в рамках данной работы мы остановимся лишь на выявлении проблемных зон при изучении лексико-грамматического материала и не будем подробно рассматривать развитие остальных языковых навыков.

Для того чтобы определить проблемные зоны в изучении английской лексики и грамматики студентами технических специальностей УрФУ, был проведен Longman Placement Test [Longman, 2004], включающий в себя 100 вопросов с четырьмя вариантами ответов на знание лексики и грамматики английского языка.

В эксперименте принимали участие 7 групп Уральского Энергетического института УрФУ: 1 группа первого курса бакалавриата (18 человек), три группы второго курса бакалавриата (35 человек = 12 + 12 + 11), 3 группы магистрантов (37 человек = 10 + 7 + 20).

Предложенный тест включал в себя вопросы по следующим грамматическим темам (в скобках приводится процентное соотношение вопросов на указанную тему к общему количеству вопросов в тесте): предлоги (16%), разграничение синонимов (11%), времена в действительном залоге (9%), вспомогательные глаголы и их функции (6%), модальные глаголы (6%), вводные слова / конструкции (5%), вопросительные слова (4%), особенности употребления исчисляемых и неисчисляемых существительных (4%), разграничение герундия и инфинитива (4%), союзы и союзные слова (4%), фразовые глаголы (4%), косвенная речь (3%), словообразование (3%), степени сравнения прилагательных (3%), устоявшиеся выражения (3%), местоимения (2%), пассивный залог (2%), способы выражения будущего времени (2%), условные предложения (2%), вопросительные предложения (1%), инверсия (1%), использование «use/ used to/ get used to/ be used to» (1%), конструкция «have something done» (1%), конструкция «there+be» (1%), конструкция «would rather» (1%), порядок слов в предложении (1%), сложные слова (1%), способы отрицания (1%), способы передачи родительного падежа в английском языке (1%), употребление глагола «make» (1%), возвратные местоимения (1%).

Некоторые вопросы требовали знания нескольких грамматических тем одновременно, например:

We've celebrated Independence Day from/ since/ science/ for 15 years. (Вопрос требует одновременного применения знаний по темам «Предлоги» и «Времена в действительном и страдательном залогах».)

По итогам тестирования выяснилось, что большинство студентов первого курса бакалавриата владеют английским языком на уровне А2 (55,6%), второго курса бакалавриата – А2 (58,8%), магистрантов – А2 (45,5%). Данные по распределению студентов на уровни приведены в табл. 1. Согласно данным таблицы, количество студентов с уровнем не ниже В1 на 2 курсе

бакалавриата больше, чем студентов с таким же уровнем 1 курса бакалавриата и магистрантов, а студентов с уровнем А1 на 2 курсе бакалавриата нет, в отличие от 1 курса бакалавриата и от магистрантов. Этот результат можно объяснить повышением результатов при непрерывном обучении английскому языку у студентов-бакалавров и понижением уровня в связи с прерыванием изучения языка на 2 года у магистрантов.

Рассмотрим, при изучении каких лексико-грамматических тем студенты сталкиваются с наибольшим количеством трудностей (табл. 2). По итогам тестирования подсчитывалось количество студентов, допустивших хотя бы одну ошибку на определенное правило. Данный критерий подсчета является строгим и не учитывает возможное психологическое состояние студента, невнимательность и пр., но он дает понять, когда студент (даже если он знает правило) не уверен в том, как именно его применить в конкретной ситуации.

Таблица 1

Распределение студентов по уровню владения английским языком согласно международной шкале, % (по данным входного тестирования)

Уровень владения англ. языком по международной шкале	Количество студентов 1 курса бакалавриата	Количество студентов 2 курса бакалавриата	Количество студентов магистратуры	Количество студентов на всех курсах
A1	22,2	0	15,2	10,6
A2	55,6	58,8	45,5	52,9
B1	16,7	26,5	30,3	25,9
B2	5,6	14,7	9,1	10,6
C1	0	0	0	0
C2	0	0	0	0

Проанализировав табл. 2, мы пришли к выводу, что проблемные лексические и грамматические ошибки можно условно поделить на 3 группы: массовые (среднее арифметическое 85 – 100), групповые (51 – 84) и индивидуальные (0 – 50).

Массовые ошибки включают в себя такие темы, как «предлоги», «времена в действительном залоге», «разграничение синонимов в английском языке», «модальные глаголы».

Групповые ошибки включают следующие темы: «вводные слова и конструкции», «косвенная речь», «словообразование», «употребление фразовых глаголов», «инверсия», «союзы и союзные слова», «устоявшиеся выражения», «герундий / инфинитив», «сложные слова», «условные предложения», «пассивный залог», «вспомогательные глаголы и их функции», «исчисляемые и неисчисляемые существительные», «способы выражения будущего времени», «степени сравнения прилагательных», «конструкция *would rather*», «вопросительные слова», «употребление глагола *make*».

Таблица 2
**Количество студентов, допустивших хотя бы одну ошибку
на определенное правило по итогам входного теста, %**

Тема	Количество человек, %							Среднее арифметическое
	ЭН-170012	ЭН-260015	ЭН-260014	ЭН-260011	ЭНМ-171105	ЭНМ-170807	ЭНМ-261105	
Предлоги	100	100	100	100	100	100	100	100,00
Времена в действительном залоге	94	100	100	100	100	86	100	97,14
Разграничение синонимов	100	92	100	92	100	86	100	95,71
Модальные глаголы	94	100	100	75	100	100	90	94,14
Вводные слова	83	100	82	75	90	100	60	84,29
Фразовые глаголы	72	92	73	83	90	100	70	82,86
Косвенная речь	83	75	73	67	100	86	80	80,57
Словообразование	83	58	100	75	100	57	80	79,00
Герундий и инфинитив	72	50	82	83	85	86	90	78,29
Союзы и союзные слова	83	75	73	100	80	71	60	77,43
Инверсия	78	75	46	67	100	71	100	76,71
Устоявшиеся выражения	83	50	82	75	95	71	80	76,57
Условные предложения	72	42	55	58	85	100	90	71,71
Употребление сложных слов	72	83	55	83	95	57	50	70,71
Исчисляемые/ неисчисляемые существительные	72	58	82	58	45	86	90	70,14

Продолжение табл. 2

Пассивный залог	72	58	64	67	85	57	70	67,57
Вспомогательные глаголы и их функции	89	58	36	75	70	71	50	64,14
Конструкция would rather	56	42	82	50	65	86	30	58,71
Степени сравнения прилагательных	67	42	27	58	70	86	60	58,57
Вопросительные слова	61	58	46	58	60	71	40	56,29
Способы выражения будущего времени	67	33	18	83	75	57	60	56,14
Употребление глагола make	56	50	55	33	80	71	30	53,57
Порядок слов в англ. предложении	72	50	18	58	45	29	60	47,43
Возвратные местоимения	61	50	18	33	65	29	30	40,86
Конструкции used to/ be used to	44	50	18	58	65	29	20	40,57
Родительный падеж	50	50	27	33	30	43	50	40,43
Выражение услуги have smth done	44	33	9	25	65	71	30	39,57
Местоимения (за исключением возвратных)	67	17	18	25	50	43	40	37,14
Вопросительные предложения	33	25	9	25	40	29	60	31,57
Конструкция there + be	28	25	27	33	35	14	30	27,43
Способы выражения отрицания	22	8	9	25	55	0	10	18,43

К индивидуальным ошибкам можно отнести все остальные темы, перечисленные в табл. 2.

Наблюдается прямая зависимость между количеством студентов, делающих массовые или групповые ошибки на определенное правило, и количеством вопросов в тесте на данное правило: коэффициент корреляции – 0,91 для массовых ошибок и 0,32 для групповых. Так, массовые ошибки включают те темы, на которые больше всего вопросов в тесте: предлоги (16% вопросов из теста), разграничение синонимов в английском языке (11% вопросов из теста), времена в действительном залоге (9% вопросов), модальные глаголы (6%). Дадим оценку точности измерения количества студентов, знающих тему. Если в тесте приводится лишь один вопрос на заданную тему (при наличии четырех вариантов ответа), вероятность угадать правильный ответ – 0,25. Это означает, что если все студенты будут угадывать ответы на такие вопросы, мы получим около 25% правильно ответивших. Для тем, на проверку которых в тесте приводится два или три вопроса, количество угадавших не может значительно превышать 6 и 1,6% от общего количества студентов соответственно. Таким образом, мы должны учитывать, что для тем с небольшим количеством вопросов результаты оценки значительно менее точные.

К возможным причинам неуспеваемости студентами технических специальностей лексических и грамматических тем, помимо ограничений, связанных с программой курса по иностранному языку, можно отнести выбор основного и вспомогательных учебных пособий, специфику учебных текстов по специальности с ограниченным набором грамматических конструкций, мотивацию студента технической специальности изучать иностранный язык в целом, и грамматику в частности, психологический настрой студента, отсутствие у студента практики и периодического повторения пройденного материала, большой объем правила, внешнее оформление изучаемого материала, несовпадение с правилами родного языка, ограниченный словарный запас, недостаточное внимание к теме самого студента. Степень влияния этих причин на усвоение материала требует дальнейшего исследования.

Литература

Бубич О.А., Гилевич Е.Г. Клиповое мышление и организация педагогического процесса в вузе // Моделирование эффективной речевой коммуникации в контексте академического и профессионально ориентированного взаимодействия: сб. науч. ст. / под общ. ред. О. В. Луцинской, Е. В. Савич. Минск: Изд-во Белорусского гос. ун-та, 2016. С. 65 – 71 [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/159293/1/Luschinskaya1.pdf> (дата обращения 18.02.2018).

Булатова Д.В. Теоретические основы курса обучения иностранному языку в неязыковом вузе: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1999. 521 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/teoreticheskie-osnovy-kursa-obucheniya-inostrannomu-yazyku-v-neyazykovom-vuze> (дата обращения 18.02.2018).

Руденко А.П. Индивидуальный подход в развитии дискурсивной компетенции студентов при обучении иностранному языку в вузе: дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2007. 194 с.

Сельверова Л.О. Учет индивидуального учебного стиля студентов в обучении иностранным языкам на основе компетентностного подхода: дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2010. 167 с.

Сметанина М., Матушак А. Концептуальные основы составления учебника по иностранному языку на базовом и предпороговом уровне // *General and Professional Education*. 2012. № 1. С. 45 – 52.

Longman Placement Test. Pearson Education Polska 2004 for Katolocki Uniwersytet Lubelski. Available at: <https://www.kul.pl/ogolne/spnjo/testy/longman.pdf> (accessed 18.02.2018).

References

Bubich O.A., Gilevich E.G. Klipovoye myshleniye i organizatsiya pedagogicheskogo protsessa v vuze. *Modelirovaniye ehffektivnoy rechevoy kommunikatsii v kontekste akademicheskogo i professional'no oriyentirovannogo vzaimodeistviya: sb. nauch. st.* Pod obshch. red. O.V. Lushchinskoy, E. V. Savich. Minsk, Izd-vo Belorusskogo gos. un-ta, 2016, pp. 65-71. Available at: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/159293/1/Luschinskaya1.pdf> (accessed 18.02.2018). (In Russian).

Bulatova D.V. *Teoreticheskiye osnovy kursa obucheniya inostrannomu yazyku v neyazykovom vuze: dis. ... d-ra ped. nauk.* M., 1999. 521 p. Available at: <http://www.dissercat.com/content/teoreticheskiye-osnovy-kursa-obucheniya-inostrannomu-yazyku-v-neyazykovom-vuze> (accessed 18.02.2018). (In Russian).

Rudenko A.P. *Individual'nyy podkhod v razvitii diskursivnoy kompetentsii studentov pri obuchenii inostrannomu yazyku v vuze: dis. ... kand. ped. nauk.* Velikiy Novgorod, 2007. 194 p. (In Russian).

Sel'verova L.O. *Uchyot individual'nogo uchebnogo stilya studentov v obuchenii inostrannym yazykam na osnove kompetentnostnogo podkhoda: dis. ... kand. ped. nauk.* Ulan-Ude, 2010. 167 p. (In Russian).

Smetanina M., Matushak A. Kontseptual'nyye osnovy sostavleniya uchebnika po inostrannomu yazyku na bazovom i predporogovom urovne. *General and Professional Education*. 2012, no. 1, pp. 45-52. (In Russian).

Longman Placement Test. Pearson Education Polska 2004 for Katolocki Uniwersytet Lubelski. Available at: <https://www.kul.pl/ogolne/spnjo/testy/longman.pdf> (accessed 18.02.2018).

Olga V. Averkova, Evgeny V. Pavlyuk (Ekaterinburg, Russian Federation)

Detection of Problematic Aspects for the Students of Technical Specialties in the Process of English Grammar and Lexis Studies

The article reveals the problem areas in the field of studying English grammar and lexis for the first- and second-year students of Bachelor and Master's degree programs based on the results of the entrance test in which 90 people took part. Moreover, it is presented our point of view concerning possible reasons for the problematic areas appearance.

Key words: *university education, testing, foreign language teaching, lexical and grammatical material.*

Olga V. Averkova – senior lecturer. Ural Federal University. Ekaterinburg. E-mail: Olga_Averkova@urfu.ru

Evgeny V. Pavlyuk – assistant. Ural Federal University. Ekaterinburg. E-mail: Evgeny.Pavlyuk@urfu.ru

УДК 372.881.161.1
ББК 74.168.19=411.2,8

Т.И. Павлова

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ-БИЛИНГВОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Качество письменной речи учащихся-билингвов определяется как специфическими особенностями орфографических явлений, развитием их речемыслительных способностей, влиянием интерференции, так и созданием условий для её совершенствования. Формирование орфографической грамотности происходит с помощью системы различных типов упражнений. Процесс обучения становится эффективен в том случае, если система упражнений носит комплексный характер, обеспечивающий полноценное формирование орфографических умений и навыков на речевой основе.

Ключевые слова: *билингвы, орфография, письменная речь, принципы орфографии, типология упражнений, речевое развитие.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-174-179

Павлова Татьяна Ивановна – канд. пед. наук, доцент кафедры филологии и искусства Ростовского института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования
Тел.: 8-928- 181-57-71
E-mail: pavlova.do@yandex.ru

© Павлова Т.И., 2019.

В связи с миграционными процессами современная российская школа становится полиэтнической по своему национальному составу, поэтому поиск путей и способов оптимизации процесса обучения русскому языку детей-билингвов рассматривается как одна из актуальных задач современной методики преподавания русского языка в школе. Для Ростовской области развитие языковой культуры личности является приоритетной задачей, поскольку поликультурное пространство региона представлено следующим этническим составом, в процентах: русские – 89,35, украинцы – 2,69, армяне – 2,50, турки – 0,64, белорусы – 0,60, татары – 0,41, азербайджанцы – 0,37, чеченцы – 0,35, цыгане – 0,34, корейцы – 0,26, грузины – 0,24.

Проблема качества обучения всегда актуальна для школы, успешное решение её определяет, в частности, уровень орфографической подготовки обучающихся. «Являясь важным компонентом речевой культуры, грамотное в орфографическом отношении письмо становится визитной карточкой образованного человека» [Разумовская, 2005, с. 3].

Письмо – сложный психолингвистический процесс, в основу которого положены речемыслительные механизмы установления смысловых связей между понятиями, известной и новой информацией; проговаривания слова, которое хочет написать ученик; воспроизведения соответствующих артикуляционных движений и интонационного оформления высказывания и др. Обучение орфогра-

фии как одно из направлений работы с билингвами требует глубокого осмысления, систематической планомерной работы, предполагающей усвоение орфографических понятий, призванных обеспечить прочное формирование навыков грамотного письма, выполнение коммуникативной функции.

В процессе обучения русскому языку учащихся-билингвов необходимо учитывать ошибки, порождаемые интерференцией, поэтому важно дифференцировать изучаемый грамматический материал на основе степени сходства и различия с грамматикой родного языка учащихся. Практика работы с учащимися-билингвами позволяет выделить наиболее типичные ошибки при письме: замена гласных или их пропуск; слитное написание предлогов и раздельное написание приставок; замена согласных или их пропуск, полное искажение буквенно-звуковой структуры и др. Для билингвов орфография является сложной из-за ошибок, связанных с недостаточным развитием навыков передачи графических знаков на письме. Например, они затрудняются при выборе между буквами Э/Е, Ч/Ц, поэтому эти трудности важно учитывать учителю не только при объяснении изучаемого вида орфограммы, но и при подборе дидактического материала. Особое внимание следует обращать на упражнения, дающие учащимся правильные зрительные образы орфограмм, так как билингв в большинстве случаев «идёт» от зрительного образа к слуховому. Вместе с тем необходимо избегать механического заучивания слов, так как орфографический навык должен формироваться на сознательной основе.

Эффективным приёмом обучения орфографии в работе с учащимися-билингвами является *слуховой диктант*: этот вид работы учит школьников выделять на слух те звуки, которые не свойственны их родному языку; тренирует слуховую память; устанавливает более прочные ассоциации по признаку «сходство – различие», противопоставления между литературным звучанием на родном языке, языковыми представлениями и их буквенными обозначениями. Эффективность проведения слухового диктанта в полиэтнических условиях повышается, если он сопровождается дополнительными грамматическими заданиями.

В методике обучения письму (орфографии) важная роль отводится проведению *зрительного диктанта*, *различных видов списывания*, отмечается также особая роль наглядных пособий как средства создания у учащихся зрительных впечатлений и ассоциаций, связанных с графическим образом слова.

К упражнениям, основанным на зрительном запоминании, помимо диктанта, относятся: а) запись текста, напечатанного с пропуском букв, их сочетаний, частей слова или даже целых слов; б) выписывание из художественного произведения, учебника или статьи слов и терминов, которые в соответствии с двуязычным произношением учащихся обычно ими искажаются.

В числе общих дидактических принципов, на основе которых строится методика обучения орфографии учащихся-билингвов, большое

значение имеет *принцип наглядности*, поэтому целесообразно использовать на уроках тематические таблицы, схемы, алгоритмы, плакаты со словами, которые произносятся не в соответствии с нормами литературного языка, или с сочетаниями, отражающими особенности грамматического строя.

Развитие *мотивации* в процесс обучения орфографии способствует интеллектуальному развитию и саморазвитию учащихся-билингвов и реализуется на основе использования интересных лингвистических материалов, проведения соревнований, конкурсов, викторин, олимпиад, выставок и т.д., применения игровых приёмов и др.

Умение – это этап овладения новым способом деятельности: оно формируется на основе теории, правила, инструкции, а также на основе подражания по принципу «делай, как я». Закреплённое, автоматизированное умение принято называть навыком, что особенно важно для правописания. Учащиеся должны овладеть орфографическими правилами, умением их применять в процессе письма, соблюдая орфографическую норму, самостоятельно распознавать ситуации, где необходимо применять знание правил, а также чётко представлять, как ими пользоваться для разрешения проблемы выбора нормативного варианта, из каких последовательно осуществляемых операций должен состоять акт их применения: какая это часть речи → какому правилу соответствует написание данной буквы (или знака) → это не исключение из правила? (вспомнить исключение) → какое руководство из правила следует применить для написания слова.

В методике обучения орфографии в школе для формирования умения писать слова с изученными видами орфограмм используются *специальные* (списывание, диктанты, кроме творческих) и *неспециальные* орфографические упражнения (творческие и свободные диктанты, изложения, сочинения) – классификация, предложенная М.Т. Барановым [Баранов, 2000, с.165].

В современной методике преподавания русского языка по проблеме речевого развития учащихся при обучении орфографии применяется система упражнений, предложенная Л.Г. Ларионовой [Ларионова, 2005, с. 286 – 309], которая частично дополнена нами [Павлова, 2006, с. 18 – 20] в ходе экспериментального обучения: правилоориентированные, творческие, тренажерные с использованием компьютера и комплексные. Осмысление данной типологии упражнений поможет учителю повысить методическую культуру по проблеме обучения письменной речи учащихся-билингвов.

С помощью *правилоориентированных упражнений* отрабатываются важнейшие орфографические умения учащихся-билингвов: обнаруживать орфограммы; характеризовать их и соотносить с правилами; определять фонетические, лексические, грамматические, семантические признаки, от которых зависит выбор правильного орфографического написания; опираться на правила в затруднительных случаях при письме; производить разбор слов по составу с целью опознавания орфограмм

в морфемах; воспринимать орфограммы на слух; классифицировать их при подчёркнутом внимании к морфемам; доказательно (на основе правил) обосновывать выбор написания; списывать недеформированный текст с предварительным анализом правописания указанных слов (или значимых частей слов) и др.

К правилоориентированным упражнениям относятся: списывание недеформированного текста; выборочное письмо; объяснение, обоснование написанного (на основе краткого логического рассуждения с помощью правил орфографии; классификация орфограмм; поморфемное письмо; определение языковых (лингвистических) признаков, от которых зависит выбор орфографического написания; подбор собственных примеров, иллюстрирующих орфографическое правило; составление словосочетаний (предложений) с опорой на данные слова; комментированное письмо; орфографический анализ (разбор); словарный (тематический) диктант, диктант с грамматико-орфографическим заданием).

Основные виды *творческих упражнений* составляют: диктанты творческого характера (зрительный, индивидуально-предупредительный, диктант по памяти, творческий диктант, свободный диктант, восстановительный диктант, диктант по аналогии, диктант с языковым и информационно-смысловым анализом текста); работа с лингвистическими словарями; составление рассказа на лингвистическую тему; сочинение на «свободную» тему; обобщение орфографического материала с помощью таблиц; подбор примеров на определённую орфограмму из художественных произведений; сравнение и сопоставление смешиваемых написаний; занимательно-орфографические упражнения и др.

К творческим упражнениям надо переходить постепенно, когда у учащихся начинают складываться устойчивые умения в ходе письма, формируются способы определения написания на основе правил орфографии, их языковой сути. К текстам упражнений предлагаются орфографические задания и задания с элементами творческого письма, например: «*Опираясь на данные слова и словосочетания, составьте простые распространённые предложения*»; «*Выделите все местоимения (наречия, частицы, союзы), употреблённые в тексте (абзаце, предложении)*»; «*Устно (письменно) объясните их правописание*».

Особенность комплексных *упражнений* заключается в том, что они сосредотачивают внимание учащихся одновременно на нескольких группах орфограмм, когда в поле зрения учащихся-билингвов оказываются написания, регулируемые правилами, и написания, не регулируемые правилами. Такие упражнения способствуют систематизации знаний, обеспечивают преемственность в обучении, позволяют повторить ранее изученные орфограммы на новом (по сравнению с предыдущим этапом обучения) уровне лексики. Для комплексных упражнений используются недеформированные и деформированные тексты разных типов, стилей, жанров.

Эффективным видом упражнения в структуре комплексных упражнений является *многоаспектный анализ слова*, который направлен на раз-

витие умений, навыков и способов учебно-познавательной деятельности учащихся, связанной с самоконтролем, самооценкой и самокоррекцией в решении орфографических задач. Он включает лексическое толкование слова (через краткое толкование слова с помощью словаря, подбор синонимов, антонимов, однокоренных слов); определение части речи; поморфемная запись слова; этимологический анализ (если возможно); орфографический анализ; приведение примеров на данную орфограмму; составление с этим словом словосочетания или предложения. Практика убеждает, что необязательно выполнять весь набор заданий: предлагаемая система заданий является примерным ориентиром для учителя, который самостоятельно решает, что он сможет взять для своего урока из данной системы заданий, где и как использовать этот материал.

При выполнении *тренажерных упражнений с использованием компьютерных средств обучения* учащиеся работают с различным языковым материалом (уровень трудности они выбирали сами): словом, словосочетанием, предложением, микротекстом. Эти упражнения позволяют учащимся-билингвам самостоятельно определить темп систематизации и целенаправленного повторения орфографических правил, провести самодиагностику выполненных ими орфографических заданий, развить навыки самоконтроля над письменной речью, активизировать их познавательную деятельность, эффективно подготовиться к выполнению заданий на ОГЭ и ЕГЭ.

Таким образом, данная типология упражнений направлена на организацию творческого подхода к обучению орфографии учащихся-билингвов. Однако «... чтобы упражнения были эффективными, они должны выполняться в системе. Важнейшим же звеном системы является их последовательность» [Приступа, 1973, с. 69]. Процесс совершенствования орфографической грамотности результативен, если система упражнений носит комплексный характер, обеспечивающий полноценное формирование орфографических умений и навыков на речевой основе. При этом подбор дидактического материала должен соответствовать принципам реализации надпредметной функции русского (родного) языка, возрастным особенностям и потребностям учеников, задаче интенсивного развития речемыслительных способностей учащихся-билингвов.

Литература

Баранов М.Т. Методика преподавания русского языка в школе: учебник для студентов пед. вузов. М.: «Академия», 2000. С. 165 – 168.

Ларионова Л.Г. Коммуникативно-деятельностный подход к изучению орфографических правил в средней школе. Ростов н/Д.: Ростиздат, 2005. 432 с.

Павлова Т.И. Совершенствование грамматико-орфографических умений и навыков при обучении русскому языку в 10-11 классах: автореф. дис. ... канд. пед. наук. / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2006. 23 с.

Приступа Г.Н. Основы методики орфографии в средней школе. Рязань: Изд-во РГПИ, 1973. 319 с.

Разумовская М. М. Методика обучения орфографии в школе. М.: Дрофа, 2005. 187 с.

References

Baranov M.T. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka v shkole: uchebnik dlya stud. vyssh. ped. ucheb. zavedeniy*. M.: «Akademiya», 2000. Pp. 165-168. (In Russian).

Larionova L.G. *Kommunikativno-deyatelnostnyy podkhod k izucheniyu orfograficheskikh pravil v sredney shkole*. Rostov n/D., Rostizdat, 2005. 432 p. (In Russian).

Pavlova T.I. *Sovershenstvovaniye grammatiko-orfograficheskikh umeniy i navykov pri obuchenii russkomu yazyku v 10-11 klassakh: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk*. Orlov. gos. un-t. Orel, 2006. 23 p. (In Russian).

Pristupa G.N. *Osnovy metodiki orfografii v sredney shkole*. Ryazan': Izd-vo RGPI, 1973. 319 p. (In Russian).

Razumovskaya M. M. *Metodika obucheniya orfografii v shkole*. M.: Drofa, 2005. 187 p. (In Russian).

Tatyana I. Pavlova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Improving Spelling Literacy for Bilingual Students at the Lessons of Russian Language

The quality of written speech of bilingual students is determined by the specific features of spelling phenomena, the development of their speech-thinking abilities, the influence of interference, and the creation of conditions for its improvement. The formation of spelling literacy requires various types of exercises. The learning process becomes effective if the system of exercises is complex, providing the full formation of spelling skills and abilities on the speech basis.

Key words: *bilinguals, spelling, written speech, principles of spelling, typology of exercises, speech development.*

Tatyana I. Pavlova – Ph.D. of Pedagogy, associate professor of Philology and Art dpt. Rostov Institute of Advanced Training and Retraining of Education Workers. Phone: 8- 928- 181-57-71; e-mail: pavlova.do@yandex.ru

УДК 811.161.1:316.77(470.47)
ББК Ш141.12(2Рос.
Калм)+С524.224.022

**Чжао Цзыхэн,
О.Н. Болдырева**

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СПОСОБНОСТИ

С помощью анкет-вопросников и интервью проведено исследование языковых способностей студентов института русского языка Университета Внутренней Монголии, проходящих стажировку в Калмыцком государственном университете, и студентов, не участвовавших в обмене между университетами. Показано, что эффективность международного обмена не очень очевидна для улучшения языковых способностей студентов, – отмечены большие различия во многих аспектах межкультурной коммуникации, среди которых – снижение уровня знания русского языка, связанное с культурными коннотациями, но в то же время рост знаний речевого этикета русского языка.

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, прагматическая способность языковой контекст, иностранные студенты-стажеры.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-180-187

Чжао Цзыхэн – студент Университета Внутренней Монголии, Хух-Хото, Китай
E-mail: ychfreiclyck@yeah.net

Болдырева Ольга Николаевна – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного и общегуманитарных дисциплин Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова
E-mail: olya.boldyreva2013@yandex.ru

© **Чжао Цзыхэн,
Болдырева О.Н., 2019.**

Межкультурная коммуникация в контексте прагматической способности – это языковая способность, которой должны владеть студенты по специальности «Русский язык» после изучения основных грамматических правил, иметь значительный словарный запас, а также уметь слушать, говорить, читать, писать и переводить на определенном уровне знания русского языка. Такая способность основана на некоторой языковой базе в сочетании со сводными различными текстовыми знаниями, рецессивными факторами и личными условиями и является одной из основных стандартов для проверки качества и уровня владения русским языком. Для повышения межкультурной прагматики большинство вузов обычно применяют метод обмена студентами. Стажировка в России обеспечивает идеальную среду для изучения русского языка и русской культуры. Погружение в русскую языковую и культурную атмосферу на долгое время для повышения межкультурной прагматики у студентов-стажеров, несомненно, выгодно.

В 2008 г. профессор Нанкинского университета Чэнь Синьжэнь определил прагматическую способность как способность использовать дискурс в определенном контексте для достижения коммуникативных целей. Он предложил проанализировать эту способность с точки зрения языковой, социальной, познавательной прагматики и организации дискурса. С помощью данных четырех аспектов можно проанализировать межкультурную коммуникацию в контексте прагматической спо-

способности. По мнению Чэнь Синьжэня, прагмалингвистика означает отношения между объектом и предметом речевого акта. А социальная прагматика – это корректное общение, основанное на рассмотрении социокультурных факторов, способность реализовывать приспособительные функции в обществе, выражение вежливости, общения и признания отношений или эмоций, а также понимание языкового стиля. Познавательная прагматика – это предоставление или поглощение информации в дискурсивном выражении и понимании. Оптимальная способность в основном включает в себя аргументацию разговора, владение пресуппозицией дискурса, использование простых выражений языка для уменьшения нагрузки от полученной информации в ходе дискурса и т. д. Организация дискурса относится к способности структурировать семантическую последовательность, форматировать и регулировать дискурс и участвовать в естественной организации разговора [Ли Минь, Сяо Янь, 2012, с. 50 – 56].

По сравнению с другими системами анализа прагматической способности теория Чэнь Синьжэна является более всеобъемлющей. Исследования в данной статье основываются на этой теории. Проведен анализ изменений межкультурной коммуникации в контексте прагматической способности студентов-стажеров – в четырех аспектах: языковая, социальная, познавательная прагматика и способность к организации дискурса, а также рассмотрены причины повышения межкультурной коммуникации в контексте прагматической способности [Гао Юе, 2017, с. 12 – 15].

Метод эмпирического исследования.

1. Вопросы исследования

Это исследование основано на теоретических положениях прагматики и рассматривает следующие три вопроса:

1. Есть ли значительная разница в области межкультурной прагматической компетентности между студентами, проходящими стажировку в Калмыцком государственном университете, и студентами, которые не участвовали в обмене?

2. Какие аспекты межкультурной прагматики оказывают большее влияние на обмен в России?

3. Какие факторы влияют на повышение межкультурной коммуникации в контексте прагматической способности студентов по обмену?

2. Субъект исследования

В исследовании участвовали десять студентов, проходящих стажировку в Калмыцком государственном университете в 2018 г., составивших экспериментальную группу, и девять студентов, которые не участвовали в обмене в 2018 г. и вошли в контрольную группу. Таким образом, представлены две группы.

Среди них 9 студентов, не проходящих стажировку, которые учатся по традиционным российским университетским специальностям в Китае: их преподаватели – магистры и кандидаты наук из китайских вузов, и все курсы, которые читаются китайскими преподавателями, препода-

даются на китайском языке. В число преподавателей входит один преподаватель из российского вуза, который читает лекции по дисциплине «Устная речь» два раза в неделю.

Десять студентов-стажеров обучаются на факультете довузовской подготовки и обучения иностранных граждан Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова. Им преподаются такие же дисциплины, как и в Китае, но на русском языке.

В дополнение к двум группам студентов, которые участвовали в исследовании, было проведено открытое интервью с несколькими студентами-стажерами других лет (включая двух студентов-стажеров 2016 г., четырех студентов-стажеров 2017 г. и семь студентов 2018 г.). Опрос студентов двух групп продолжался один год.

3. Методы исследования

Эта статья основывается на анкетах-вопросниках и открытых интервью. Содержание анкеты построено на вопроснике по прагматической компетентности, взятом из книги «Исследование прагматической компетентности – межъязыковой прагматический подход», которая была переведена на русский язык [Цзян Чжаньхао, 2013, с. 229 – 237]. В вопросник были внесены некоторые изменения. Анкета-вопросник состоит из 50 вопросов – двух групп основных вопросов, из которых первые 40 представляют собой вопросы с одним вариантом ответа, а последние 10 являются вопросами-рассуждениями.

Вопросник обобщает четыре аспекта межкультурной прагматической способности Чэнь Синьжэня в пяти тестовых содержаниях: знание языкового поведения, косвенное знание языка, смысл значения, вежливое прагматическое знание и разговорное прагматическое знание. Анкета была переведена на русский язык, и ее содержание было частично скорректировано, чтобы лучше проверить факторы, влияющие на снижение прагматической способности.

Результаты и анализ

Согласно данным исследования, студенты-стажеры и студенты, не являющиеся стажерами, имеют одинаковые оценки, что свидетельствует о том, что субъекты эксперимента первых двух групп в 5 подпунктах не сильно отличаются. Студенты-стажеры обычно имеют более высокую успеваемость, их результаты тестов лучше, чем у студентов без обмена. Но структура межкультурной прагматической способности обеих групп в основном одинакова. Число людей, совершивших ошибки, также одинаково, что свидетельствует о том, что межкультурная прагматическая способность двух групп студентов в пяти подпунктах также почти равна. На некоторые вопросы почти все студенты ответили правильно, что составляет более 90 %, а на другие вопросы обе группы студентов ответили неправильно (менее 4 % и даже ноль процентов), что указывает на то, что разница внутренней структуры межкультурной прагматической способности студентов небольшая. Результаты также отражают давние проблемы преподавания русского языка в Китае, связанные с языковыми знаниями, грамматическими правилами, однако не акцентируется

внимание на прагматической способности и языковой практике. Что касается влияния на выбор языка таких основных принципов прагматики, как принцип вежливости и принцип сотрудничества, студенты-стажеры и студенты, не участвующие в обмене, отметили, что им об этом известно мало.

Согласно исследованию, будь то студент-стажер или студенты, не являющиеся стажерами, в обеих исследовательских группах после одного года обучения русскому языку межкультурная коммуникация в контексте прагматической способности улучшилась. Среди них показатели прагматической вежливости и разговорной речи выросли больше всего. Из этого следует, что студенты-стажеры более мотивированы, чтобы писать более содержательные сочинения на русском языке, говорить по-русски более свободно.

Балл у студентов, которые не участвовали в обмене, не увеличился, и он по-прежнему находится в пределах 30. В сочетании с особенностями характеристик самой анкеты-вопросника (способность к речевым действиям в основном сосредоточена на знании теории языка), студенты, которые не участвовали в обмене, получают традиционное обучение в Китае и, как правило, уделяют больше внимания речевым действиям, поэтому в этом аспекте они показывают лучше результаты со средним баллом 37–38. Поскольку в течение года студентов-стажеров обучали только на русском языке, из-за различия в китайско-русской модели образования, они уделяли речевым действиям меньше внимания, поэтому они с тестами справляются не так хорошо. Средний балл снизился с 40,1 баллов до 37,4 балла через полгода, а через год до 31,7 баллов. Большинство студентов-стажеров понимают такие основные прагматические принципы, как принцип вежливости и принцип сотрудничества, и что обстоятельство межкультурного общения и личность коммуникаторов будут влиять на выбор языка и межкультурную прагматическую способность. Отсутствие прагматической способности может привести к коммуникативной неудаче, студенты, не участвующие в обмене, чувствуют это не так глубоко, как все студенты-стажеры, которые считают, что разница в межкультурном прагматическом общении заметна.

Факторы, влияющие на межкультурную коммуникацию в контексте прагматической способности

Посредством анкет-вопросников и интервью по проблемам межкультурной прагматической способности многие студенты-стажеры ясно дали понять, что их межкультурная чувствительность улучшилась после одного месяца стажировки в России. После первого семестра они смогли ощутить влияние убеждений и ценностей людей из разных культур на прагматику межкультурного общения. А спустя некоторое время они смогли более четко распознавать, что различные культурные контексты и разные интеллектуальные факторы влияют на их выбор в речи и приводят их к неравному пониманию содержания русского языка. Влияние контекста и интеллектуальные ограничения являются основ-

ными причинами их постоянного неправильного толкования и недопонимания в межкультурном общении.

1. Контекстное вмешательство.

Контекст относится к материальной и социальной среде, в которой выражены речевые акты. Эта среда состоит из двух основных частей: языкового контекста и неязыкового контекста. Языковой контекст является фактором внутри языкового знака. Неязыковой контекст – это фактор внеязыкового знака. Неязыковой контекст может быть человеческой, явной, видимой сценой, такой как место, объект, случай, неожиданный человек или вещь, естественная среда и т. д. И также может быть неявной, невидимая сцена, такая как социальная культура, обычаи, нормы поведения, ценности и т. д. Оба контекста могут влиять на речевые действия. Для студентов-стажеров языковой контекст мешает пониманию и использованию языка и не является заметным [Цянь Гуаньянь, 2013, с. 73 – 74]. Поэтому здесь мы обсуждаем только проблему вмешательства в неязыковых контекстах и делаем акцент на культуру русского и китайского языков.

Культурные различия в контексте составляют самое большое препятствие для межкультурной прагматики студентов-стажеров. Ключом к успеху межкультурного общения является не только точность языкового уровня, такого как фонетическая интонация, словарный запас, синтаксис и грамматика, но также и прагматическая проблема. Она заключается в необходимости прагматического выбора, вызванного различными культурными барьерами, связана с межкультурной прагматической компетенцией человека. Лингвисты 80-х гг. XX в. М. Канейл и М. Свейн заявили в своих критериях оценки коммуникативной способности, что должны уделять особое внимание развитию своей прагматической компетенции, т. е. языковые пользователи должны определенным образом анализировать и производить дискурс в конкретных социальных и культурных ситуациях, эффективно достигая целей своего общения [Ван Цзяньхуа, 2002, с. 23 – 26].

Представление почти любой функции речевого поведения основано на контексте: студенты сталкиваются с различными коммуникативными объектами, разными коммуникативными сценариями, вносят динамические изменения и ведут переговоры в соответствии с контекстом, избегают прагматических ошибок, обобщают конкретные прагматические правила, что эффективно влияет на студентов-стажеров.

2. Интеллектуальное вмешательство.

Исследователи языка определили нормальное общение формулой поведения «подать знак – сделать умозаключение», т. е. говорящий подает знак, и слушатель умозаключает. Хотя «подать знак» говорящему (явный и неявный) в известной степени означает передать определенную информацию, что обычно ограничено. Когда слова, которые нужно интерпретировать, не выходят за рамки используемого языка, то их относительно просто понять. В процессе общения нужно понимать: есть ли какое-то другое значение в этом слове? В чём значение? Есть ли не-

сколько значений? Какое из них является истинным значением говорящего? Эта информация нужна слушателю, чтобы сделать вывод: это то значение, а не другое. Таким образом, для того, чтобы сделать вывод, необходимо рассуждать [Цянь Гуаньянь, 2013, с. 139].

Профессор Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли Цянь Гуаньянь упомянул интересный пример в монографии «Культурная прагматика китайского языка». Он поговорил с коллегой из России. Если Гуаньянь что-то забывал, когда говорил по-русски, он сразу же переходил на английский язык. Русский коллега услышав, что он говорит по-английски, и также переходил на английский язык. Когда русский коллега сталкивался с какими-либо трудностями при общении на английском языке, то сразу же переходил на русский язык. Как только Гуаньянь услышал, что русский коллега говорит по-русски, он также перешел на русский язык.

Это влияние и ограничение контекста на говорящего также содержит определенное интеллектуальное вмешательство: говорящий постоянно наблюдает за выражением и отношением слушателя и размышляет о намерениях слушателя, чтобы постоянно менять используемый язык.

В определенной степени китайский язык является языком с относительно низкой степенью зависимости от контекста, поэтому, когда студенты-стажеры общаются на русском языке, они часто подсознательно ассоциируют высказанное с китайским языком. Например, когда русские люди говорят: «Можете ли вы передать этот документ Сяо Мину?», стажеры не могут понять, что это простое предложение – просьба или инструкция. Это также является интеллектуальным вмешательством. Другой пример:

А: Что случилось с Людой?

Б: Вам чаю или кофе?

В этом небольшом разговоре Б к А не дает ответа, и, следовательно, А рассуждает, что Б не хотел отвечать на этот вопрос. Это соответствует принципу вежливости и результату интеллектуального вмешательства [Чжан Ке, 2003, с. 4 – 5].

Студенты-стажеры понимают через интеллектуальную коммуникативную практику, что интеллектуальное вмешательство является неотъемлемой частью всего общения. Пренебрежение влиянием интеллектуального вмешательства и его культурных различий часто приводит к культурному недопониманию и конфликтам, а также не способствует улучшению межкультурной прагматической и коммуникативной способности.

Таким образом, из результатов анкет-вопросников и интервью мы пришли к выводу, что между студентами-стажерами и студентами-не-стажерами есть небольшая разница в практическом применении русского языка.

С точки зрения вежливой и разговорной прагматики, у студентов по обмену и студентов, не участвующих в обмене, есть общее, а именно языковые проблемы, связанные с глубокими культурными различиями.

ми, относительно узки. Но студенты-стажеры, очевидно, подготовлены лучше, чем студенты, не участвующие в обмене. Это прямо связано с языковыми способностями, культурной осведомленностью и собственным отношением студентов к обучению. Через год, после стажировки в России, у студентов улучшились языковые навыки и межкультурные прагматические способности, особенно с точки зрения вежливой прагматики. Студенты, не участвующие в обмене, также имеют улучшенные языковые навыки, но межкультурные прагматические способности все еще низки, и прогресс незначительный.

С точки зрения структуры прагматической способности, внутреннее развитие студентов-стажеров несбалансированное, и даже в некоторых аспектах их внутренние различия относительно велики. Это показывает преимущества обучения и практики студентов-стажеров в определенном аспекте, а также отражает некоторые недостатки стажировки. Можно сказать, что структурные различия в межкультурной прагматической способности между студентами-стажерами и студентами, не проходящими стажировку, обусловлены различными методами обучения в Китае и в России. Обмен в России помогает студентам сформировать способность к языковой практике и улучшить межкультурную прагматику.

Из интервью со стажерами видно, что у них культурная чувствительность не является сильной, отсутствие практического контекста русского языка выступает важной причиной низкого уровня знаний студентов, не участвующих в обмене. Неправильные выражения, коммуникационные ошибки вызваны низкой культурной чувствительностью, что ведет к снижению межкультурной прагматической способности. Между ними существует положительная корреляция. Причиной плохой прагматической способности стажеров является то, что они недополнимают влияние среды общения, изменение личностного коммуникатора и ограничение интеллектуальных факторов.

По сравнению с явным прогрессом стажеров, изменение межкультурной прагматической способности в основном неявное: это трудно глубоко понять искусственно, и это нелегко отразить в овладении знанием русского языка в сочетании с межкультурной прагматической способностью. Это динамичный процесс. Выводы, сделанные в форме статических тестовых вопросников, неизбежно будут единичными или предвзятыми. В будущем мы попытаемся изучить межкультурную коммуникацию в контексте прагматической способности с точки зрения динамичности и статистической оценки. Результаты будут более подробными и точными.

Литература

Ван Хайбинь. Кросс-культурные прагматические ошибки в вежливых выражениях в русско-китайском общении. Чанчунь, 2003.

Ван Цзяньхуа. Изучение китайско-английской межкультурной прагматики. Шанхай, 2002.

Гао Юе. Исследование и анализ английской межкультурной прагматической компетенции английских специальностей. Нанкин, 2017.

Ли Минь, Сяо Янь. Обзор концепции анализа прагматической способности. Шанхай, 2012.

Цзян Чжаньхао. Исследование прагматической компетентности – межъязыковой прагматический подход. Пекин, 2013.

Цянь Гуаньянь. Культурная прагматика китайского языка. Пекин, 1997.

Чжан Ке. Непрямые речевые акты на русском и китайском языках. Пекин, 2003.

References

Van Khaibin'. *Kross-kul'turnyye pragmaticheskiye oshibki v vezhliykh vyrazheniyakh v russko-kitayskom obshchenii*. Chanchun', 2003. (In Russian).

Van Tszyan'khua. *Izucheniye kitaysko-angliyskoy mezhkul'turnoy pragmatiki*. Shankhay, 2002. (In Russian).

Gao Yue. *Issledovaniye i analiz angliyskoy mezhkul'turnoy pragmaticheskoy kompetentsii angliyskikh spetsial'nostey*. Nankin, 2017. (In Russian).

Li Min', Syao Yan'. *Obzor kontseptsii analiza pragmaticheskoy sposobnosti*. Shankhay, 2012. (In Russian).

Tszyan Chzhan'khao. *Issledovaniye pragmaticheskoy kompetentnosti – mezh'yazykovoy pragmaticheskiiy podkhod*. Pekin, 2013. (In Russian).

Tsyan' Guan'lyan'. *Kul'turnaya pragmatika kitayskogo yazyka*. Pekin, 1997. (In Russian).

Chzhan Ke. *Nepryamye rechevyye akty na russkom i kitayskom yazykakh*. Pekin, 2003. (In Russian).

Zhao Ziheng, Olga N. Boldyreva (Inner Mongolia University, Hohhot, China; Elista, Russian Federation)

Intercultural Communication in the Context of Pragmatic Ability

Intercultural communication in the context of pragmatic ability is one of the important tasks of the specialty of the Russian language. With the help of questionnaires and interviews, a study was conducted, which was attended by some students of the Institute of Russian language of The University of Inner Mongolia, undergoing training at the Kalmyk State University and students who did not participate in the exchange between universities. This article shows that the effectiveness of international exchange is not very obvious for improving students' language abilities, and students have great differences in many aspects of intercultural communication, including the recessive growth of the level of the Russian language associated with cultural connotations, but at the same time the growth of knowledge of speech etiquette of the Russian language.

Key words: *intercultural communication, pragmatic ability, language context, foreign students-trainees.*

Zhao Ziheng – student of the Inner Mongolia University, Hohhot, China. E-mail: ychfreiclyck@yeah.net

Olga N. Boldyreva – Ph.D., senior lecturer of the Department of Russian as a foreign language and General humanitarian disciplines, Kalmyk state University of B.B. Gorodovikov. E-mail: olya.boldyreva2013@yandex.ru

ЖУРНАЛИСТИКА

К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА Е.В. АХМАДУЛИНА

Без истории нет теории – этой аксиомой руководствовался Евгений Валерьевич Ахмадулин, познавая сущность избранной профессии, будучи сотрудником Новочеркасской городской газеты и студентом отделения журналистики Ростовского госуниверситета.

Свою деятельность на этом пути он начал с изучения истории Донской журналистики, ее типологии, творчества видных публицистов. Умение не только описать малоизвестные исторические факты, но и осознать их значение отличали его первые научные статьи и пособия, написанные в пору аспирантуры. Объектом его исследований стала пресса региона, закономерности ее возникновения и развития, получившие впервые обстоятельный анализ в его кандидатской, а затем и докторской диссертациях.

Отличительная черта характера профессора Е.В. Ахмадулина – целеустремленность, постоянное совершенствование собственных научных достижений и умение увлечь научными поисками студентов и аспирантов, выполняющих под его руководством проекты и диссертации.

Е.В. Ахмадулин много лет является редактором раздела по журналистике в журнале «Известия Южного федерального университета. Филологические науки», уделяя много времени тщательному анализу поступающих статей.

Е.В. Ахмадулин стал основателем учебно-методического объединения по журналистике в регионе, одним из организаторов научной школы исследований донской журналистики. Из года в год он имеет высокий научный рейтинг. По данным РИНЦ в 2018 г. он вошел в число самых цитируемых российских исследователей по тематике «Массовая коммуникация. Журналистика. СМИ».

Евгений Валерьевич – человек необычайно яркий, творческий и многогранный. Он подошел к своему юбилею с багажом значительных дел, заслужил почет и славу. Его мудрость, вкус к жизни, открытость ко всему новому, преданность науке – прекрасный пример для коллег и студентов.

***Кафедра истории журналистики ЮФУ
Кафедра средств массовых коммуникаций ЮФУ
Редколлегия журнала «Известия ЮФУ.
Филологические науки»***

УДК 304.2
ББК 76.01

**Л.П. Громова,
О.И. Лепилкина,
В.В. Тулупов**

ИСТОРИК И ТЕОРЕТИК ЖУРНАЛИСТИКИ

Ахмадулин Евгений Валерьевич – доктор филологических наук, профессор, многие годы руководил кафедрой теории журналистики Ростовского государственного, а затем и Южного федерального университета. Председатель Южно-Российского учебно-методического объединения по специальности журналистика. Действительный член Академии наук региональной печати России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Автор десяти монографий, трёх учебников по истории и теории журналистики и более 200 научных статей.

Этот научный обзор посвящен его многогранной исследовательской деятельности в области истории и теории журналистики.

Ключевые слова: *регион, печать, история журналистики, типология, пресса политических партий, система журналистики, системоформирующие факторы, модели массовой коммуникации, функции журналистики*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-191-200

Громова Людмила Петровна – докт. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета

Лепилкина Ольга Ивановна – докт. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой журналистики Северо-Кавказского федерального университета

Тулупов Владимир Васильевич – докт. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета

© Громова Л.П., Лепилкина О.И., Тулупов В.В., 2019.

Сейчас трудно представить исследования в области истории региональной и всероссийской печати без трудов Е. В. Ахмадулина. Его новаторские методологические концепции воплотились уже в кандидатской диссертации «Система печати Дона накануне и в период первой русской революции (1905 – 1907 гг.), представленной кафедрой Б.И. Есина в МГУ в 1979 г., а затем и в монографии [Ахмадулин, Яровой, 1985]. Многое здесь было невероятным для традиций советской исторической школы: детально описаны и подвергнуты политическому анализу официальные и партийные газеты монархистов [Там же, с. 71 – 77], правых и левых либералов [Там же, с. 57 – 62], социал-демократов меньшевистского толка, также журнальная периодика того времени: сатирическая [Там же, с. 63 – 65], профессионально-общественная [Там же, с. 52 – 56], специализированная и другая. Особо выделена пропагандистская деятельность прогрессивного издательства Н.Е.Парамонова [Там же, с. 49 – 51]. Попутно рассмотрено творчество многих донских журналистов. В монографии поражает обилие архивных документов цензурного ведомства, местной администрации и охранки, особого отдела Департамента полиции, а также мемуарных источников.

Вооруженный наработанными методиками, Е.В.Ахмадулин начал свою экспансию на юг, опубликовав статьи об истории кубанской прессы, а затем – о ставропольской [Ахмадулин, 1993, 1996]. Публикации носили обзорный характер, но в них впервые были

даны сведения о многих изданиях, а, главное, щедро указаны ссылки на архивные источники. Именно эти статьи пробудили активный интерес к историческим исследованиям журналистики и созданию научных школ на Кубани и в Ставрополье.

Сам автор продолжал развивать методики журналистского регионоведения [Ахмадулин, 2013]. «Мы вправе говорить, – пишет он, – о некоторой самостоятельности региональных систем печати, так как они функционируют в читательской массе, проживающей на определенной территории и тесно связанной между собой экономическими и культурными взаимоотношениями, традициями данного края» [Там же, с. 131]. Подробно останавливаясь на методах классификации и типологизации печати в различные исторические периоды, автор подчеркивает: «Каждый исследователь истории журналистики для выяснения позиции периодического издания должен вести анализ его материалов лишь в связи с контекстом эпохи» [Там же, с. 133]. В конце статьи Е.В.Ахмадулин приходит к выводу о том, что «системный подход при ретроспективном изучении региональной печати дореволюционного периода в сочетании с принципами историзма и типологическими методиками дает наиболее репрезентативную картину динамичного развития журналистики на фоне исторических общественно-политических перемен» [Там же, с. 136].

Донская казачья журналистика интересует его с точки зрения этнословных характеристик изданий с «казакоманской» и либеральной идеологиями, их пропагандистско-информационного противостояния [Akhmadulin, Degtyareva, 2013, p. 1270 – 1274]. Исследователь утверждает, что именно «этно-словный характер аудитории «казачьих» изданий формировал определенное целевое назначение: пропаганду казачьей идентичности, традиций, воинской доблести, укрепление административно-правовых и земельных привилегий» [Ахмадулин, Дегтярева, 2014]. Устанавливая историческую связь с казачьими изданиями нашего времени, авторы статьи отмечают: «Современная казачья пресса ... несомненно опирается на опыт своих дореволюционных предшественниц, но лишена очень важного словного фактора, а также фактора территориальной целостности для казачества, она, по большей части, опираясь на историко-этнические источники, использует пропагандистскую риторику консерваторов-казакоманов» [Ахмадулин, Дегтярева, 2014].

В целом же интересы Е.В.Ахмадулина были сосредоточены в русле исследований журналистики всего южного региона России, касалось ли это отдельных отрядов политической прессы [Ахмадулин, 2012], или в целом региональных систем журналистики и задач по их дальнейшему изучению.

Особенно ярко проявились системно-научные, организаторские и методические способности профессора Ахмадулина в ответ на инициативу факультета журналистики Воронежского госуниверситета о создании «Энциклопедии региональной печати». Он неоднократно выступал с докладами по этому поводу, а затем опубликовал программную статью «Энциклопедия региональной печати и научный потенциал регионов» [Ахмадулин, 2012, с. 186 – 190].

Анализируя проблемные точки проекта (периоды представления, издания вместе с персоналиями, объёмы предстоящей работы, кураторство ведущих ученых), автор подводит некоторые итоги изучения истории местной и национальной печати в регионах России, приводит выборку диссертаций, посвященных исследованию региональной журналистики за последние 20 лет и приходит к выводу, что «региональные силы исследователей провинциальной печати дореволюционной России достаточны, чтобы, объединившись, поднять энциклопедический проект» [Ахмадулин, 2012, с. 189]. «Фактором, объединяющим историков журналистики вокруг проекта, – считает он, – может послужить хорошо сработанный сайт (типа "Википедии"), на котором бы накапливался и обрабатывался поступающий материал для энциклопедии и который бы стал электронной версией "энциклопедии печати" и зримым фактом достижения успехов в реализации проекта» [Там же, с. 187].

«По хронологии и большей степени изученности приоритет в подготовке первого выпуска энциклопедии» автор отдает изданиям дореволюционного периода [Там же, с. 188]. По его мнению, «актуальность исследования региональной печати дореволюционного периода связана, прежде всего, с освоением всех исторически сложившихся культурных слоев, накопленных на протяжении нескольких веков в России. Журналистика в этом плане представляет собой интерес, так как именно в текстах периодических изданий зафиксированы факты, события и мнения, волновавшие в свое время те или иные поколения россиян. Кроме того, опыт работы самих журналистов, постановки тех или иных изданий, реакции их на окружающую социальную действительность, несомненно, всегда будет актуален для современных журналистов [Там же, с. 188].

Для создания энциклопедии, утверждает Е.В.Ахмадулин, нужны предварительные монографические исследования. Такое монографическое исследование было проведено в южном регионе России, и путём сложения материалов А.И.Станько и Е.В.Ахмадулина была издана монография «Региональная печать Дона и Северного Кавказа» [Ахмадулин, Станько, 2014], вобравшая в себя не только исследования самих авторов, но и достижения коллег из Ставрополя, Кубани и республик Северного Кавказа.

Наряду с исследованиями региональной печати Е.В.Ахмадулин активно внедряет свой методологический багаж в изучение истории всероссийской журналистики. Первой такой работой стала монография «Правительственная печать России (конец XIX в. – февраль 1917 г.)» [Ахмадулин, 2000].

Надо сказать, что в то время мало кто заметил в аннотации к книге ремарку: «Монография является частью большого научного проекта автора о прессе политических партий России» [Там же, с. 2]. В рамках реализации проекта одна за другой выходят монографии Е.В.Ахмадулина, посвященные прессе политических партий России начала XX в.: первое издание – о печати консерваторов, второе – о прессе либералов [Ахмадулин, 2001а, б]. При этом автор не ограничился только началом XX в., а предвещает рождение каждой партийной подсистемы печати рассмотрением предшественников консервативной и либеральной идеологий.

По своему объёму, содержательной насыщенности, введению в научный оборот нового и малоизученного материала, обилию разнообразных архивных и мемуарных источников, перечню научной литературы, а также историко-теоретической, методологической и методической оснащённости каждая из этих монографий могла бы стать докторской диссертацией, но автор объединил их в один текст (700 с.) и успешно защитил искомую диссертацию.

Время собирать камни прошло, наступило время разбрасывать, т.е. делиться накопленными знаниями. И прежде всего это касалось теории и методологии исторических исследований журналистики. В статье «Проблемы методологии системного исследования истории отечественной журналистики» [Ахмадулин, 2009] автор впервые представил свою теоретическую модель массовой коммуникации и успешно опробовал ее на историческом материале. «Историография отечественной журналистики в демократически ориентированном обществе только складывается», – пишет он. «Тенденциозный подход исказил многие факты истории российской прессы, привел к разрушению единого историко-культурного, историко-публицистического процесса; разделил журналистику по классовому принципу на буржуазную и большевистскую, а затем – на партийно-советскую и эмигрантскую (антисоветскую, контрреволюционную)» [Там же, с. 119]. По мнению Е.В. Ахмадулина, журналистика – это социальная система, в которой все типы изданий функционируют в едином информационном пространстве.

Ученый неоднократно обращается к волнующим всех историков проблемам периодизации российской журналистики. «Концепция исторической периодизации, – отмечает он, – на наш взгляд, должна исходить из следующих посылов:

- российская журналистика является частью мировой журналистики и подчиняется общим законам;

- российская журналистика, как и всякая иная, является сложной социальной системой и зависит от изменений системоформирующих факторов этой системы» [Ахмадулин, 2009, с. 119].

Таким образом, в основу своей концепции периодизации он ставит кардинальные изменения, происходящие в системоформирующих факторах (социально-политический, идейный, культурно-образовательный, технико-экономический), которые, в свою очередь, влияют на изменения типа системы, обозначающие «главные исторические вехи эволюции журналистики» [Там же, с. 120]. А далее, давая пространную трактовку системного подхода применительно к истории журналистики, автор в рамках этого подхода раскрывает механизмы перехода российской системы журналистики от литературно-ориентированной – к общественно-политической авторитарного, а затем либерального и демократического типа: «За короткое время от 1900-го до октября 1917 года российская журналистика прошла путь от мощной авторитарной системы с элементами оппозиционности к либеральной, с бурно развивающейся в условиях революции партийной, парламентской прессой

(1905 – 1907 гг.). Послереволюционный спад на следующем этапе (1908 – 1909 гг.) закончился новым общественно-политическим подъемом (1910 – 1914 гг.), прерванном Первой мировой войной. Февральская революция 1917 г. выявила достоинства и противоречия становления системы журналистики в условиях буржуазно-демократического строя, прерванного Октябрьской революцией. И на всех этапах этого исторического пути журналистика претерпевала заметные системные и типологические изменения» [Ахмадулин, 2009, с. 128].

В статьях и учебниках Е.В. Ахмадулина подкупает постоянная перекличка с современностью. Например, сравнивая первое и последнее десятилетия XX в., автор пишет:

«И тогда и теперь произошел поворот страны к конституционно-правовому строю.

И тогда и теперь впервые была создана представительная власть в лице законодательной Государственной думы.

И тогда и теперь на демократической волне возникли многочисленные политические партии, союзы, движения, блоки.

И тогда и теперь к началу работы Государственных дум четвертого созыва выявились четыре партийные фракции, ведущее место среди которых занимали и занимают думские объединения правительственной ориентации.

И тогда и теперь после отмены цензуры и объявления свободы слова и печати страна наводнилась не только политизированными изданиями, но и широкой типологической палитрой научно-популярной, деловой, образовательной, развлекательной, бульварной прессы» [Ахмадулин, 2009, с. 128].

Необходимо было переосмыслить, дополнить, показать ярче некоторые важные периоды в российской журналистике. И автор обращается ко времени стабилизации системы после революции 1905 года [Ахмадулин, 2008] и переходу её в демократическое русло после Февральской революции 1917 г. [Ахмадулин, 2007]. В год 100-летия Октябрьской революции Е.В.Ахмадулин описывает драматические перипетии борьбы за власть с участием прессы и отклики на большевистскую пропаганду и большевистский переворот [Ахмадулин, 2018].

Теперь об учебнике. Соединив монографический материал, добавив сведения о печати социалистических партий и беспартийных общественно-политических изданий, адаптировав всё это к образовательной программе, Е.В.Ахмадулин в 2008 г. выпустил учебник «История российской журналистики начала XX века» [Ахмадулин]. В соавторстве с профессором МГУ Р.П. Овсепяном был издан учебник «История отечественной журналистики XX века» (2008) сначала малым тиражом, а затем (2016) – переиздан в издательстве «Юрайт» для бакалавров всех вузов России [Ахмадулин, Овсепян, 2016.].

Сейчас многие знают Е.В.Ахмадулина как теоретика журналистики. Его теоретические концепции выросли из истории отечественной журналистики. Однако интерес исследователя, прежде всего, к формализации и

моделированию процессов массовой коммуникации и построению информационных типологических моделей с помощью формальных языков привел к изучению и анализу социальных, социологических, психологических моделей массовой коммуникации известных западных ученых: Гарольда Лассуэлла, Уилбура Шрамма, Джона и Матильды Райли, Герберта Малекке, Мелвина де Флера, а затем и ученых российской научной школы: А.Н. Алексеева, М. Лауристин, Ю.В. Воронцова, Е.П. Прохорова и Э.Г. Багирова [Ахмадулин, 2000; 2004]. Отмечая преимущества и недостатки различных моделей массовой коммуникации, автор выделяет в западных схемах прагматику социологичности и отсутствие влияния социальных факторов, а в моделях российской школы – уклон в идеологичность.

Вывод состоял в необходимости создания более унифицированной и универсальной модели журналистики, которая бы в равной степени была полезной и для научных, и для учебных целей. Именно такую системную модель ученый разрабатывает и представляет как исследовательскую парадигму [Ахмадулин, 2016, с. 164] и далее на её основе дает подробное описание своего видения системы журналистики. Все эти и другие теоретические концепции Е.В.Ахмадулина легли в основу сначала краткого курса, а затем и полноценного учебного пособия «Основы теории журналистики» [Ахмадулин, 2008.]. Книга получила высокую оценку экспертов и гриф Минобрнауки. Здесь, думается, необходимо привести те самые экспертные оценки, которые как нельзя лучше характеризуют новаторство Е.В.Ахмадулина. Один из авторов этого обзора (В.В.Тулупов), который был в числе рецензентов, признал:

«Учебное пособие написано емко, логично выстроено и доступно пониманию студентов-первокурсников. По избранной концепции, методологии, методике, содержанию и структуре учебное пособие Е.В.Ахмадулина с полным правом можно отнести к учебникам нового поколения. При этом оно полностью отвечает требованиям федерального компонента государственного образовательного стандарта по специальности «журналистика» [Ахмадулин, 2016а, с. 4].

Приведём также мнение признанного теоретика журналистики профессора Е.П. Прохорова (МГУ), который считал автора своим преемником:

«Среди немногих изданий на русском языке по общей теории журналистики (особенно это касается строго ориентированной на учебный процесс литературы) предлагаемое учебное пособие занимает особое место. Понимая, что существуют и вошли в учебное употребление учебники “Основы журналистики” и “Введение в теорию журналистики”, Е.В.Ахмадулин выбрал оригинальный подход: если в других работах практически нет даже ссылок на работы исследователей прошлого и настоящего, то в этом пособии акцент как раз сделан на изложение и комментирование тех подходов и концепций, которые “ложатся” на проблематику университетского курса “Основы журналистики”. Одобрения заслуживает и методическая оснащенность пособия – к каждой главе даны “вопросы для обсуждения”, “задания для самостоятельной

работы”, “литература”; в конце работы приводятся “контрольные тесты”, “понятийно-терминологический словарь” и подборка высказываний о журналистике. Такая работа заслуживает одобрения, издания и рекомендации в качестве учебного пособия» [Ахмадулин, 2016а, с. 3].

Профессор Ю.В. Лучинский (Кубанский госуниверситет) отметил: «Представленная в учебном пособии авторская онтологическая модель журналистики, собственно, и является центром теоретического осмысления и наглядного показа процесса массовой коммуникации, функций системы, ее подсистем и отдельных элементов. На наш взгляд, здесь особенно важны в теоретическом, методологическом и методическом аспектах введенные автором учебного пособия понятия и суждения о системоформирующих факторах, его четкие и однозначные формулировки и определения таким спорным понятиям, как “журналистика”, “система массовой коммуникации”, “средства массовой коммуникации”, “средства массовой информации” и др.» [Там же, с. 4].

Важно, что Е.В.Ахмадулин впервые дает однозначное определение: «Журналистика – это социальная система, предназначенная для поиска, переработки и дискретной передачи актуальной социальной информации с помощью специализированных коммуникационных средств (печать, радио, телевидение, Интернет и др.) неопределенной массовой аудитории с целью информирования ее, социального адаптивного, а также отражения и формирования общественного мнения. Тип системы журналистики обуславливается социально-политической организацией общества, общественными интересами, культурно-образовательными и технико-экономическими системоформирующими факторами» [Там же, с. 14].

Собственно, весь материал учебника раскрывает это системное определение. Автор пишет: «Сначала мы обратимся к истории создания системы и выявим наиболее существенные факторы, повлиявшие на ее зарождение и развитие, затем рассмотрим исторически сложившиеся типы систем журналистики, их функции, правовые особенности, далее – познакомимся с основами системного подхода и принципами моделирования системы журналистики, а уже от модели системы можно переходить к рассмотрению агрегированных подсистем (управления, производства массовой информации, формирования общественного мнения, обратной связи) и самих элементов этих подсистем (издатель, коммуникатор, массовая информация, каналы, аудитория и т.д.) [Там же, с. 19 – 20].

Вышедший в 2016 г. в московском специализированном издательстве «Юрайт» учебник Е.В.Ахмадулина «Основы теории журналистики», пользуется большим спросом в учебном процессе на факультетах и отделениях журналистики [Там же].

Последние работы ученого свидетельствуют о его активном участии в региональных проектах и дискуссиях по поводу процессов, происходящих в современной печатной прессе [Ахмадулин, 2016б]. И хочется пожелать ему новых достижений и открытий.

Литература и источники

Ахмадулин Е.В., Дегтярева Т.С. Этносословные характеристики изданий донского казачества XIX – начала XX вв. // Медиаскоп: Электронный журнал Факультета журналистики МГУ им. М.В.Ломоносова. 2014. Вып. 3.

Ахмадулин Е.В. Журналистика России в условиях буржуазно-демократического государства (февраль – октябрь 1917 г.) // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2007. № 1-2. С. 269 – 284.

Ахмадулин Е.В. Западные модели массовых коммуникаций: история формирования, структура, функции // Филол. вестн. РГУ. 2000. № 3. С. 36 – 45.

Ахмадулин Е.В. Издания конституционных демократов на Юге России (1905 – 1907 гг.) // Научная мысль Кавказа. 2012. № 2. С. 146 – 149.

Ахмадулин Е.В. История российской журналистики начала XX века: учебник. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. 392 с.

Ахмадулин Е.В. Легальная печать Ставрополя дооктябрьского периода. // Акценты. Воронеж, 1996. № 2. С. 43 – 47.

Ахмадулин Е.В. Модели систем журналистики российской научной школы // Акценты (Воронеж). 2004. № 3-4. С. 17 – 26.

Ахмадулин Е.В. Некоторые особенности ретроспективного изучения системы региональной периодической печати // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2013. № 4. С. 130 – 137.

Ахмадулин Е.В., Овсепян Р.П. История отечественной журналистики начала XX века: учебник для академического бакалавриата. М.: Изд-во Юрайт, 2016. 423 с.

Ахмадулин Е.В. Октябрьская революция 1917 года в отражении современной ей прессы // Медиаскоп. 2018. № 1. С. 10.

Ахмадулин Е.В. Основы теории журналистики: учеб. пособие. М.; Ростов н/Д: Изд. центр «МарТ». 2008. 320 с.

Ахмадулин Е.В. Основы теории журналистики: учебник и практикум для бакалавриата. М.: Изд-во Юрайт, 2016а. 358 с.

Ахмадулин Е.В. Печатные СМИ: территория выживания // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2016б. № 3. С. 156 – 160.

Ахмадулин Е. В. Правительственная печать России (конец XIX в. – февраль 1917 г.). Ростов н/Д: Изд-во «Книга», 2000. 80 с.

Ахмадулин Е.В. Пресса политических партий России начала XX века: издания консерваторов. Ростов н/Д: Изд-во «Книга». 2001а. 132 с.

Ахмадулин Е.В. Пресса политических партий России начала XX века: издания либералов. Ростов н/Д: Ростиздат, 2001б. 176 с.

Ахмадулин Е.В. Проблемы методологии системного исследования истории отечественной журналистики. // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2009. № 1. С.118 – 129.

Ахмадулин Е.В. Система журналистики России между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907 – 1917) // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2008. № 3. С. 96 – 115.

Ахмадулин Е.В., Станько А.И. Региональная печать Дона и Северного Кавказа: монография. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. 372 с.

Ахмадулин Е.В. Формирование системы легальной печати Кубани // Типологическое развитие журналистики. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1993. С.50 – 62.

Ахмадулин Е.В. «Энциклопедия региональной печати» и научный потенциал регионов // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2012. № 2. С.186 – 190.

Ахмадулин Е.В., Яровой И.В. Печать Дона в годы первой русской революции. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1985. 88 с.

Akhmadulin E.V., Degtyareva T.S. The Typology of Ethno-Estate in Cossack Publications in Russia in the 19th – beginning of the 20th Centuries // World Applied Sciences Journal. 25 (9): 2013, p. 1270-1274.

References

Akhmadulin E.V., Degtyareva T.S. Ehtnoslovnnyye kharakteristiki izdaniy donskogo kazachestva XIX – nachala XX v. *Mediaskop: Elektronnyy zhurnal Fakul'teta zhurnalistiki MGU im. M.V.Lomonosova*. 2014. Vyp. 3. (In Russian).

Akhmadulin E.V. «Ehntsiklopediya regional'noy pechati» i nauchnyy potentsial regionov. *Izv. YFU. Filol. nauki*, 2012, no. 2, pp.186-190. (In Russian).

Akhmadulin E.V. Zhurnalistika Rossii v usloviyakh burzhuazno-demokraticheskogo gosudarstva (fevral' – oktyabr' 1917 g.). *Izv. YuFU. Filol. nauki*, 2007, no. 1-2, pp. 269-284. (In Russian).

Akhmadulin E.V. Zapadnyye modeli massovykh kommunikatsiy: istoriya formirovaniya, struktura, funktsii. *Filol. vestnik RGU*, 2000, no. 3, pp. 36-45. (In Russian).

Akhmadulin E.V. Izdaniya konstitutsionnykh demokratov na Yuge Rossii (1905-1907 gg.). *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2012, no. 2, pp. 146-149. (In Russian).

Akhmadulin E.V. *Istoriya rossiiskoy zhurnalistiki nachala XX veka: uchebnik*. Rostov n/D, Izd-vo YuFU, 2008. 392 p. (In Russian).

Akhmadulin E.V. Legal'naya pechat' Stavropol'ya dooktyabr'skogo perioda. *Aktsenty. Voronezh*, 1996, no. 2, pp. 43-47. (In Russian).

Akhmadulin E.V. Modeli sistem zhurnalistiki rossiyskoy nauchnoy shkoly. *Aktsenty (Voronezh)*, 2004, no. 3-4, pp.17-26. (In Russian).

Akhmadulin E.V. Nekotoryye osobennosti retrospektivnogo izucheniya sistemy regional'noy periodicheskoy pechati. *Izv. YFU. Filol. nauki*, 2013, no. 4, pp. 130 – 137. (In Russian).

Akhmadulin E.V., Ovsepyan R.P. *Istoriya otechestvennoy zhurnalistiki nachala XX veka: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata*. M.: Izd-vo Yurayt, 2016. 423 p. (In Russian).

Akhmadulin E.V. Oktyabr'skaya revolyutsiya 1917 goda v otrazhenii sovremennoy yey pressy. *Mediaskop*, 2018, no. 1, p. 10. (In Russian).

Akhmadulin E.V. *Osnovy teorii zhurnalistiki: ucheb. posobiye*. M.; Rostov n/D: Izdatel'skiy tsentr «MarT», 2008. 320 p. (In Russian).

Akhmadulin E.V. *Osnovy teorii zhurnalistiki: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata*. M.: Izd-vo Yurayt, 2016a. 358 p. (In Russian).

Akhmadulin E. V. *Pravitel'stvennaya pechat' Rossii (konets XIX v. – fevral' 1917 g.)*. Rostov n/D: Izd-vo ZAO «Kniga», 2000. 80 p. (In Russian).

Akhmadulin E.V. Pechatnyye SMI: territoriya vyzhivaniya. *Izv. YuFU. Filol. nauki*, 2016b, no. 3, pp. 156-160. (In Russian).

Akhmadulin E.V. *Pressa politicheskikh partiy Rossii nachala XX veka: izdaniya konservatorov*. Rostov n/D: Izd-vo «Kniga». 2001a. 132 p. (In Russian).

Akhmadulin E.V. *Pressa politicheskikh partiy Rossii nachala XX veka: izdaniya liberalov*. Rostov n/D: Rostizdat, 2001b. 176 p. (In Russian).

Akhmadulin E.V. Problemy metodologii sistemnogo issledovaniya istorii otechestvennoy zhurnalistiki. *Izv. YFU. Filol. nauki*, 2009, no. 1, pp.118-129. (In Russian).

Akhmadulin E.V. Sistema zhurnalistiki Rossii mezhdv dvumya burzhuazno-demokraticheskimi revolyutsiyami (1907 – 1917). *Izv. YuFU. Filol. nauki*, 2008, no. 3, pp. 96-115. (In Russian).

Akhmadulin E.V., Stan'ko A.I. *Regional'naya pechat' Dona i Severnogo Kavkaza: monografiya*. Rostov n/D: Izd-vo YuFU, 2014. 372 p. (In Russian).

Akhmadulin E.V. Formirovaniye sistemy legal'noy pechati Kubani. *Tipologicheskoye razvitiye zhurnalistiki*. Rostov n/D: Izd-vo RGU, 1993. Pp. 50-62. (In Russian).

Akhmadulin E.V., Yarovoy I.V. *Pechat' Dona v gody pervoy russkoy revolyutsii*. Rostov n/D: Izd-vo RGU, 1985. 88 p. (In Russian).

Akhmadulin E.V., Degtyareva T.S. The Typology of Ethno-Estate in Cossack Publications in Russia in the 19th – beginning of the 20th Centuries. *World Applied Sciences Journal*. 25 (9): 2013, p. 1270-1274.

Lyudmila P. Gromova, Olga I. Lepilkina, Vladimir V. Tulupov (St. Petersburg, Stavropol, Voronezh, Russian Federation)

Historian and Theorist of Journalism

Evgeny Akhmadulin – grand Ph.D. of Philology, Professor, headed the Department of Theory of Journalism of Rostov State University, and then Southern Federal University for many years. Chairman of the South-Russian educational-methodical association in journalism. Full member of the Academy of Sciences of the regional press of Russia, corresponding member of the Peter the Great Academy of Sciences and Arts. The author of ten monographs, three textbooks on the history and theory of journalism and more than 200 scientific articles.

This scientific review is devoted to his multifaceted research in the field of history and theory of journalism. It includes a review of the methodology of retrospective studies, the concepts of periodization, the application of the systems approach, the principles of historicism and typological methods in the analysis of historical trends and metamorphoses that occurred in Russian journalism during the most difficult period of its operation. His works gave impetus to the formation of research schools of journalistic regional studies in the republics of the North Caucasus, Kuban, Stavropol region and Astrakhan. His main achievement in theoretical studies is the phenomenon of journalism as an integrated system. It gives a model representation of the processes of mass communication occurring in the journalism system, and this kind of “simulator” shows the role, tasks and functions of journalism as a whole, its subsystems and individual components.

Key words: *region, press, history of journalism, typology, press of political parties, system of journalism, system-forming factors, models of mass communication, functions of journalism.*

Lyudmila P. Gromova – grand Ph.D. of Philology, Professor, head of journalism history dpt. High school of journalism and mass communications of St. Petersburg State University.

Olga I. Lepilkina – grand Ph.D. of Philology, Professor, head of journalism dpt. North Caucasus Federal University

Vladimir V. Tulupov – grand Ph.D. of Philology, Professor, head of advertisement and design dpt. Dean of the journalism faculty. Voronezh State University.

УДК 304.2
ББК 76.01

А.Г. Донских

**ОБЩЕДОСТУПНАЯ
ИНФОРМАЦИЯ
В ИНТЕРНЕТЕ
И ОСОБЕННОСТИ
ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЖУРНАЛИСТАМИ.
ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Рассмотрены спорные вопросы, связанные с использованием журналистами общедоступной информации в Интернете, толкованием терминов «доступ к информации» и «использование информации». Автор выявляет следующий парадокс: факт нахождения тех или иных сведений в Интернете в открытом доступе не гарантирует возможность их свободного использования. Поэтому любая информация, находящаяся в открытых ресурсах, должна пройти систему проверки на ее достоверность, принадлежность определенным лицам и их прав по отношению к этой информации, наличие условий использования.

Ключевые слова: журналисты, СМИ, доступ к информации, общедоступная информация, информация ограниченного доступа, использование информации, информационные ресурсы, персональные данные, личная информация, социальные сети.

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-201-208

Донских Анна Георгиевна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории журналистики Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел. 8-918-502-75-17
E-mail: anna_kapustina@mail.ru

© Донских А.Г., 2019.

Информация является основным ресурсом в профессиональной деятельности журналиста, поиску которой посвящена большая часть рабочего времени. Особую ценность представляет уникальная, актуальная, оперативная информация, так как потенциально привлекательна для аудитории. По результатам социологических исследований больше всего сил журналисты качественных СМИ тратят именно на сбор информации для создания материала [Вырковский, Кургликова, 2014, [http](#)].

Интернет позволяет ускорить процессы сбора информации, являясь неисчерпаемым по своему многообразию источникам сведений. Для современного журналиста это – универсальный ресурс. В то же время безграничные возможности в получении информации посредством Интернета порождают опасные заблуждения относительно доступности и перспектив свободного использования сведений, находящихся во всемирной паутине.

Цель данной статьи – рассмотреть спорные вопросы, связанные с использованием общедоступной информации в Интернете, неоднозначным толкованием понятий «доступ к информации» и «использование информации», выяснить, при каких обстоятельствах факт нахождения тех или иных сведений в Интернете в открытом доступе еще не гарантирует возможность их свободного использования.

Законодательство Российской Федерации наделяет журналистов специальными правами по поиску информации. Саму информацию принято классифи-

цировать по разным критериям. В законодательстве классификация строится на основании категорий доступа, порядка предоставления или распространения информации. Так, в зависимости от категории доступа ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее ФЗ «Об информации») делит информацию на общедоступную и информацию с ограниченным доступом. А в зависимости от порядка ее предоставления или распространения подразделяет на свободно распространяемую, информацию, предоставляемую на основании соглашения, обязательную для предоставления или распространения на основании закона, а также информацию, распространение которой в Российской Федерации ограничено или запрещено.

К общедоступной информации Федеральный закон об информации относит «общеизвестные сведения и иную информацию, доступ к которой не ограничен» (ст. 7 Закона). Доступ к информации закон определяет как возможность получения информации и ее использования. Таким образом, общедоступная информация может использоваться любыми лицами по их усмотрению при соблюдении ими федерального законодательства.

Общедоступная информация позволяет гражданам и журналистам реализовать конституционные права на поиск и получение информации. В то же время ограничение доступа к информации в соответствии с ФЗ «Об информации» устанавливается федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. К информации ограниченного доступа закон в частности относит государственную тайну и конфиденциальную информацию (коммерческую, служебную, профессиональную, личную и семейную тайну, персональные данные).

Законом предусмотрено, что не может быть ограничен доступ к нормативно-правовым актам, затрагивающим права, свободы и обязанности человека и гражданина, а также устанавливающим правовое положение организаций и полномочия государственных органов, органов местного самоуправления; информации о состоянии окружающей среды; информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также об использовании бюджетных средств (за исключением сведений, составляющих государственную или служебную тайну); информации, накапливаемой в открытых фондах библиотек, музеев и архивов, а также в государственных, муниципальных и иных информационных системах, созданных или предназначенных для обеспечения граждан и организаций такой информацией; иной информации, недопустимость ограничения доступа к которой установлена федеральными законами. Таким образом, перечисленные категории информации по смыслу статьи относятся к общедоступным сведениям.

В литературе встречается синоним термину «общедоступная информация» – «открытая информация». Открытость информации предполагает отсутствие каких-либо ограничений к ее получению. К открытой информации относят информацию, являющуюся объектом

гражданских прав (произведения, патенты и авторские свидетельства, другую информацию, создаваемую с целью извлечения прибыли), массовую информацию, информацию о выборах, референдуме, официальные документы, обязательно предоставляемую информацию [Копылов, 2002, с. 47]. К открытой (общедоступной) также относят информацию, размещаемую в социальных сетях, пабликах, блогах, форумах, сайтах Интернет-СМИ, справочниках, энциклопедиях, реестрах и т.д.

ФЗ «Об информации» к общедоступной информации в сети Интернет относит информацию, размещаемую ее обладателями в формате, допускающем автоматизированную обработку без предварительных изменений человеком в целях повторного ее использования. Причем в законе говорится, что такая информация является общедоступной, размещаемой в форме открытых данных (п. 4 ст. 7). К открытым данным принято также относить информацию о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, размещаемую самими органами [Типовые условия...]

В то же время следует учитывать, что ФЗ «Об информации» содержит важные оговорки относительно режима общедоступной информации в Интернете: она таковой является только при условии отсутствия нарушений прав обладателей информации, а также субъектов персональных данных. «В случае, если размещение информации в форме открытых данных может повлечь за собой нарушение прав обладателей информации, доступ к которой ограничен в соответствии с федеральными законами, или нарушение прав субъектов персональных данных, размещение указанной информации в форме открытых данных должно быть прекращено по решению суда, а также <...> приостановлено или прекращено по требованию уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных» (п. 6 ст. 7 ФЗ «Об информации»).

По мнению экспертов, даже если формально информация размещена субъектом в режиме общедоступной, никто, кроме него самого, не имеет права осуществлять в отношении данной информации какие-либо действия, поскольку ФЗ «Об информации» определяет доступ как возможность получения информации и использования, а информация, размещаемая на странице социальных сетей или информационных ресурсах или сайтовых страницах как общедоступная, фактически имеет вполне конкретное ограничение по доступу: она возможна лишь для всеобщего ознакомления, иногда – для копирования, реже – для предоставления или распространения, но практически никогда – для модификации [Трофимцев, Стрелков, 2017, с. 68]. По мнению Т.А. Ионовой, информация, размещаемая на личной странице в социальной сети, является общедоступной, но для получения доступа к ней посторонним лицам необходимо, как правило, зарегистрироваться на том или ином сайте. [Ионова, 2015, с. 50]

Следует отметить достаточно сложный и противоречивый характер определяемого законом режима общедоступной информации, что нередко ведет к ошибочным толкованиям и применениям его положений на практике. Так, ФЗ «Об информации» толкует понятие доступ к информации как «возможность получения информации и ее использова-

ния». В законе не уточняется характер использования, что предполагает широкий спектр толкований, например использование в целях ознакомления, переработки или распространения. Очевидно, что информация, находящаяся в открытом доступе, представляет интерес для журналистов как оперативный источник сведений для подготовки собственных материалов. А любые журналистские материалы пишутся с единственной целью их дальнейшего распространения.

Таким образом, выявляется противоречие, вызванное неоднозначным толкованием термина. По мнению автора данной статьи, к свободному использованию общедоступной информации можно без сомнений отнести только одно действие – ознакомление. Однако в деятельности журналистов – это первый этап работы с информацией. Поскольку закон содержит лишь общую оговорку, заключенную в том, что цели использования не должны противоречить действующему законодательству, журналистам необходимо сверяться с его нормами каждый раз, когда приходится работать с открытыми источниками. Что на практике не всегда выполнимо и влечет нарушения.

Среди наиболее распространенных – нарушения, связанные с использованием размещенных в открытом доступе сведений без согласия их владельцев – использование изображений людей, объектов интеллектуальной собственности, персональных данных; сведений о частной жизни, личной и семейной тайне, отсутствие ссылок на источники информации, распространение недостоверных, фейковых сведений.

Масштабы циркуляции незаконно размещенной информации в открытом доступе в Интернете представлены в отчетах Роскомнадзора. Так, с 2015 по 2018 гг. ведомство выявило более 1,2 тысяч сайтов, незаконно распространяющих персональные данные граждан: информацию о владельцах автомобилей, собственниках жилья, паспортные данные. В результате проверок было заблокировано более 17 тысяч пиратских сайтов [ТАСС: Роскомнадзор..., [http](#)].

Социальные сети как источник общедоступной информации еще одна сфера конфликтов и парадоксов. Личная информация, размещаемая пользователями в аккаунтах социальных сетей, делает ее общедоступной в соответствии с логикой ФЗ «Об информации». Это могут быть сведения о фамилии, имени, дате рождения, месте жительства, работе или учебе, семейном положении, состоянии здоровья, отношениях, информация о путешествиях, хобби, ближайших планах, геолокации – все, чем делятся пользователи со своими друзьями. Несмотря на то, что в аккаунтах пользователей предусмотрены настройки приватности, они не гарантируют абсолютной защиты от утечки информации.

В результате сложилось повсеместное заблуждение: если пользователь, добровольно разместил личные данные в своем аккаунте, он разрешил не только доступ, но и свободное их использование. Между тем в пользовательских соглашениях, которые разработаны всеми социальными сетями, есть пункты, в соответствии с которыми использовать персональные данные пользователей можно только на основании их

личного согласия. Это подтверждают разъяснения Роскомнадзора: «В соответствии с п. 5.12 пользовательского соглашения сети «ВКонтакте» пользователь дает согласие на доступ к информации, которую он размещает на персональной странице, в том числе к своим персональным данным. Согласие на сбор, обработку и передачу третьи лицам пользователь не дает [Роскомнадзор запретил..., [http](#)]. Следовательно, сам факт размещения кем-либо в социальной сети личной информации, не дает журналистам и иным лицам права использовать такую информацию без специального разрешения владельца этой информации.

Понятию «личные данные» соответствует юридический эквивалент – «персональные данные». Так, в ФЗ «О персональных данных» под персональными данными понимается любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) (ст.3) [ФЗ «О персональных данных» № 152-ФЗ]. То есть, персональные данные – это любые сведения, с помощью которых можно идентифицировать человека. В соответствии с законом без разрешения субъекта персональных данных такую информацию никто не вправе использовать. Такое распространение наносит серьезный вред не только самому гражданину и его репутации, но и членам его семьи. Даже если такие персональные данные добываются из открытых источников, их достоверность или законность СМИ не всегда проверяется.

Так, в 2017 г. в Интернете распространили фото и видео мужчины, взятые с камер наблюдения, как подозреваемого в причастности к теракту, но указали имя невинного человека. «Фото Ильяса Никитина появилось в СМИ сразу после взрыва в Санкт-Петербурге, с подписью “подозреваемый в причастности к теракту”. Мужчина сам пришел в полицию, чтобы объяснить. После этого он не смог улететь домой – другие пассажиры отказались лететь с ним. А на следующий день стало известно, что его уволили с работы» [«Человек в шапочке»..., [http](#)].

То, что общедоступная информация может оказаться недостоверной, подтверждает случай с Владиславом Девиза. СМИ распространили фото этого студента, взятое с фейковой странички «ВКонтакте», как виновного в трагических событиях в Керчи. Как оказалось, он не имел никакого отношения к данным событиям, но общественное мнение успело надежно его с ними связать, а в адрес членов семьи стали поступать угрозы [В Керчи..., [http](#)].

Особенно следует остановиться на распространении в СМИ размещенных в социальных сетях и иных интернет-ресурсах фотографий. Законодательство гарантирует каждому право на изображение, поэтому без согласия изображенного на фото (либо его законных представителей), такое изображение никто не вправе использовать, в том числе журналисты. Между тем часто для иллюстрации публикаций журналисты используют фото, размещенные пользователями социальных сетей на своих личных страничках, без согласия последних. Позиция судов в таких делах на стороне истцов. Особенно, если они не являются известными личностями. Например, в одном из подобных дел, суд решил, что истец не является публичной фигурой, а оснований утверждать, что

фотография истца была размещена ответчиком на сайте в общественных или иных публичных интересах у суда не имеется (Дело № 2-839/2016).

Также надо помнить, что если фотография была сделана в публичном месте или на мероприятии, это еще не гарантирует ее свободное использование. Ведь объектив такого фото может быть сосредоточен на отдельном человеке, что можно толковать как «основной объект использования». Именно такое исключение содержит ст. 152.1 ГК РФ в отношении случаев свободного использования изображений граждан.

Практически все фотографии являются объектами авторских прав, и без разрешения их авторов свободное использование таких произведений запрещено. Следует отметить, когда речь идет об объектах интеллектуальной собственности, в первую очередь необходимо выяснить, кому принадлежат права на их использование. Отсутствие информации о правообладателе не гарантирует возможность свободного использования подобных произведений. Ошибочно также полагать, что авторские права на размещенные пользователями произведения принадлежат администрации социальной сети лишь по факту такого размещения. В пользовательских соглашениях сайтов «Одноклассники», «ВКонтакте», «Facebook» права на размещаемый контент остаются за пользователями, даже несмотря на то, что такое размещение предоставляет определенные права на использование контента и администрации сайта.

В Правилах пользования Сайтом «ВКонтакте» в п. 3.2 «установлены условия, в соответствии с которыми права на использование информации и результатов интеллектуальной деятельности (включая, но не ограничиваясь литературными, музыкальными, аудиовизуальными произведениями и фонограммами, произведениями графики и дизайна, фотографическими произведениями, программами для ЭВМ) в составе отдельных разделов Сайта, могут принадлежать Пользователям Сайта и иным лицам, самостоятельно создавшим и/или разместившим указанные объекты на Сайте без непосредственного участия Администрации Сайта».

«Мы не претендуем на право собственности на ваш контент, но вы даете нам лицензию на его использование», – сказано в пользовательском соглашении сайта «Instagram». «Вы являетесь владельцем контента, который вы создаете и которым делитесь на Facebook и в других Продуктах Facebook, используемых вами, и никакие положения настоящего Пользовательского соглашения не лишают вас прав на ваш собственный контент».

Подводя итоги, заметим, что в современном понимании общедоступной информацией считают любые находящиеся в открытом доступе сведения. Отсутствие однозначного подхода к понятию «свободное использование информации», позволяет применять этот подход к любым сведениям в Интернете. Поэтому ситуации, связанные с использованием в средствах массовой информации личных данных, фотографий, изображений, находящихся в открытых источниках, растут. Стоит отметить, что наиболее опасный характер приобретает распространение в СМИ личной информации о гражданах, не являющихся публичными лицами, поскольку ставит под угрозу личную безопасность этих людей.

Убеждение, что факт нахождения любой информации в Интернете, в том числе и личной, делает ее общедоступной и позволяет использовать в любых целях, – повсеместно. Отчасти этому способствуют недостаточно полные формулировки понятий «общедоступная информация» и «доступ к информации» в ФЗ «Об информации». Однако стоит помнить, что в законе есть ограничения, запрещающие пользоваться общедоступной информацией, главное из которых – отсутствие разрешения ее владельца. Необходимо помнить, что любая информация, находящаяся в открытых ресурсах, должна пройти систему проверки на ее достоверность, принадлежность определенным лицам и их прав по отношению к этой информации, наличие условий использования.

Литература

В Керчи семья ошибочно названного убийцей подростка боится выходить из дома. URL: // <https://ria.ru/incidents/20181019/1531065932.html> (дата обращения 20.10.2018).

Вырковский А.В., Кургликова М.В. Отношение к рабочему процессу журналистов качественных СМИ // Медиаскоп. 2014, № 4. URL: // <http://www.mediascope.ru/1664> (дата обращения 10.09.2018).

Ионова Т.А. Проблемы применения юридической ответственности за использование и искажение общедоступной информации, размещаемой в социальных сетях Интернета // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2015. № 9. С. 50.

Копылов В.А. Информационное право: учебник: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. С. 47.

Роскомнадзор запретил третьим лицам использовать данные пользователей «ВКонтакте». URL: // <https://habr.com/post/405705/> (дата обращения 20.10.2018).

ТАСС: Роскомнадзор за три года заблокировал и очистил от пиратского видео более 17 тыс. сайтов URL: // <https://rkn.gov.ru/press/publications/news61616.htm> (дата обращения 20.10.2018).

Типовые условия использования общедоступной информации, размещаемой в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в форме открытых данных // Информационно-правовая система «КонсультантПлюс».

Трофимцев С.Ю., Стрелков И.В. Некоторые аспекты нарушения права на неприкосновенность частной жизни путем совершения противоправных деяний в отношении личной информации, размещенной в социальных сетях // Вестн. Самарского юридического ин-та. 2017. № 3(25). С. 68.

ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 №149-ФЗ // Информационно-правовая система «Консультант Плюс».

ФЗ «О персональных данных» №152-ФЗ от 27.07.2006.

«Человек в шапочке»: кто такой Ильяс Никитин. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/04/2017/58eb5a669a79479ff2fb2f90> (дата обращения: 20.10.2018).

References

V Kerchi sem'ya oshibochno nazvannogo ubiytsey podrostka boitsya vykhodit' iz doma. Available at: // <https://ria.ru/incidents/20181019/1531065932.html> (accessed 20.10.2018) (In Russian).

Vyrkovskiy A.V., Kurglikova M.V. Otnosheniye k rabochemu protsessu zhurnalistov kachestvennykh SMI. *Mediaskop*, no. 4. URL: Available at: <http://www.mediascope.ru/1664> (accessed 10.09.2018) (In Russian).

Ionova T.A. Problemy primeneniya yuridicheskoy otvetstvennosti za ispol'zovaniye i iskazheniye obshchedostupnoy informatsii, razmeshchaemoy v sotsial'nykh setyakh Interneta. *Vestn. Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2015, no. 9, pp. 50 (In Russian).

Kopylov V.A. Informatsionnoye pravo: uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist, 2002, p.47 (In Russian).

Roskomnadzor zapretil tret'im litsam ispol'zovat' dannyye pol'zovateley «VKontakte». Available at: // <https://habr.com/post/405705/> (accessed 20.10.2018). (In Russian).

TASS: Roskomnadzor za tri goda zablokiroval i ochistil ot piratskogo video boleye 17 tys. saitov. Available at: // <https://rkn.gov.ru/press/publications/news61616.htm> (accessed 20.10.2018). (In Russian).

Tipovyeye usloviya ispol'zovaniya obshchedostupnoy informatsii, razmeshchaemoy v informatsionno-telekommunikatsionnoy seti «Internet» v forme otkrytykh dannykh. *Informatsionno-pravovaya sistema «Konsul'tantPhyus»*. (In Russian).

Trofimtsev S.Yu., Strelkov I.V. Nekotorye aspekty narusheniya prava na neprikosnovennost' chastnoy zhizni putem soversheniya protivopravnykh deyaniy v otnoshenii lichnoy informatsii, razmeshchennoy v sotsial'nykh setyakh. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*, 2017, no. 3(25), p. 68. (In Russian).

FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» ot 27.07.2006 №149-FZ. *Informatsionno-pravovaya sistema «Konsul'tant Phyus»* (In Russian).

FZ «O personal'nykh dannykh» №152-FZ ot 27.07.2006. (In Russian).

«Chelovek v shapochke»: kto takoy Il'yas Nikitin. Available at: <https://www.rbc.ru/society/10/04/2017/58eb5a669a79479ff2fb2f90> (accessed 20.10.2018) (In Russian).

Anna G. Donskikh (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Publicly Available Information on the Internet and the Specifics of its Use by Journalists. Legal Aspects

The article deals with controversial issues related to the use of public information on the Internet, the interpretation of the terms “access to information” and “use of information”. The author argues that the information in the Internet in the public domain does not guarantee the possibility of their free use. Any information in the open resources must pass a system of verification of its accuracy, belonging to a certain person and his/her rights in relation to this information, the availability of conditions of use.

Key words: *journalists, mass media, access to information, public information, information of limited access, use of information, information resources, personal data, personal information, social networks.*

Anna G. Donskikh – Ph.D. of Philology, associate professor of journalism theory dept. Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication. Southern Federal University. Phone: 8-918-502-75-17, e-mail: anna_kapustina@mail.ru

УДК: 070 (091)
ББК 76.02

Ю.А. Клец

**ОТРАЖЕНИЕ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ОФИЦИАЛЬНОЙ
И ЧАСТНОЙ ПРЕССЕ
СТАВРОПОЛЬСКОЙ
ГУБЕРНИИ 1914 – 1917 гг.**

Отражены особенности формирования медийной картины периода Первой мировой войны в правительственных губернских ведомостях и частных газетах Ставропольской губернии. Рассмотрены и представлены основные транслируемые издания ценности и установки, указана их связь с типологическим обликом и идеологической ориентацией газет.

Ключевые слова: *местная дореволюционная пресса, печать периода Первой мировой войны, губернские ведомости.*

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-209-214

Клец Юлия Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета
Тел.: 8-909-751-55-77
E-mail: multikmul@yandex.ru

© Клец Ю.А., 2019.

В кризисные периоды развития общества пресса трансформирует событийную информацию, основываясь на идеологических воззрениях представляемых ею общественных и политических сил, происходит перестройка системы взглядов, представлений, ценностной ориентации общества. Начало XX в. – переломный момент в российской истории, наполненный общественно-политическими потрясениями и преобразованиями, что и предопределяет интерес к прессе данного периода. Одним из крупнейших трагических событий начала XX в. была Первая мировая война, активно освещавшаяся на страницах губернской прессы. Значимыми и нередко полярными в отражении политических событий источниками информации для местной аудитории были представители официальной и частной прессы региона – газеты «Ставропольские губернские ведомости» и «Северокавказский край».

Газета «Ставропольские губернские ведомости» (далее «СГВ») являлась первым изданием Ставропольской губернии и составной частью сети официальных газет, выходивших в Российской Империи с 1838 г. Первый ее номер вышел 1 января 1850 г. Структура «СГВ» включала две части – официальную, публикующую документы центральной и губернской власти, и собственно журналистскую неофициальную часть.

Основой информационной политики ведомостей с началом Первой мировой войны стало объяснение законных и справедливых мотивов вступления России в во-

енные действия, поддержка идеологии правительства, призыв к сплочению и патриотическому единству всех слоев населения для помощи фронту. Начало войны ознаменовалось появлением в официальном отделе издания под достаточно крупным и броским заголовком «Высочайших манифестов», призывающих «в грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри, да укрепитя еще теснее единение царя с его народом» (СГВ, 1914, № 30).

Информационная политика ведомостей с началом войны изменилась еще и в результате ужесточения общих цензурных условий. Хотя цензура не распространялась на издания власти, такие документы как «Временное положение о военной цензуре» и «Перечень сведений, запрещенных к публикации в связи с войной» четко определяли идеологическую тональность текстов газеты (см. подробнее [Жирков, 2001, с. 196]).

В официальной части «СГВ» появились новые отделы «По мобилизации» и «Выписки из списка убитым, раненым и без вести пропавшим на войне нижним чинам Ставропольской губернии», кроме того здесь публиковались все законодательные акты, касающиеся военного положения губернии.

Основным тематическим содержанием ведомостей на 1914 – 1916 гг. стало описание военных действий. Редакция достаточно оперативно для того времени отражала последние события на фронте в рамках информационных жанров. Журналисты ведомостей достаточно часто использовали аналитические и художественно-публицистические жанры. Подобные тексты ставили целью представить аудитории мотивы вступления страны в войну, ее историческую и политическую роль в данном процессе, создавали полярные образы врагов и героев.

Для публикации коротких информационных текстов, отражающих события войны на европейском театре военных действий, был создан отдел в неофициальной части (без заголовка). Следующей с № 31 за 1914 г. появилась рубрика «Письма о войне». Это уже была публицистика в целом не характерная для такого типа издания, как губернские ведомости. Материалы в жанре письма представляли собой субъективные раздумья авторов о войне, о враге, его жестокости, несправедливости, злодеяниях на фронте, о героизме русского солдата, самоотверженной помощи и поддержке народом армии. Подтверждением последнего газета занималась достаточно активно. Так в неофициальной части появилась под рубрика «Приговоры поселян», содержащая тексты, в которых от лица представителей Ставропольской губернии, чаще всего крестьян, говорилось о всеобщем сплочении населения для помощи армии.

Сама задача официальной газеты состояла в информационной поддержке правительственной политики, поэтому закономерной выглядит медиакартина войны на страницах ведомостей: авторы текстов часто писали о победах на фронте, о праздниках по поводу этих побед в тылу, о единении русского народа в патриотических чувствах, одобрении и поддержке военных действий. И, конечно же, эта картина исключала

информацию о количестве смертей, разрухе и голоде в стране и губернии, о проблемах с продовольствием и оружием, недовольстве народа, большом количестве сирот, оставшихся без родителей, вдов и т.д. Такая тенденция прослеживалась в подаче как центральной, так и местной информации, тяжелое состояние страны и губернии в издании не освещалось, замалчивалось.

Иллюзию постоянных военных побед и их празднования в тылу поддерживали и тексты местного автора протоиерея Симеона Никольского («Празднование победы, одержанной русским войском над немцами 22 мая – 3 июня 1916 г.» // СГВ, 1916, № 26; «Торжественное празднование взятия Эрзерума в г.г. Ставрополе на Кавказе» // СГВ, 1916, № 6;). Также протоиерей являлся автором текстов об известных ставропольцах, погибших на фронте Первой мировой войны («Детство и воспитание “Героини долга” сестры милосердия Риммы Михайловны Ивановой, по воспоминаниям ее родителей» // СГВ, 1915, №7). Симеон Никольский, рассказывая о событии или личности, активно проводил в текстах идеи патриотизма, которые в его понимании включали верность царю, правительству, строю, и, следовательно, поддержку войны до победы.

Интересно, что в официальном издании, программа которого не включала литературные тексты, в данный период публиковалось большое их количество. Данные тексты («Завет русского царя» Нюси Тымчук (СГВ, 1916, № 4), «Русская мощь» П. Пятницкого (СГВ, 1914, № 44), «Вперед, друзья» В. Колесникова (СГВ, 1914, № 49) «Тяжелые думы», «Смерть воина» В. Щеглова (СГВ, 1916, № 53) эмоционально и образно рассказывали о героизме, подвиге, мужестве русского воина, о преданности и патриотизме населения для поддержки общих целей, выражали верность царю и отечеству.

Новая тема военного периода появилась на страницах ведомостей в 1916 г. – это была активная пропаганда военного займа. На первых полосах, достаточно крупно и броско появлялись объявления, взывающие к патриотическим чувствам народа. В журналистских материалах говорилось о том, как продвигается идея займа, о его поддержке со стороны сельского населения губернии.

Информационную картину военных событий для жителей губернии наряду с официальной прессой создавали еще и частные издания. Одним из ярких представителей данного типа СМИ являлась газета «Северокавказский край».

В марте 1911 г. в губернии в результате слияния двух изданий «Северокавказской газеты» и газеты «Наш край» вышло новое периодическое издание – газета «Северокавказский край». В первых же материалах издание указывало на продолжение традиций частной прессы и, в частности, первой частной ставропольской газеты «Северный Кавказ». Среди ведущих сотрудников издания следует назвать ярких публицистов Г. Прозрителева, А. Воскресенского, Н. Розанова, Ф. Пеньковского, И. Сургучева (см. подробнее [Лепилкина, 2005, с. 109 – 117].

Практически с первых номеров и в течение всего периода выхода газета в связи со своей критической направленностью имела сложные взаимоотношения с цензурой. Так, уже второй номер был конфискован цензурой за разгромную направленность передовой статьи «Перерыв законодательных сессий», критикующую деятельность Государственной Думы. В период же войны ситуация усугубилась, по мере ужесточения военной цензуры все чаще на страницах «Северокавказского края» вместо изъятых текстов стали появляться большие пропущенные места, белые пятна.

С началом Первой мировой войны в уже сформировавшуюся структуру газеты вошли отделы «Война» и «Телеграммы». Отдел «Война» располагался сразу после передовой статьи, в него входили постоянные рубрики: «На русско-германском фронте», «На Кавказском фронте» и пр. Регулярными в этот период были рубрики «Государственная Дума», «Новости дня», «Местная жизнь», «За границей», «Наш край», «Последняя телеграмма», «По России», «Обзор печати», «Маленький фельетон», «Смесь», «Театр и музыка» и др.

В период войны на страницах «Северокавказского края» сформировались такие тематические линии: ситуация на фронте, военный заём, состояние стран союзниц, призывники, экономическое и политическое состояние региона, благотворительность, роль духовенства и земства в войне, личность, обличение врага и др. В газете «Северокавказский край» в период войны значительное место отводилось информации местного характера, что отличает ее от «СГВ», где подобные тексты встречались реже.

Также как и в «СГВ» в текстах «Северокавказского края» формировался образ врага, предполагающий создание в массовом сознании устойчивых отрицательных взглядов и установок о государстве противника и его представителях. По мере нарастания боевых действий характер пропагандистских публикаций газеты «Северокавказский край» становился более негативным, журналисты использовали манипулирование традиционными символами, использовали стереотипы, сложившиеся в массовом сознании, относительно противника, мистификацию, замалчивание и отбор определенной отрицательной информации о враге. Примером может служить статья «Война и психология», опубликованная в № 375 за 1916 г. Здесь создается образ жестокой и коварной немецкой нации, используется мотив разрушения врагом общечеловеческих ценностей.

Полярно противоположным образом являлся образ русского солдата и русской армии, журналисты активно показывали примеры героизма русского народа на фронте. Особое место отводилось рубрике «Наши земляки на поле брани», где давались списки ставропольцев, раненых и пропавших на фронте без вести. Если же обратиться к реализации темы личность в издании этого периода, то следует отметить тот факт, что большинство публикаций были посвящены не представителям военной верхушки или власти, а солдатам, выходцам из простого народа,

которые своей моральной, материальной помощью, а иногда и ценой жизни, как отмечали журналисты, приближали Родину к победе над неприятелем. Так, в номере от 4 марта 1916 г. была опубликован текст под заглавием «Военный вестник», где рассказывалось, как донские казаки, практически не имея оружия и в меньшем количестве, смогли разбить неприятеля. Журналисты активно апеллировали к эмоциям и чувствам аудитории, публиковали тексты, показывающие, что русский солдат прежде всего носитель главных человеческих качеств и хранитель вековых ценностей. Так, например, текст в рубрике «По Кавказу», рассказывал о русском солдате, который, несмотря на все ужасы войны, не ожесточился, он спас и принес в госпиталь маленькую девочку, а потом долго укачивал ее на руках, прежде чем там оставить.

В отличие от официальных правительственных ведомостей, отстаивающих идеи патриотизма, равного верности царю, правительству и существующему строю, публицисты «Северокавказского края», выступая в поддержку военных действий, главное завоевание народа в войне видели в расширении его прав, поскольку война, по мнению авторов «Северокавказского края», уравнивает в правах представителей всех возможных социальных слоев. Так Н. Розанов, отстаивающий эту позицию в передовой статье «Наша победа», подчеркивал возможность народного недовольства и предостерегал власти о нем: «... если наши законодатели поймут ответственность момента, нам не грозит опасность действий снизу, вырывающих то, чего не дают добровольно. Но Гос. Думе надо понять эту громадную важность момента и поступить так, как ей диктует жизнь, а не так, как было бы приятно для сословных интересов части ее состава».

Также как и официальная пресса, частная информационно поддерживала военный заем. Практически в каждом номере за 1916 г. на первой полосе располагался крупный заголовок: «Солдаты – сбережения – снаряды – вот то, что сломит врага и даст нам победу» и далее шел текст, пропагандирующий заем и призывающий народ покупать данные бумаги.

В отличие от «СГВ» «Северокавказский край» не создавал иллюзии всеобщей поддержки населением данного займа и военных действий, хоть и не часто, но авторы писали о случаях краж, хулиганства, тяжелого положения населения губернии, отказов в помощи фронту и т.д. Так, в рубрике «Наш край» в номере от 19 июня 1916 г. сообщалось, что в воскресенье во дворе белоглинского волостного правления состоялся общественный сход, который решил отказать в материальной поддержке солдатам, так как сами оставшиеся в селе старики бедствовали.

В июле 1917 г. А.М. Воскресенский был вынужден уйти с поста редактора. А 31 декабря 1917 г. общегубернское Народное собрание, объявившее о переходе власти в Ставропольской губернии в руки Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, одним из своих постановлений закрыло «Северокавказский край».

Таким образом, освещение событий Первой мировой войны в частной и официальной ставропольской прессе того периода было достаточ-

но схожим. В начале войны на первое место в обоих изданиях выходила поддержка правительства и военных действий, патриотического подъема в народе, отстаивались идеи единения всех слоев общества перед лицом войны. Но, в отличие от официальной газеты, частная видела в этом единении начало перехода к расширению прав и свобод простого народа по окончании войны. Оба издания в аналитических и публицистических текстах формировали два полярных образа – резко отрицательный образ врага и героический образ русского солдата. Отличия в информационной политике изданий касались еще и подачи местной, губернской информации. В «Северокавказском крае» в отличие от губернских ведомостей подобная информация занимала центральное место, касалась экономического и политического состояния региона, частная газета говорила об экономическом упадке губернии к концу войны, редко, но все же появлялись в ней тексты о народном недовольстве, которые полностью отсутствовали в официальной газете.

Литература

Жирков Г.В. История цензуры в России XIX–XX вв. М.: Аспект- Пресс, 2001. 367 с.

Лепилкина О.И. История ставропольской журналистики. Ставрополь, 2005. 167 с.

References

Zhirkov G. V. *Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv.* M., Aspekt-Press, 2001. 367 p. (In Russian).

Lepilkina O. I. *Istoriya Stavropolskoy zhurnalistiki.* Stavropol, 2005. 167 p. (In Russian).

Yulia A. Klets (Stavropol, Russian Federation)

Reflection of the First World War in Official and Private Press of the Stavropol Province in 1914-1917

The article reflects the peculiarities of the formation of the First World War media pattern in the government provincial gazettes and private newspapers of the Stavropol province. Main values and attitudes broadcast by publications are analyzed and presented as well as their connection with the typological image and ideological orientation of newspapers indicated.

Key words: *local pre-revolutionary press, the First World War press, provincial gazettes.*

Yuliya A. Klets – Ph. D. of Philology, associate professor. North Caucasus Federal University, Humanitarian Institute, Department of journalism. Stavropol, Russia. Phone: 8-909-751-55-77, e-mail: multikmul@yandex.ru

УДК 070 (091)
ББК 76.02 (Ирак)

Кака Мохаммед Омер Кака

**НАЧАЛО КУРДСКОЙ
ПРЕССЫ:
ГАЗЕТА «КУРДИСТАН»**

Статья посвящена первому курдскому национальному изданию – газете «Курдистан» (1898 – 1902 гг.). Приведена история ее создания и становления, сначала в Египте, затем в Европе. Описаны гонения на газету и ее редакторов со стороны власти Османской империи. Подчеркнута роль и значение газеты в формировании национальных и просветительских идей, в политическом и культурном единении курдского народа, борющегося за свою независимость.

Ключевые слова: газета «Курдистан», национальное самосознание, Медхат Бадрехан, Османская империя, Сулейман Абдул-Хамид

DOI 10.23683/1995-0640-2019-2-215-223

Кака Мохаммед Омер Кака – аспирант кафедры теории журналистики Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета.
Тел.: 8-989-626-40-15
E-mail: mohammedomarkaka@gmail.com

© **Кака Мохаммед Омер Кака, 2019.**

Первая курдская газета «Курдистан» вышла 22 апреля 1898 г. в Каире (Египет). Владельцем и главным редактором издания был Мекдад Медхат Бадрехан¹. Газета выходила два раза в месяц, объемом четыре страницы среднего формата (25,5 см – 32,5 см). Язык издания – курдский (диалект крманжи), набор производился арабскими буквами (персидский шрифт), используемыми в Османской империи. Газета «Курдистан» с перерывами издавалась до 14 апреля 1902 г. Последний, 31-й номер вышел в Женеве.

Тираж первых номеров составлял 3000 экземпляров, из которых 2000 были распространены бесплатно в Курдистане, и 1000 – за пределами Курдистана по цене 80 криш². Газета стала известной во всем Курдистане. Для расширения аудитории издания Медхат Бадрехан счел необходимым начиная с 4-го номера публиковать статьи и на турецком языке [Наушируан Мустафа Амин, 2013, с. 44].

Газета «Курдистан» отличалась от остальных газет, выходивших в Османской империи, тем, что это была первая курдская газета по названию, языку, владельцу и содержанию. Здесь публиковались статьи о курдах и поднимался курдский вопрос. Газета оказывала влияние на курдское общественное мнение, выполняла культурную и просветительскую функции, в особенности, в плане формирования национального самосознания и сохранения курдских социальных и культурных ценностей [Фарис Осман, 2017, с. 22].

Выбор Египта для издания первой курдской газеты был не случаен. Курдский народ в ту исто-

рическую эпоху жил в Османской империи. Турецкое правительство допускало бесчеловечное обращение со всеми нетурецкими национальностями, такими как арабы, армяне, курды и другие, отказываясь признавать даже элементарные права этих народов, такие как право на собственную культуру.

Османские власти использовали давление и террор по отношению к освободительным движениям угнетенных народов, лишали жизни или свободы всех либералов, активистов и мыслителей. Такая ситуация привела к миграции большого числа представителей таких народов как курды, арабы и армяне в Египет. Здесь пресса пользовалась относительно более широкой свободой, и они создали ассоциации и газеты для ведения национальной и политической деятельности [Фарис Осман, 2017, с. 47].

По словам курдского историка Камаля Мажара, основная причина появления первого курдского журнала «Курдистан» в Египте состояла в том, что османские власти категорически отвергали выпуск газеты Курдистана на территории империи, в Стамбуле или в любом другом городе Курдистана, поэтому Медхат Бадрахан издавал свою газету в Египте, свободном от контроля Османской империи во время правления Мухаммада Али Паши [Камаль Мажара, б.г.]

Более того, в это время в Египте британское правительство собирало антиосманские силы. Следует также отметить, что в конце XIX в. периодическая печать и печатное дело были более развиты в Египте, чем в других восточных странах [Абдул Фаттах Ботани, 2005, с. 65].

Газета «Курдистан» появилась в историческую эпоху, полную восстаний и войн, охвативших большую часть мира. Курды вели вооруженную борьбу за восстановление своих прав, узурпированных османскими султанами.

Появлению газеты предшествовал пик освободительной борьбы курдского народа, в период восстаний Яждан шер, сыновей Бадрахана Паши, Османа Паши и Хусейна Канаана Паши в 1878 г., а также крупнейшего курдского восстания XIX в. шейха Абидуллы, Нахари в 1880 г. [Салам Наухуш, 2009, с. 89].

Издание стало выразителем желаний и устремлений национально-освободительного движения курдского народа, которые привели к национальным восстаниям. Из-за сложностей с публикацией газеты пять первых номеров вышли в Египте. После чего власти Османской империи начали оказывать давление на владельца газеты, заключив в тюрьму членов его семьи, и потребовали от египетских властей закрыть издание и выдворить Мекдада Бадрахана в Стамбул. Когда издатель понял, что не сможет продолжать свою деятельность в Египте, он решил со своим братом Абдель Рахманом Бадраханом ³ перенести редакцию в одну из европейских стран. В итоге газета стала выходить в Женеве, и с шестого номера главным редактором газеты стал Абдель Рахман Бадрахан [Наушируан Мустафа Амин, 2013, с. 56].

В седьмом номере в статье «Ярость раненого льва», Абдель Рахман, обращаясь к султану Сулейману Абдул-Хамиду, писал: «Если ваша цель, заключив в тюрьму и подвергнув пыткам моих братьев, закрыть газету моего брата, я скажу вам, что ваш замысел не удался, и я клянусь Богом, что он полон решимости издавать газету» [«Курдистан», 1898, № 7].

Несмотря на перевод газеты из Египта в Женеву, чтобы увести ее от османского давления, турецкие власти не отказались от ее преследования. Прямое вмешательство султана Абдул-Хамида привело к закрытию газеты «Курдистан» властями Швейцарии.

Это заставило Сурая Мекдада Бадрахана возглавить издание и возобновить выпуск газеты в Каире, здесь вышли номера с 20 по 23. После очередного запрета со стороны властей Египта издание перевели в Лондон и Фолкстон (юг Англии), где были напечатаны номера газеты с 24 по 29. Когда ее запретили в Великобритании, следующие два номера (30-й и 31-й) удалось выпустить в Женеве. Таким образом, османские власти преследовали курдов как в своей стране, так и в любой точке мира. Но, несмотря на давление, курды смогли выпустить свою первую газету [Шаабан Мзири, 2013, с. 4].

Очевидно, что причины таких гонений «Курдистана» со стороны турецких властей кроются в его содержании. Однако не все номера газеты сохранились. Практически нет сведений об авторах, редакторах, территории распространения издания. Невозможно проанализировать даже основные заголовки статей, поскольку большинство статей не имеет заголовков.

Но об основной идее газеты можно узнать из обращения к читателям Мекдада Медхата Бадрахана в первом номере: «Цель издания этой газеты – зарождение интереса и любви в сердцах людей моей национальности к просвещению и предоставление людям возможности узнать больше о цивилизации, прогрессе и литературе. Я нахожусь в Египте, но хочу видеть в Курдистане курдское правительство и хочу, чтобы эта газета служила только интересам и счастьем моего народа» [«Курдистан», 1998, № 1].

Можно сказать, что Мекдад Медхат смог воплотить идеи этого обращения в содержании газеты Курдистана. В газете освещались следующие вопросы: национальные особенности курдов, история курдов и Курдистана, курдская литература, проблемы невежества, неграмотности и образования в Курдистане, позиция султана Абдул-Хамида II по отношению к курдам, политическая обстановка этой эпохи.

В большинстве своих статей газета призывала курдов к единению. Освещались вопросы усиления национального самосознания курдов, требования признания автономии курдских районов, сохранение национальных обычаев и традиций, курдского фольклора, борьба с невежеством, отсталостью, неграмотностью и интересом к образованию, улучшение и развитие отношений с народами и народностями, с которыми соседствуют курды, рассказы о достижениях зарубежных стран. Газета «Курдистан» заложила основу для критики жизни курдов и ее изучения

с разных сторон – социальной, политической, культурной [Камаль Фавад, 1972, с. 9].

В обращении к читателям газеты, опубликованном в первом номере издания, также было написано: «Мы освещаем реальную жизнь курдов в Османской империи и стремимся показать несправедливость, которой подвергаются курды со стороны должностных лиц и сборщиков налогов, которые преследуют курдов и считают своей важной обязанностью уничтожение национальной самоидентификации курдского народа» [«Курдистан», 1898, № 1].

Эта ситуация была хорошо понята Мекдадом Медхатом Бадраханом, который поставил перед собой цель положить конец этой политике. Само название газеты «Курдистан» уже придавало ей политический характер. В частности, он подчеркнул в первом номере, что целью его издания было «служить интересам курдского народа и повысить национальное самосознание курдов» [«Курдистан», 1898, № 8].

С момента своего появления курдская газета стала рупором курдской политики. Она отражала курдские национальные чувства и самосознание, которые кристаллизовались в начале XIX в. Она отстаивала лозунги курдских национальных восстаний, таких как Бабан, Бхединан, Суран, Хаккари и Бутан, а также восстания под предводительством шейха Обейда ан-Нахари в 1881 г.

Эта политическая зрелость газеты становится более очевидной, когда ее главным редактором стал Абдель Рахман. Заголовки в газете отражают ее ярко выраженную национальную направленность: «Курды», «Курды и Курдистан», «Уолат – Родина», «Курды и армяне. Реальность настоящего и будущего Курдистана».

В седьмом номере газеты приводится такое обращение: «О, курды, если бы мы жили в согласии, и нас объединяло одно знамя и один лидер, мы получили бы независимость от римлян и турок, арабов и аджамов, мы бы имели свою религию и государство, у нас были бы и наука, и мудрость» [«Курдистан», 1898, № 7].

В газете «Курдистан» описанию курдского народа посвящено несколько статей. Подчеркивается мысль, что «Курды известны своим мужеством на протяжении тысячелетий, но сегодня они страдают от преследований со стороны султана, который беспокоится только о своих дворцах и своих супругах». Автор статьи призывает курдов сохранять ценности курдского общества, основанные на мужестве и борьбе с несправедливостью. Автор статьи «Курды и Курдистан» пишет: «Я сравниваю положение курдов и курдских регионов с положением турок и турецких регионов с точки зрения жизни, услуг и образования. Османские власти облагают курдов большими налогами и тратят эти средства на турецкие регионы. Поэтому я прошу наш курдский народ взять инициативу в свои руки, чтобы вырваться из этой несправедливой ситуации, призываю к единству и отказу от разногласий и внутренних конфликтов» [Камаль Фавад, 1972, с. 32].

В отношении курдской национальной идеи «Курдистан» постоянно подчеркивает необходимость сохранять единство, национальное самосознание, бдительность и самостоятельность.

Абдул Рахман Бадрахан обращается к эпохе Просвещения, опубликовав ряд исторических материалов, освещающих важные для курдов исторические темы. Историческая тематика в газете «Курдистан» была представлена в публикации ряда выдержек из истории княжества Бутан, жизнеописания принцев и правителей курдов. Абдул Рахман писал: «Я знаю, что курды мало знают о своей истории, поэтому я буду писать о ней» [«Курдистан», 1899, № 11].

В тринадцатом номере газеты были опубликованы статьи о принцах Сулеймане бен Халиде, Абдулазизе, Саифе аль-Дине, Мадже аль-Дине, Иссе, Бадре аль-Дине, Абдуле, Эззеддине, Ибрагиме, Шарафе бен Амуре Бадреддине [Бахадин Ахмад, 2018, с. 77].

Публикации, посвященные курдской истории, написанные простым языком, понятным для большинства читателей, заинтересовали и другие издания, выходившие в Османской империи, в особенности, армянские газеты. Поэтому эту тему в газете решили продолжить и регулярно размещать небольшие материалы об истории курдов и Курдистана.

В четырнадцатом номере газеты была опубликована статья, посвященная биографии принца Бадрахан-Бека, рассмотрены некоторые важные события его жизни. В статье детально описывается кампания, которую возглавил Осман-паша против своего отца, Бадрахана. Бадрахан мужественно защищал свое правительство, пока его не схватили, не перевели в Стамбул, позже – депортировали на Крит, а затем в Дамаск, где он и провел остаток своей жизни. В десятом номере газета опубликовала биографию Салаха ад-Дина аль-Айюби – лидера курдского ислама, внесшего большой вклад в историю курдов и Курдистана [Бахадин Ахмад, 2018, с. 80].

В восемнадцатом номере, в статье «Хуласа», приводится ссылка на курдскую историю, которая насчитывает более двух тысячелетий: «Более 2000 лет курды живут здесь, в Курдистане. На протяжении всей истории курды отличались силой и мужеством, но, несмотря на это, они никогда не задумывались о создании независимого курдского государства, всегда находились под управлением своих соседей. Во время правления султана Селима I курды добровольно присоединились к Османскому государству, и с этой даты курды служат этой стране бескорыстно и имеют сотню вооруженных отрядов, но курды не видят их будущего» [Хеми Суладин, 1999].

Особое внимание газета «Курдистан» уделяла правителю Османской империи того времени. Султан Абдул-Хамид II ⁴ пришел к власти в 1879 г. В результате массовых убийств и кровопролитий, которыми было отмечено его правление, получил имя Кровавый Султан.

Газета «Курдистан» сначала не проявляла враждебности по отношению к султану Абдул-Хамиду II, ее редактор Медхат Бадрахан писал:

«Преследование курдов, политика репрессий, тюремных заключений и произвольных арестов, распространение коррупции, взяточничество и грабеж богатых курдов являются превышением властных полномочий на местах со стороны губернаторов, чиновников и армии, не имеющих отношения к государственной политике, в особенности, к политике султана Абдул-Хамида» [Фарис Осман, 2017, с. 25]. Таким образом, позиция газеты не была враждебной по отношению к верховной власти. Более того, редактор советовал пострадавшим обращаться непосредственно к султану Абдул-Хамиду: «О люди, угнетенные! Пишите о нарушениях закона и произволе, которые допускают префекты, губернаторы и чиновники!» и призывал курдских патриотов через газету подавать свои жалобы и просьбы султану [«Курдистан», 1898, № 4].

В четвертом и пятом номере было опубликовано открытое письмо на турецком языке султану Абдул-Хамиду II от имени Мекдада Медхата Бадрахан-паши, в котором он выразил свою глубокую уверенность в его симпатиях к надеждам и чаяниям курдов и призвал к справедливости по отношению к курдскому народу.

Ожидания Бадрахана не оправдались. После выхода газеты министр внутренних дел Османской империи решил не допустить распространения «Курдистана» на территории Османской империи, особенно в курдских регионах. Это решение было санкционировано Абдул-Хамидом II. Было оказано давление на Медхата Бадрахана и его семью в Стамбуле, с целью добиться его отказа от издания газеты и возвращения в Стамбул. Медхаду пришлось отказаться от выпуска «Курдистана» и вернуться из Каира в Стамбул, после того как он договорился со своим братом Абделем Рахманом о возможности издания газеты в одной из европейских стран, которые не подвержены угрозе вмешательства со стороны Османской империи.

После того как Абдул Рахман Бадрахан стал главным редактором, позиция газеты изменилась по отношению к султану Абдул-Хамиду II. Новый редактор разместил ряд статей, обвиняющих султана в тирании, несправедливости и коррупции, его личной ответственности за ухудшение общей ситуации в государстве. Газета призывала курдов к бдительности по отношению к заговорам и планам, организованным Абдул-Хамидом и его приспешниками, с целью провокации конфликтов между курдами и другими народами.

Абдель Рахман Бадрахан писал в своей первой статье: «Мы покинули Египет, мы перенесли редакцию газеты в Европу, подальше от власти султана, чтобы служить своему народу, открыть глаза людям на коррупцию и тиранию султана» [«Курдистан», 1898, № 6].

Большое внимание уделялось в газете самобытной курдской литературе. Уже во втором номере газеты Мекдад Медхат Бадрахан писал: «Курдская элита из числа читателей просит публиковать в газете произведения курдской литературы, и особенно, поэзии. И было бы неразумно выпускать курдскую газету на курдском языке под названием «Курдистан», не обращаясь к курдской литературе» [Азадин Мстава Расул,

б.г., с. 32]. Он пообещал, что газета будет писать не только о текущей курдской политической и социальной реальности, будут публиковаться рассказы и повести курдских писателей, а также стихи таких авторов как Факиа Таран, Малаи Джазири, Али Харири, Ахмади Хани, Амин Али Бадрахан. Первым был выбран Ахмади Хани, один из самых известных курдских поэтов того времени, и его поэма «Мам и Зеин».

Поэма «Мам и Зеин» была опубликовано в нескольких номерах газеты без авторского объяснения политического подтекста этих стихов и пояснения устаревших слов, что не отвечало целям Ахмади Хани и Медхата Бадрахана вызвать интерес у курдов к просвещению и культуре [Махмуд Замдар, 1998, с. 24]. Книга представляет собой историю любви юноши и девушки, содержит много интересных и поучительных рассуждений, но их необходимо правильно истолковать, чтобы книга смогла принести пользу читателю.

В целом первая курдская газета, не смотря на тяжелые условия и постоянные гонения со стороны османских властей, сыграла свою важную роль в политическом и культурном единении курдского народа, став выразителем его национальных и просветительских идей, о также организационным центром борьбы курдов за свою независимость.

Примечания

¹ Медхат Бадрахан-паша (титул Мекдад) родился в изгнании, в городе Канди на острове Крит в 1858 г. Детство провел на Крите, а затем переехал в Стамбул, чтобы продолжить учебу. Участвовал в политической и культурной деятельности в курдском центре Стамбула. После провала революции 1897 г. (Харака), Медхат был арестован и заключен в тюрьму. Из-за серьезной болезни был освобожден, после чего покинул Стамбул и в 1898 г. отправился на лечение в Каир. В результате знакомства с политической и культурной жизнью Каира Бадрахан решил основать газету «Курдистан». В результате давления османских правителей на его близких и ухудшения здоровья в том же году был вынужден вернуться в Стамбул. Здесь он продолжил свою политическую и культурную деятельность. Был вновь арестован в 1906 г. Медхат Бадрахан оставался в тюрьме до Младотурецкой революции 1908 г., после которой ему была предоставлена общая амнистия. Бадрахан вернулся к интересам курдского дела и продолжал свою политическую деятельность до самой своей смерти в 1915 г.

² Криш – денежная единица Египета.

³ Абдель Рахман Бадрахан (младший брат Мадхата Бадрахана) родился в 1868 г. Учился в Стамбуле. Владел турецким, арабским, фарси, французским и английским наряду с родным курдским языком. После того, как давление османских властей на семью Бадрахана усилилось и достигло прямой угрозы, Абдель Рахман согласился организовать выпуск издания в одной из европейских стран и тайно покинул Стамбул. Абдель Рахман Бадрахан вел активную политическую и дипломатическую жизнь и скончался в Женеве в 1936 г.

⁴ Абдул-Хамид II. Родился 21 сентября 1842 г. Возглавлял Османскую империю с 1876 по 1909 г. В 1876 г. под давлением Мидхата Бадрахан-паши, связанного с обществом Новых Османов, ввёл конституцию, но вскоре распустил созданный на её основании парламент и установил деспотический режим «зулум» (насилие, произвол). Своей политикой угнетения народов Османской империи (армянские и курдские погромы, резня греков па Крите в 90-х гг.

XIX в. и др.) заслужил прозвище Кровавого Султана. В результате Младотурецкой революции 1908 г. был вынужден восстановить конституцию 1876 г. 27 апр. 1909 г. после подавления младотурками контрреволюционного путча, организованного феодально-клерикальными и компрадорскими элементами, низложен и арестован. До 1912 содержался под стражей в Салониках, затем был перевезён в Стамбул, где умер в заключении 10 февраля 1918 г.

Литература

Абдул Фаттах Ботани. Начало курдского национализма. Библиотечный дом Кауа, дхок-Ирак, 2005.

Ахмад Махамад. Курды из Османской империи. Их социальная, экономическая и политическая история. Библиотечный дом Сприиз, Арбиль, 2009.

Азадин Мстава Расул. Реализм в курдской литературе. Библиотечный дом Модерн, Бейрут, (без года).

Бахадин Ахмад. Начало курдской прессы. Библиотечный дом Чуарчра, Слемани, 2018.

Камаль Мажара. «История курдов и Курдистана» (без года).

Камаль Фавад. Первая газета Курдистана, публикации Управления курдской культуры. Библиотечный дом Ихлас, Багдад, 1972.

Наушируан Мустафа Амин. Страницы из истории курдской прессы, Библиотечный дом Арабия, Бейрут 2013.

Махмуд Замдар. Газета «Курдистан», Библиотечный дом культур, Арбиль, 1998.

Салам Наухуш. Политологическое исследование по курдистанскому отделению / перевод Юсуфа Османа. Библиотечный дом Офис, Эрбиль, 2009.

Фарис Осман. Первая курдская газета 1898 – 1902. Библиотечный дом DAR, Камишло, 2017.

Хеми Сулаадин. Принц Бадр Хан и исторические документы // Журн. «Хиуар», 1999, № 22.

Шаабан Мзири. Исторические основы развития курдской прессы // Атихад, 2013, 13 мая, с. 4.

«Курдистан», 1898 – 1902 (газета).

References

Abdul Fattakh Botani. *Nachalo kurdsckogo natsionalizma*. Bibliotechnyy dom Kaua, dkhok-Irak, 2005. (In Russian).

Akhmad Makhamad. *Kurdy iz Osmanskoy imperii. Ikh sotsial'naya, ehkonomicheskaya i politicheskaya istoriya*. Bibliotechnyy dom Spriiz, Arbil', 2009. (In Russian).

Azadin Mstava Rasul. *Realizm v kurdsckoy literature*. Bibliotechnyy dom-Modern, Beyrut (bez goda). (In Russian).

Bakhadin Akhmad. *Nachalo kurdsckoy pressy*. Bibliotechnyy dom Chuarchra, Slemani, 2018. (In Russian).

Kamal' Mazhara. «*Istoriya kurdiv i Kurdistana*» (bez goda). (In Russian).

Kamal' Favad. *Pervaya gazeta Kurdistana. Publikatsii Upravleniya kurdsckoy kul'tury*, Bibliotechnyy dom Ikhlal, Bagdad, 1972. (In Russian).

Naushiruan Mustafa Amin, *Stranitsy iz istorii kurdsckoy pressy*, Bibliotechnyy dom Arabia, Beyrut 2013. (In Russian).

Makhmud Zamdar. *Gazeta «Kurdistan»*, Bibliotechnyy dom kul'tur, arbil', 1998. (In Russian).

Salam Naukhush. *Politologicheskoye issledovaniye po kurdistsanskomu otdeleniyu (perevod Yusufa Osmana)*. Bibliotechnyi ydom Ofis, Erbil', 2009. (In Russian).

Faris Osman. *Pervaya kurdsкая gazeta 1898-1902*. Bibliotechnyy dom DAR, Kamishlo, 2017. (In Russian).

Khemi Sulaadin. Prints Badr Khan i istoricheskiye dokumenty. *Zhurnal «Khiuar»*, 1999, no. 22. (In Russian).

Shaaban Mziri. Istoricheskiye osnovy razvitiya kurdskey pressy. *Atikhad*, 2013, 13 maya, p. 4. (In Russian).

Gazeta «Kurdistan». 1898 – 1902. (In Russian).

Kaka Mohammed Omer Kaka (Iraq, Kurdistan)

Formation of the Kurdish Press: “Kurdistan” Newspaper

The article is devoted to the first Kurdish national edition – the newspaper “Kurdistan” (1898-1902). The history of its creation and formation is given, first in Egypt, then in Europe. The persecution of the newspaper and its editors by the Ottoman government is described. The role and importance of the newspaper in the formation of national and educational ideas, in the political and cultural unity of the Kurdish people fighting for their independence are emphasized.

Key words: *Kurdistan newspaper, national identity, Medhat Badrakhan, Ottoman Empire, Suleiman Abdul-Hamid*

Kaka Mohammed Omer Kaka – post-graduate student of journalism theory dpt. Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural communication of Southern Federal University. Phone: 8-989-626-40-15; e-mail: mohammedomarkaka@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

ЖИЗНЬ ЧЕХОВСКИХ ГЕРОЕВ В ЗЕРКАЛЕ МЕТАФОР

(Щаренская Н.М. Жизнь в метафорическом зеркале: повесть А.П. Чехова «Моя жизнь»: монография / Южный федеральный университет. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 254 с.)

Повесть А.П. Чехова «Моя жизнь» (1896) со всеми на то основаниями исследователи называют одним из шедевров мелиховского периода жизни и творчества писателя. Положительных откликов современников на повесть было много, но самым, пожалуй, запоминающимся стал отзыв И.Е. Репина. В письме А.П. Чехову от 13 декабря 1897 г. художник пишет: «“Моя жизнь” – вот это тронуло меня и произвело глубокое впечатление! Какая простота, какая сила, неожиданность... И как это ново! Как оригинально! А какой язык! – Библия». Именно язык повести, поразивший просвещённого читателя XIX в., стал предметом отдельной монографии спустя 110 лет. В этом смысле книга Н.М. Щаренской занимает совершенно особое место в чеховиане. Автор монографии предлагает медленное прочтение текста.

Медленное (вдумчивое, глубокое) чтение / close reading или интерпретация текста, как принято называть этот предмет в учебных курсах филологических факультетов в РФ, используется нами в его терминологическом значении, которое восходит еще к наблюдениям Ф. Ницше. В предисловии к работе «Утренняя заря, или мысль о моральных предрассудках» (1887) читаем: «Филология – именно то заслуживающее уважения искусство, которое от своего почитателя требует, прежде всего, одного – идти стороной, давать себе время, быть тихим, медленным, как ювелирное искусство слова, которое исполняет только тонкую, осторожную работу и которое может испортить все, если будет торопиться. Именно потому оно теперь необходимее, чем когда-нибудь, именно потому-то оно влечет и очаровывает нас, в наш век “работы”, век суетливости, век безумный, не щающий сил, поспешности, – век, который хочет успеть все и справиться со всем, с каждой старой и с каждой новой книгой. Филология не так быстро успевает все – она учит читать хорошо, т.е. медленно, всматриваясь в глубину смысла, следуя за связью мысли, улавливая намеки; видя всю идею книги, как бы сквозь открытую дверь... Мои терпеливые друзья! Эту книгу могут читать только опытные читатели и филологи: вычитесь же хорошенько читать!» (Ницше).

Такое пространное введение в рецензию показалось нам необходимым, поскольку сама Н.М. Щаренская ничего о медленном чтении не говорит, хотя совершенно очевидно, что в монографии использована именно эта методика – тщательного, вдумчивого чтения, названного А.П. Скафтымовым «честным чтением». Язык повести, лишённый ярких индивидуальных экспрессивных средств, сам диктует условия своего понимания. В тексте «Моей жизни», как и в языке произведений Чехова вообще, отсутствуют явные изыски и сложные авторские тропы. Монография представляет собой опыт прочтения повести А. П. Чехова «Моя жизнь» с пристальным вниманием ряду привычных, стертых метафор. Развертывающиеся и длящиеся на протяжении всего текста метафоры порождают сеть семантических сцеплений, являющихся источником эстетического значения языковых единиц текста. Такой подход позволяет объяснить многочисленные «случайные» детали повести. Метафоры создают яркую картину жизни героев и общества. И если известная книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона названа «Метафоры, которыми мы живём», то книгу Щаренской вполне можно было бы озаглавить «Метафоры, которыми живут герои Чехова».

Перед нами добросовестно выполненный анализ повести «Моя жизнь» с опорой на научные методы и приёмы лингвистики текста, который завершается обобщением, выявлением, проявлением скрытых смыслов, раскрывающих авторскую интенцию или, говоря в терминах Бахтина, позицию автора. В книге выполнена главная задача медленного чтения / интерпретации художественного текста – восприятие и воспроизведение содержания текста с ориентацией на доминантную черту художественной структуры, т.е. на форму, на язык, которым это содержание выражено. После скрупулёзного каталога всех использованных тропов и фигур, с особым вниманием к метафорам и катахрезам, дан ответ на главный вопрос – для чего? куда они ведут? или, выражаясь бытовым языком, что же хотел сказать автор или, точнее, что же он, автор, всё-таки сказал? Один из очевидных выводов – человек должен свободно и ответственно совершать собственные шаги по дороге жизни, помня об их значимости не только для окружающего мира, но и, прежде всего, для себя самого.

Как безусловное достоинство рецензируемой книги следует отметить глубокое проникновение в стилистику текста, владение терминологической системой, предложенной ещё Аристотелем, и, к сожалению, не всегда понятной современным исследователям. Не рассчитывая на всеобщую филологическую грамотность, автор часто сопровождает термины развёрнутыми пояснениями. Наряду с метафорой Н.М. Щаренская нашла случаи использования А.П. Чеховым анадиплозиса, параномазии, катахрезы, парадистолы, антаны, плоки, тмезиса, гипаллаги, оксюморона, синекдохи и др. Использование специальной терминологии возвращает читателя к мысли о том, что филология – это наука, у неё есть свои термины и методы и что без них, без рассмотрения вопросов поэтики и стиля мы имеем дело только с рассуждениями по поводу, которые порой очень далеко отстоят от научных исследований. Эта книга никогда не станет популярным чтением для обывателя, но она успешно выполняет роль пособия для литературоведов как образец медленного, внимательного, глубокого прочтения текста, неизменно ведущего к аргументированным выводам.

О.В. Спачиль,
доцент кафедры английской филологии.
Кубанский госуниверситет

ХРОНИКА

VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА «РУССКИЙ ЯЗЫК: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

С 20 по 23 марта 2019 г. на филологическом факультете МГУ состоялся VI Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». Это масштабное мероприятие проводится раз в несколько (3 – 5) лет с 2001 г. Конгресс стал наиболее широким и представительным международным форумом по актуальным проблемам теории и практики русистики. Как отмечают организаторы, «тематика исследований, представленных на нём, концентрируется вокруг проблем теории и методологии русского языкознания, истории и преемственности русского языка, актуальных системных процессов в его современном состоянии, условий и результатов функционирования русского языка как средства международного, межнационального общения и межкультурной коммуникации, особенностей функционирования русского языка в среднем и высшем образовании» (подробная информация всегда размещается на официальном сайте Конгресса).

Пленарное заседание открыл ректор МГУ В.А. Садовничий. В приветственном слове он отметил разнообразие векторов изучения русского языка, подчеркнул полезность обмена теориями и практическими достижениями, обратил внимание на то, что язык для каждого ученого является инструментом творчества и познания, а для всех вместе – инструментом консолидации. Приветствовали участников Конгресса также чрезвычайный и полномочный посол Болгарии и новый декан филологического факультета А.А. Липгарт, который отметил неоценимый вклад в организацию столь масштабного форума русистов М.В. Ремнёвой.

С докладами на пленарном заседании выступили известные профессора: Т.В. Шмелёва («Современная русистика: ведущие тенденции и нерешённые задачи») выделила основные направления в современной науке о русском языке: тенденцию к исчерпывающему изучению русского языка и его описанию; изучение «естественной» речи – записок, заметок, ценников и т.п.; технологизацию лингвистических исследований – создание различных корпусов текстов. Особую тревогу исследователя вызывает бедность лингвистической мысли, отсутствие новых грамматических идей при массиве фактов. Среди первоочередных задач Т.В. Шмелёва назвала оцифровку работ по классической филологии, чтобы они стали доступны молодому поколению лингвистов.

В.М. Алпатов («Русская лингвистика и мировая лингвистика») основным положением доклада сделал утверждение, согласно которому русская лингвистика ни в коем случае не должна противопоставляться мировой лингвистике, потому что она, напротив, является её частью, так как продолжает, углубляет и развивает многие идеи, высказанные в трудах зарубежных лингвистов-классиков.

Удивление присутствующих филологов вызвал следующий участник – доктор физико-математических наук Г.Ю. Ризниченко. Однако выбранная ею тема оказалась чрезвычайно актуальной в первую очередь для лингвистов («Русский язык как язык современной науки»). Исследовательница поделилась своими переживаниями по поводу вытеснения английским языком русского в области естественно-научных публикаций и высказалась о необходимости сохранения русского языка именно как языка науки, предложив для выполнения этой задачи несколько решений.

Иностранным докладчиком стала Н. Няголова, доцент кафедры русистики Великотырновского университета (Болгария). Она описала тенденции развития и основные направления современной болгарской лингвистики («Болгарская русистика XXI века – представители, школы, исследовательские направления»).

А.Д. Шмелёв рассказал о работе орфографической комиссии, председателем которой является, описал основные направления в её работе и трудности, с которыми сталкивается коллектив.

Н.Н. Болдырев посвятил свой доклад пространству и времени как доминантным формам языковой интерпретации.

С.В. Лесников рассказал о концепции, основных принципах и этапах разработки проекта «Цифровой корпус академических словарей русского языка».

Всего в рамках VI Международного конгресса исследователей русского языка работало 26 секций, на которых выступили около 600 участников. Южный федеральный университет представляли профессора Н.В. Изотова («Диалогический текст в нарративе: особенности формирования»), С.В. Ильёсова («К оценке одной активной модели»), Л.В. Табаченко («О дифференциации объектных и обстоятельственных форм в истории русского языка»); доценты Л.П. Амири («К вопросу об особенностях демегафоризации в рекламном дискурсе»), А.А. Козакова («"Вол" и "римлянин" (Лингвистический анализ образа В.Я. Брюсова в очерке М. Цветаевой "Герой труда"»), И.А. Литвинова («Ключевое слово "Сивилла" как центр пересечения семантических полей в идиолекте М. Цветаевой»), старшие преподаватели Е.В. Сердюкова («Принципы номинации праславянских названий растений»), О.А. Фролова («Проект "Слово года" в аспекте его лингвокультурологической значимости в преподавании русского языка как иностранного»).

Самой многочисленной по числу участников стала секция «Лексикологические исследования», её работа продолжалась в течение всех дней деятельности Конгресса. Также активно работали секции «Проблемы семантической экспертизы», «История русского языка», Научный семинар Аспектологической комиссии при Международном комитете славистов, «Синтаксические исследования», «Теоретические и терминологические проблемы русистики. Русистика за рубежом», «Составление и исследование словарей и БД, сбор данных», «Межъязыковые контакты», «Проблемы словообразования», «Актуальные проблемы грамматики», «Русский язык в междисциплинарных исследованиях», «Грамматика художественного текста. Перевод как средство экспликации языковых различий», «Текстология и палеография», «Проблемы преподавания РКИ», «Исследование речевых жанров и речевых актов», «Особенности поликодовых текстов», «Особенности языка специализированных функциональных стилей», «Лингвопоэтика», «Исследование наименований и проблемы нейминга», «Проблемы русского правописания», «Преподавание русского языка в школе и вузе», «Язык СМИ: особенности и влияние», «Фонетические исследования».

По итогам Конгресса филологический факультет МГУ выпустил электронный сборник трудов и материалов, который представлен, как и в предыдущие годы, на официальном сайте.

А.А. Козакова, доцент ИФЖиММК,
И.А. Литвинова, доцент ИФЖиММК,
Южный федеральный университет

ПОЛОЖЕНИЕ
о правилах рецензирования статей в журнале
«Известия Южного федерального университета. Филологические науки»

Научные статьи, поступившие в редакцию журнала «Известия Южного федерального университета. Филологические науки», проходят через институт одностороннего «слепого» рецензирования (single-blind – рецензент знает об авторе, автор – нет).

Заведующий редакцией журнала передаёт статьи редакторам разделов (в распечатанном или электронном виде). Редакторы разделов определяют рецензентов согласно научной тематике статей.

Рецензент должен рассмотреть полученную статью в течение 3 месяцев и представить в редакцию рецензию (по e-mail, с досылком по почте или непосредственным представлением в редакцию).

Рецензент может рекомендовать статью к опубликованию; рекомендовать к опубликованию после доработки с учетом замечаний; не рекомендовать статью к опубликованию.

В рецензии должен быть оценён научный уровень материала. Необходимо обратить внимание на соответствие названия, цели и задач содержанию статьи, наличие элементов новизны, достаточность научной аргументации, наличие обобщений и выводов, научную и практическую значимость работы.

Если рецензент рекомендует статью к опубликованию после доработки с учетом замечаний или не рекомендует статью к опубликованию, в рецензии должны быть указаны причины такого решения.

Заведующий редакцией журнала знакомит автора статьи с рецензией в обязательном порядке в том случае, если в рецензии есть замечания, которые необходимо учесть для улучшения содержания статьи, а также в случае отклонения статьи.

Если статья по рекомендации рецензента подверглась авторской переработке, она направляется на повторное рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания. Срок повторного рецензирования – до одного месяца.

Редколлегия вправе направлять статьи на дополнительное анонимное рецензирование. При наличии отрицательных рецензий на рукопись от двух разных рецензентов или одной рецензии на ее доработанный вариант статья отвергается без рассмотрения другими членами редколлегии.

Заведующий редакцией доводит до сведения автора принятое решение. Максимальный срок рецензирования между датами поступления рукописи в редакцию и вынесения редколlegией окончательного решения составляет четыре месяца.

В дальнейшую переписку с авторами отклонённых статей заведующий редакцией журнала не вступает.

Наличие положительных рецензий не является достаточным основанием для публикации статьи.

Окончательное решение о целесообразности публикации принимает редакционная коллегия на специальном заседании, посвящённом выпуску очередного номера журнала.

Рецензии хранятся в редакции журнала в течение 5 лет. Копии рецензий могут быть направлены в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

Журнал является научно-прикладным, рецензируемым; выходит на русском языке (4 раза в год); имеет подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы».

С 2010 г. журнал включен в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

В журнале получают отражение фундаментальные и прикладные исследования по филологии (языкознанию и литературоведению), методике преподавания русского (в том числе как иностранного) и иностранных языков, литературы и журналистики.

В журнале публикуются научные статьи, материалы конференций, симпозиумов, круглых столов, информация о научных мероприятиях, рецензии, отчёты об исследованиях, переводы трудов зарубежных авторов и другие научные работы.

Издание информирует читателей о состоянии и перспективах развития филологических наук в России и за рубежом. Журнал адресован ученым, преподавателям вузов, колледжей и средних учебных заведений, аспирантам и докторантам. Издание направляется в ведущие научные и образовательные учреждения РФ и зарубежных стран, крупнейшие национальные библиотеки, научные фонды и иные структуры и учреждения, работающие в сфере науки и образования.

Высокий научный уровень журнала обеспечивается не только учёными Южного федерального округа, но и ведущими учёными вузов и научных организаций других регионов РФ, а также ряда стран ближнего и дальнего зарубежья.

Сайт журнала на международной платформе Open Journal Systems <http://www.philol-journal.sfedu.ru>

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

В предлагаемых для публикации научных статьях должны содержаться обоснование актуальности темы, четкая постановка цели и задач исследования, научная аргументация, обобщения и выводы, представляющие интерес своей научной новизной, теоретической и практической значимостью.

Статья должна быть тщательно вычитана. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, подвергать их редакционной правке и отправлять авторам на доработку.

Для публикации в журнале необходимо отправить статью на русском или английском языке по электронной почте igor nef@yandex.ru (зав. редакцией журнала).

Предлагаемые к публикации материалы должны быть оформлены согласно указанным ниже требованиям.

Материалы, присланные в редакцию, не возвращаются.

Требования к оформлению статьи

Объем научной статьи – 0,4 – 0,7 п.л. (16000-28000 печ. зн.). В случае превышения указанного объема условия публикации статьи оговариваются в индивидуальном порядке. Объем сообщения, рецензии, хроники научной жизни и т.п. определяются в индивидуальном порядке.

Структура публикации

- УДК и ББК;
- инициалы и фамилия автора (-ов) в правом верхнем углу строчными буквами;
- название (посередине строки прописными буквами);
- аннотация статьи на русском языке (не более 500 знаков); в аннотации следует избегать «пустых» выражений типа «в данной (предлагаемой) статье рассматривается...»;
- ключевые слова (не более 10);
- текст статьи;
- список литературы и источников в алфавитном порядке;
- желательно название статьи, ключевые слова и аннотацию (объемом 20-25 строк) представить и на английском языке, при этом английский текст аннотации предпочтительно давать в более распространенном виде, по сравнению с русским (если автор не может дать квалифицированный перевод, это будет выполнено редакцией);
- сведения об авторе (-ах): фамилия, имя, отчество; место работы (город, страна, вуз, факультет, кафедра и т.п.); учёная степень, ученое звание, должность; дом. адрес (на русском и английском), телефон, e-mail.

Технические установки

- редактор MS WORD 6/0 и выше;
- формат бумаги – А4, шрифт Times New Roman, стиль Normal, кегль –14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – 2,5 см;
- примеры в тексте выделяются курсивом;
- ссылки на литературу даются в квадратных скобках с указанием автора (-ов) или (если это коллективный труд) – названия работы, года издания и страницы через запятую: [Иванов, 2013, с. 4]; [Философия культуры..., 2009, с. 176];
- цитаты тщательно сверяются и заверяются подписью автора (-ов) на последней странице статьи следующим образом: «Цитаты, приведенные в тексте статьи, верны»;
- иллюстрации должны включать объяснения значений всех компонентов, порядковый номер, подрисуночную подпись. Таблицы должны иметь порядковый номер и заголовок, расположенные над ней. В головке таблицы текст пишется с прописной буквы, сокращения слов не допускаются. На иллюстрации и таблицы должны быть ссылки в тексте. Данные иллюстраций и таблиц не должны дублировать текст;
- статья должна быть подписана автором (-ами) на последней странице.

Примеры оформления списка литературы и ссылок на неё

Список использованной литературы оформляется под заголовком «Литература», или «Литература и источники». Примечания лучше оформлять в виде затекстовых ссылок, используя для них общепринятую индексную нумерацию, и помещать их перед списком литературы. Например:

В тексте:

«...лучшей книги о Сахалине до сих пор не было и нет»².

В примечаниях:

² См.: Комментарии к «Острову Сахалину», составленные М.Л. Семановой. С. 580.

Описание источника приводят в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Источник описывают в следующем порядке:

- фамилия и инициалы автора курсивом, название работы, место, название издательства (издающей организации) и год издания, количество страниц, например:

Гусев А.Ф. Граф Л.Н.Толстой, его «Исповедь» и мнимо-новая вера. Ч. 1. М., б. и., 1890. 460 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.;

- если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например:

Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // *Апресян Ю.Д.* Избр. тр. Т. 2. М.: Наука, 1995. С. 115 – 124.

Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2, 3. С.17–27.

- если ссылка дается на сборник или иное аналогичное издание, то его описывают либо под фамилией научного редактора (-ов) с указанием «ред.» (для других языков – ed., и т.п.); либо под заглавием книги, например:

Greenberg J. (ed.). Universals of human language. Vol. I. Method and theory. Stanford (California), 1978. 420 p.

Или:

Universals of human language. Vol. I. Method and theory. Stanford (California), 1978. 420 p.

Для электронных ресурсов допускается вместо слов «Режим доступа» (или их эквивалента на другом языке) использовать для обозначения электронного адреса аббревиатуру «URL» (Uniform Resource Locator – унифицированный указатель ресурса). После электронного адреса в круглых скобках приводят сведения о дате обращения к электронному сетевому ресурсу, после слов «дата обращения» указывают число, месяц и год:

Непомнящий В.С. Пушкин и судьба России [Электронный ресурс]. // Глагол. – Электрон. дан. М., 2001. URL: <http://www.glagol-online.ru/p5/115/> (дата обращения 03.09.2009).

Список литературы необходимо продублировать транслитерацией на латинице в соответствии с требованиями Scopus и дать под заголовком «References» после оригинального списка литературы по приводимым ниже образцам, при этом в качестве разделительных элементов не следует использовать косую линию (слэш), а применять шрифтовые выделения (курсив):

Описание книги (монографии, сборника):

Gusev A.F. *Graf L.N.Tolstoy, yego «Ispoved'» i mnimo-novaya vera, Chast' 1*, Moscow, b.i., 1890, 460 p. (In Russian).

Peshkovskiy A.M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii*, Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 1956, 384 p. (In Russian).

Apresyan Yu.D. *Konnotatsii kak chast' pragmatiki slova (leksikograficheskiy aspekt)*, Apresyan Yu.D., *Izbrannye Trudy, Tom 2*, Moscow: Nauka, 1995, 256 p. (In Russian).

Описание статьи в журнале:

Trubetskoy N.S. *Obshcheslavyanskiy ehlement v russkoj kulture, Voprosy yazykoznaniya*, 1990, no 2, pp. 17-27. (In Russian).

Описание диссертации или автореферата диссертации:

Braslavec L. A. *Internet-servisy sotsial'nykh setey v sovremennoy sisteme sredstv massovoy kommunikatsii: dis. ... kand. filol. nauk*. Voronezh, 2010. 180 p. (In Russian).

Kuznetsova N. V. *Struktura i stilistika yazykovykh sredstv v tekstakh internet-forumov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Tyumen', 2008. 24 p. (In Russian).

Описание статьи из электронного журнала:

Ushakov A. A. *Internet-diskurs kak osobyy tip rechi. Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye*. 2010, no 4. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/internet-diskurs-kak-osobyy-tip-rechi-retsenzirovana> (accessed 01.10.2016). (In Russian).

Описание Интернет-ресурса:

Nepomnyashchiy V.S. *Pushkin i sud'ba Rossii. Glagol*. Moscow, 2001. Available at: <http://www.glagol-online.ru/n5/115/> (accessed 03.09.2009) (In Russian).

Условия передачи авторских прав

Авторы, которые публикуются в данном журнале, соглашаются со следующими условиями:

1. Авторы сохраняют за собой авторские права на работу и передают журналу право первой публикации вместе с работой, одновременно лицензируя ее на условиях Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным указанием авторства данной работы и ссылкой на оригинальную публикацию в этом журнале.

2. Авторы сохраняют право заключать отдельные, дополнительные контрактные соглашения на неэксклюзивное распространение версии работы, опубликованной этим журналом (например, разместить ее в университетском хранилище или опубликовать ее в книге), со ссылкой на оригинальную публикацию в этом журнале.

3. Авторам разрешается размещать их работу в сети Интернет (например, в университетском хранилище или на их персональном веб-сайте) до и во время процесса рассмотрения ее данным журналом, так как это может привести к продуктивному обсуждению, а также к большему количеству ссылок на данную опубликованную работу (смотри The Effect of Open Access).

4. Ознакомиться с полным текстом лицензионного соглашения Creative Commons Attribution License можно на сайте: <http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/deed.ru>

**За оригинальность текстов статей и достоверность сведений,
изложенных в них, ответственность несут авторы.**

**Статьи, оформленные без соблюдения указанных требований,
редакцией не рассматриваются.**

Адрес редакции:

344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 150, к.11

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет

Заведующий редакцией журнала: Нефёдов Игорь Владиславович

Телефон: +79604643321

E-mail: igornef@yandex.ru

Сайт журнала: <http://www.philol-journal.sfedu.ru>

Сдано в набор 02.05.2019. Подписано в печать 20.06.2019.
Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Гарнитура «PetersburgC»
Печать цифровая. Усл. печ. л. 19,19. Уч.-изд. л. 19,55. Тираж 500 экз.
Заказ № 223

Типография ООО «Фонд науки и образования»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая 111,
тел. 8-918-570-30-30.